

ISSN 2658-3321

КАЗАНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2021, том 4, № 2

KAZAN LINGUISTIC JOURNAL

2021, volume 4, No. 2

КАЗАНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Журнал основан в июне 2018 года

2021, том 4, № 2

Международный научный журнал

«Казанский лингвистический журнал» - международное научное рецензируемое издание открытого доступа, придерживающееся следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Публикуемые в журнале материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Научное содержание публикаций, наименования и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора по следующим группам научных специальностей:

10.01.00 Литературоведение:

- 1) 10.01.01 Русская литература.
- 2) 10.01.02 Литература народов Российской Федерации (с указанием конкретной литературы).
- 3) 10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы).

10.02.00 Языкознание:

- 1) 10.02.19 Теория языка.
- 2) 10.02.20 Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.
- 3) 10.02.22 Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии.

13.00.00. Педагогические науки:

- 1) 13.00.01 Общая педагогика, история педагогики и образования.
- 2) 13.00.02 Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования).
- 3) 13.00.08 Теория и методика профессионального образования.

Информация об издании

Казанский лингвистический журнал выходит с 2018 года с периодичностью 4 номера в год на *русском, татарском, английском, немецком, французском, турецком, китайском, испанском, итальянском* языках. Журнал приглашает докторов и кандидатов наук, преподавателей вузов, докторантов, аспирантов, магистрантов, а также всех, проявляющих интерес к рассматриваемой проблематике принять участие в дискуссии по предлагаемому рубрикатору и **бесплатно** опубликоваться. Формат журнала и принцип открытого доступа позволяет обеспечить самый широкий охват читательской и авторской аудитории.

Цель журнала заключается в ознакомлении российского и международного научного сообщества с результатами деятельности научных школ и самостоятельных исследователей, а также работами в языкознании, литературоведении, теории и методике обучения и воспитания, теории и методике профессионального образования.

Задачи журнала:

- публикация научных, обзорных и информационных статей, отражающих актуальные вопросы в заявленных областях;
- информирование об основных результатах научных работ, выполняемых в рамках приоритетных направлений исследований;
- публикация статей, посвящённых разработке и реализации новых перспективных проектов;
- информирование об исследованиях молодых учёных и результатах их научной работы.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций РФ. **Свидетельство о регистрации:** ПИ № ФС 77 – 72979, дата регистрации: 06.06.2018.

Форма распространения: печатное СМИ (журнал)

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации, номер ISSN: ISSN 2658-3321 (Print).

Учредители: Сакаева Лилия Радиковна, Тахтарова Светлана Салаватовна, Хабибуллина Эльмира Камилевна.

Издатель: Автономная некоммерческая организация «Институт культурного наследия»

ИНН 1655080432: ОГРН 1041621009660

Адрес: 420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлёвская, д. 10/15

Редакция: 420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. М. Межлаука, д. 3, каб. 117

Сайт: <http://kaz-linguo-journal.ru/>

Телефон: +7 (843) 221-34-79

E-mail: kaz-linguo-journal@mail.ru

Индекс 64986, каталог «ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ»

Агентство «РОСПЕЧАТЬ»

Выходит 4 раза в год

Главный редактор

Тахтарова Светлана Салаватовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Редакционная коллегия

Адельгейм Ирина Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук

Беленцов Сергей Иванович – доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора по учебно-методической работе, Курский государственный университет

Бокова Татьяна Николаевна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики обучения английскому языку и деловой коммуникации, Московский городской педагогический университет

Бушканец Лия Ефимовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков в сфере международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Гревцева Гульсина Якуповна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии, Челябинский государственный институт культуры

Громова Нелли Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой африканистики ИСАА при МГУ, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Загидуллина Дания Фатиховна – доктор филологических наук, профессор, вице-президент, ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан»

Закирзянов Альфат Магсумзянович – доктор филологических наук, доцент, заведующий отделом литературоведения, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан

Корнеева Лариса Ивановна – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков и перевода, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Крылов Вячеслав Николаевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Миннуллин Ким Мугаллимович – доктор филологических наук, профессор, директор, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан

Митягина Вера Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Волгоградский государственный университет

Морозкина Евгения Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингводидактики и переводоведения, Башкирский государственный университет

Мурашов Рахим Закиевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой и французской филологии, Башкирский государственный университет

Несмелова Ольга Олеговна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Пенская Елена Наумовна – доктор филологических наук, профессор, руководитель Школы филологических наук факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики»

Ратнер Фаина Лазаревна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Редькин Олег Иванович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой арабской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет

Рябцева Надежда Константиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором прикладного языкознания, Институт языкознания Российской академии наук

Сабинова Диана Рустамовна – доктор педагогических наук, доцент, декан Высшей школы иностранных языков и перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Сакаева Лилия Радиковна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Сдобников Вадим Витальевич – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики английского языка и перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

Тахтарова Светлана Салаватовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Фаткуллина Флюза Габдуллиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и сопоставительной филологии, Башкирский государственный университет

Шамина Вера Борисовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Шаховский Виктор Иванович – доктор филологических наук, профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Яхин Фарит Закизянович – доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом текстологии, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан

Петер Коста – доктор наук, профессор, университет г. Потсдам, Германия

Хаяти Девели – доктор наук, профессор, председатель Института Юнуса Эмре, Стамбульский университет, Турция

KAZAN LINGUISTIC JOURNAL

The journal was founded in June 2018

2021, volume 4, No. 2

International scientific journal

“Kazan linguistic journal” is an international peer-reviewed open access journal that adheres to the following principle: free open access to research results increases the global exchange of knowledge.

The papers published in this journal have passed expert selection and peer review procedures. The scientific content of publications, the titles and content of sections correspond to the requirements for peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission under Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. The most significant scientific works corresponding to the subject and containing materials of the author's own scientific research in the following groups of scientific specialties are accepted for publication in the journal:

10.01.00 Literary studies:

- 1) 10.01.01 Russian literature.
- 2) 10.01.02 Literatures of the people of the Russian Federation.
- 3) 10.01.03 Foreign Literature.

10.02.00 Linguistics:

- 1) 10.02.19 Language theory.
- 2) 10.02.20 Historical, typological and comparative linguistics.
- 3) 10.02.22 Languages of foreign countries peoples of of Europe, Asia, Africa, natives of America and Australia.

13.00.00 Pedagogical Sciences:

- 1) 13.00.01 General pedagogics, history of pedagogics and education.
- 2) 13.00.02 Theory and methodology of teaching and education (by areas and levels of education).
- 3) 13.00.08 Theory and methodology of professional education.

Information about the journal

Kazan linguistic journal has been published since 2018 with a frequency of 4 issues per year. The works can be submitted in 9 languages: Russian, Tatar, English, German, French, Spanish, Italian, Chinese, Turkish. The journal invites doctors and candidates of sciences, university professors, doctoral students, graduate students, undergraduates, as well as everyone who is interested in the issues under consideration to take part in the discussion on the proposed heading and publish for free. The format of the journal and the principle of open access allows providing the widest coverage of the readers and authors' audience.

The editorial board of «Kazan linguistic journal» sees **the main goal** of its activity as promotion and dissemination of information about the most significant research achievements and innovative solutions in the field of philology and linguistics, as well as facilitating the exchange of professional experience in the Russian and international community.

Achieving this goal is carried out by solving the following **tasks**:

- creation of an open discussion platform to support the exchange of views and dissemination of information in the scientific community;
- constant expansion of the range of authors in geographical (overcoming the localization of the publication process) and research plan (increasing the range of issues under consideration);
- promotion of interdisciplinary relationships and an integrated approach to the phenomena under study;
- ensuring compliance of the journal with international requirements for scientific periodicals, as well as careful and objective selection of manuscripts for publication.

The number of the certificate media: ПИ № ФС 77 – 72979, registration date: 06.06. 2018

The shape of the distribution: print media (magazine)

Territory of distribution: Russian Federation, foreign countries.

Registered in the Russian Federation ISSN National Agency, ISSN registration number: ISSN: ISSN 2658-3321 (Print).

Founders: Sakaeva Liliya Radikovna, Takhtarova Svetlana Salavatovna, Khabibullina Elmira Kamilevna.

Publisher: Autonomous non-profit organization "Institute of cultural heritage": INN 1655080432: OGRN 1041621009660

Address: 10/15, Kremlin str., Kazan, Rep. Tatarstan, Russia, 420111

Editorial office: room 117, 3 M. Mezhlauk str., Kazan, Russia, 420008

Website: <http://kaz-linguo-journal.ru/>

Phone: +7 (843) 221-34-79

E-mail: kaz-linguo-journal@mail.ru

Index 64986, catalog “NEWSPAPERS AND MAGAZINES”
“ROSPECHAT” Agency
Published 4 times a year

Head editor

Takhtarova Svetlana Salavatovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the department of theory and practice of translation, Kazan (Volga region) Federal University, (Kazan, Russia)

Editorial Board

Adelgym Irina Evgenevna – Doctor of Philology, Professor, Lead Reasecher, Institute of Slavic studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Belentsov Sergey Ivanovich – Doctor of Pedagogics, Professor, Deputy director for education, Kursk State University (Kursk, Russia)

Bokova Tatyana Nikolaevna – Doctor of Pedagogics, Professor, Professor of the department of English studies and crosscultural communication, Moscow City University (Moscow, Russia)

Bushkanets Liya Efimovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the department of foreign languages in international relations, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Russia)

Grevtseva Gulsina Yakupovna – Doctor of Pedagogics, Professor of the department of pedagogy and psychology, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts (Chelyabinsk, Russia)

Gromova Nelli Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of African studies of Institute of Asian and African studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Korneeva Larisa Ivanovna – Doctor of Pedagogics, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Krylov Viacheslav Nikolaevich – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Russia)

Minnullin Kim Mugallimovich – Doctor of Philology, Professor, Director, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russia)

Mityagina Vera Alexandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Translation Theory and Practice, Volgograd State University (Volgograd, Russia)

Morozkina Evgenia Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of linguodidactics and translation studies, Bashkir State University (Ufa, Russia)

Muryasov Rakhim Zakievich – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of German and French philology, Bashkir State University (Ufa, Russia)

Nesmelova Olga Olegovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Russia)

Penskaya Elena Naumovna – Doctor of Philology, Professor, Academic Supervisor of Faculty of Humanities, Higher School of Economics National Research University (Moscow, Russia)

Ratner Faina Lazarevna – Doctor of Pedagogics, Professor, Professor of the department of Theory and Practice of Translation, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Russia)

Redkin Oleg Ivanovich – Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University, Head of the department of Arabic philology (St. Petersburg, Russia)

Riabtseva Nadezhda Konstantinovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the sector of Applied linguistics, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Sabirova Diana Rustamovna – Doctor of Pedagogics, Associate Professor, Dean of the Higher school of foreign languages and translation, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Russia)

Sakaeva Liliya Radikovna – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of foreign languages, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Russia)

Sdobnikov Vadim Vitalievich – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of the English language and translation theory and practice, Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov (Nizhny Novgorod, Russia)

Takhtarova Svetlana Salavatovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Head of the department of theory and practice of translation (Kazan, Russia)

Fatkullina Fluza Gabdullinovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Russian and comparative philology, Bashkir State University (Ufa, Russia)

Shamina Vera Borisovna – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Russia)

Shakhovsky Victor Ivanovich – Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Social Pedagogical University (Volgograd, Russia)

Yakhin Farit Zakizyanovich – Doctor of Philology, Professor, G. Ibragimov Institute of language, literature and art of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia)

Zagidullina Daniya Fatikhovna – Doctor of Philology, Professor, Vice President, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russia)

Zakirzyanov Alfat Magsumzyanovich – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Literary Studies, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russia)

Peter Costa – Doctor of Science, Professor, University of Potsdam (Potsdam, Germany)

Hayati Develi – Doctor of Science, Professor, Chairman of the Yunus Emre Institute, Istanbul University (Istanbul, Turkey)

СОДЕРЖАНИЕ

• Литературоведение. Русская литература	
Крылов В. Н., Чжэн Сяоян. Размышление о смерти в повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича»	167
• Литературоведение. Литература народов Российской Федерации	
Загидуллина Д.Ф. «Поток сознания» как показатель роста и трансформации художественной литературы	179
• Литературоведение. Литература народов стран зарубежья	
Ан Д.М., Колотова Е.А. Проблемы японского общества в образах мужчины и женщины в произведении «Женщина в песках» Кобо Абэ	191
• Языкознание. Теория языка	
Чеметева Ю.В. Интертекст в медийной аналитике: прагматика перевода	203
• Языкознание. Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	
Петров С.Ю. Вопрос определения степеней языкового родства и этимология когнатов «воды»	219
Макаев Х.Ф., Макаева Г.З. Лингвистический анализ химических терминов в медицине	242
• Языкознание. Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии	
Сабирова Д.Р., Нкетия Ю. Диглоссия в мультикультурном пространстве Республики Гана	254
• Педагогические науки. Общая педагогика, история педагогики и образования	
Корнева И.Г. К вопросу о сущностно-содержательной характеристике понятия «способность к жизненному самоопределению студентов вуза»	271
• Педагогические науки. Теория и методика обучения и воспитания	
Корнеева Л.И., Жданова Д.Е. К вопросу о подходах реверсивного обучения при реализации профессионально-ориентированной иноязычной подготовки специалистов таможенного дела	287
• Педагогические науки. Теория и методика профессионального образования	
Алексеева И.С., Бояркина А.В., Просюкова К.О., Тахтарова С.С. Дидактика перевода и трилингвизм: новый потенциал	302

CONTENT

• Literary studies. Russian literature	
Krylov V.N., Zheng Xiao yang. Reflection on Death in Tolstoy's "The death of Ivan Ilyich"	167
• Literary studies. Literatures of the people of the Russian Federation	
Zagidullina D.F. "Stream of Consciousness" as an Indicator of the Growth and Transformation of Fiction	179
• Literary studies. Foreign Literature	
An D.M., Kolotova E.A. The Japanese Society's Problems in the Images of the Man and the Woman in the Work "The Woman in the Dunes" by Kobo Abe	191
• Linguistics. Language theory	
Chemeteva Yu.V. Intertext in Media Analytics: Pragmatics of Translation	203
• Linguistics. Historical, typological and comparative linguistics	
Petrov S.Y. Familial Relationships between Kin Languages and Etymology of the Russian <i>вода</i> "Water"	219
Makayev Kh.F., Makayeva G.Z. Linguistic Analysis of Chemical Terms in Medicine	242
• Linguistics. Languages of foreign countries peoples of of Europe, Asia, Africa, natives of America and Australia	
Sabirova D.R., Nketiah E. Diglossia in the Multicultural Space of the Republic of Ghana	254
• Pedagogical Sciences. General pedagogics, history of pedagogics and education	
Korneva I.G. Essential and Descriptive Characteristic of the Concept "Ability for Life Self-determination of University Students"	271
• Pedagogical Sciences. Theory and methodology of teaching and education (by areas and levels of education)	
Korneeva L.I., Zhdanova D.E. To the Question of Approaches of Flipped Learning in the Implementation of Professionally Oriented Foreign Language Training of Customs Specialists	287
• Pedagogical Sciences. Theory and methodology of professional education	
Alekseeva I.S., Boyarkina A.V., Prosyukova K.O., Takhtarova S.S. Translation Didactics and Trilingualism: the Educational Potential	302

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

УДК 82/821

DOI: 10.26907/2658-3321.2021.4.2.167-178

РАЗМЫШЛЕНИЕ О СМЕРТИ В ПОВЕСТИ Л. Н. ТОЛСТОГО

«СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА»

В.Н. Крылов, Чжэн Сяоян

krylov77@list.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. Основная задача статьи – выявить, как концепт смерти реализуется через структуру персонажей, изображенный мир, повествовательный вектор, детали повести Л.Н. Толстого. Приводится анализ ситуации переживания «смерти», феномена «смерти» и понимания ее смысла. Испытание смертью – главная тема на протяжении всего творчества великого писателя. Она неотделима от его собственного жизненного пути. В повести «Смерть Ивана Ильича» Толстой выражает лицемерие и равнодушие человеческих отношений в обществе того времени через отношение к главному герою семьи, друзей и коллег после его болезни. В статье используются материалы современных китайских исследователей жизни и творчества Льва Толстого. Учитывается, что в определенной степени на религиозные идеи и мировоззрение Толстого повлияла китайская культура, в частности идеи древнекитайских философов Лаоцзы и Конфуция. В последние годы произошло резкое изменение ценностных ориентиров в мировой культуре, и китайские исследователи начали всесторонне и объективно рассматривать художественное и религиозное учение Толстого.

Ключевые слова: Лев Толстой, смерть, лицемерный мир, жизнь, свет.

Для цитирования: Крылов В.Н., Чжэн Сяоян. Размышление о смерти в повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича». *Казанский лингвистический журнал*. 2021; 4 (2): 167–178.

REFLECTION ON DEATH IN TOLSTOY'S

“THE DEATH OF IVAN ILYICH”

V.N. Krylov, Zheng Xiao yang

krylov77@list.ru

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The main task of the article is to reveal how the concept of death is realized through the structure of the characters, the depicted world, the narrative vector, the details of the story by L. N. Tolstoy. The analysis of the situation of experiencing "death", the phenomenon of "death" and understanding of its meaning. The test of death is the main theme throughout the entire work of the great writer. She is inseparable from his own life path. In the story "The Death of Ivan Ilyich", Tolstoy expresses the hypocrisy and indifference of human relations in society of that time through his attitude towards the protagonist of family, friends and colleagues after his illness. The article uses materials from contemporary Chinese researchers of the life and work of Leo Tolstoy. It is taken into account that, to a certain extent, the religious ideas and worldview of Tolstoy were influenced by Chinese culture, in particular, the ideas of the ancient Chinese philosophers Laozi and Confucius. In recent years, there has been a sharp change in values in world

culture, and Chinese researchers began to comprehensively and objectively examine the artistic and religious teachings of Tolstoy.

Keywords: Leo Tolstoy, death, hypocritical world, life, light.

For citation: Krylov V.N., Zheng Xiao yang. Reflection on death in Tolstoy's "The death of Ivan Ilyich". *Kazan Linguistic Journal*. 2021; 4 (2): 167–178. (In Russ.)

В русской литературе XIX – начала XX века Л.Н. Толстой давно занял положение недостижимой вершины. Он был всемирно известным писателем-реалистом, религиозным философом, публицистом и мыслителем. Его мысль влияла и влияет на людей во всем мире. Многие исследователи сегодня называют Толстого писателем XXI века, потому что он интересовался вопросами о том, как должна развиваться цивилизация. Анализ концептов «жизнь» и «смерть» в повести Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» имеет большое значение в исследовании поиска смысла жизни и отношения к смерти в современном обществе.

Множество людей во всем мире могут повторить вслед за Роменом Ролланом, что «Л.Н. Толстой – великая русская душа, светоч, воссиявший на земле сто лет назад, – озарил юность моего поколения. В душных сумерках угасавшего столетия он стал для нас путеводной звездой; к нему устремлялись наши юные сердца; он был нашим прибежищем. Вместе со всеми, – а таких много во Франции, для кого он был больше, чем любимым художником, для кого он был другом, лучшим, а то и единственным, настоящим другом среди всех мастеров европейского искусства» [3, с. 1].

В определенной степени на религиозные идеи и мировоззрение Л.Н. Толстого повлияла китайская культура, в свою очередь произведения писателя были переведены на китайский язык и широко распространялись среди жителей Поднебесной. Идеи древнекитайских философов Лаоцзы и Конфуция оказали несомненное влияние на мировоззрение Толстого. После изучения Лаоцзы Толстой обратился к Конфуцию. Глубоко интересуясь даосизмом Лаоцзы и мыслью У-вэй, он придавал большое значение доброжелательности и срединности Конфуция.

В XX веке произведения русской литературы стали популярными в Китае. Творчество Толстого и других русских писателей дали китайскому народу огромную духовную мотивацию и мужество в самые трудные для народа времена. Однако в период «культурной революции» в Китае восприятие Л.Н. Толстого и других русских классиков столкнулось с немалыми трудностями и идеологическим сопротивлением. Правительство считало, что русская классика вредна для китайских читателей и противоречит идее коллективизма, и ее необходимо полностью убрать, чтобы не «засорять» умы молодежи.

Однако подход китайского правительства во время «культурной революции» все же не смог ослабить интерес к русской классической литературе: многие интеллектуалы занимались переводами произведений Л.Н. Толстого. Нельзя не упомянуть и о том, что в Китае в течение долгого времени по отношению к литературе господствовал подход советских марксистских критиков. Обращение к Толстому неизменно сопровождалось ленинской оценкой Л.Н. Толстого как слабого мыслителя, выражавшего будто бы идеалы «отсталого» патриархального крестьянства, идеалы христианского смирения и терпения. В России новый этап в развитии толстоведения наступил во второй половине 1980-х годов: ученые стали объективно подходить к изучению религиозно-нравственных исканий позднего Толстого, открылось много неизвестных ранее фактов его жизни и творчества, контактов с многочисленными зарубежными корреспондентами.

В последние годы произошло резкое изменение ценностных ориентиров в культуре КНР, и китайские исследователи начали всесторонне и объективно рассматривать учение Л.Н. Толстого. «Как великий моралист, Л. Толстой хотел сохранить все прекрасное в прошлом во время крушения традиционных концепций... исходя из религии, он старался строить моральные порядки между людьми» [9, с. 3]. Многие ученые начали анализировать тему смерти в многочисленных произведениях Толстого с точки зрения религиозности, например, «Смерть Ивана Ильича», «Три смерти» и т.д. При этом китайские

ученые обратились и к русским дореволюционным оценкам этих произведений. Один из первых восторженных отзывов, как известно, принадлежит А. Лисовскому, который в 1888 году в журнале «Русское богатство» (№1) отмечал: «Рассказ «смерть Ивана Ильича»... по необыкновенной пластичности изображения, по глубокой своей правдивости, по совершенному отсутствию каких бы то ни было условностей и прикрас – этот рассказ является беспримерным в истории русской литературы и должен быть признан торжеством реализма и правды в поэзии» [2, с. 462].

Чжу Таотао в статье «Л. Толстой навечно с нами» (журнал «Китай») подчеркивал: «Этот корифей мировой литературы оказал глубокое влияние и на несколько поколений китайцев. Его гуманизм, понимание и сочувствие к обездоленным и несчастным, тонкое и глубокое проникновение в душевный мир человека, духовные искания, глубина и мощь его произведений питали души и умы китайских читателей» [5].

Философские размышления о смысле смерти всегда были центральными в творческих исканиях Л.Н. Толстого. По мере того как менялось собственное мировоззрение писателя, изменялись и его взгляды на этот вопрос. И сегодня, как никогда, размышления Толстого о самой жизни и конечной цели человеческого бытия наполнены актуальным значением.

Испытание смертью – лейтмотив всего творчества великого писателя. Гибель неотделима от собственного жизненного пути писателя: родители умерли, когда ему было семь лет, ребенком он уже увидел жестокость смерти, поэтому она волновала Толстого уже с периода детства. «Потеря близкого человека побудила Толстого глубоко прочувствовать жестокость и печаль смерти, которая заставляет человека полностью исчезнуть из нашего мира, и все в мире людей с этого момента больше не имеет к нему никакого отношения. Многократные визиты незваного гостя, смерти, заставили Толстого увидеть иллюзию жизни в расцвете сил, на пике карьеры, а боль и отчаяние смерти побудили его задуматься о смысле жизни. Он хотел через смерть познать истинный смысл этой жизни, полной смерти, найти то, что

действительно вечно в жизни и что смерть не может уничтожить, поэтому Толстой отправился в океан человеческих знаний, чтобы найти ответы, и изучил огромное количество философских и религиозных книг»¹. [6, с. 68]

Уже в начале «Смерти Ивана Ильича» Л.Н. Толстой указывает, что ее тема – описание жизни и смерти обыкновенного человека. Повесть начинается с эпилога, где сослуживцы и приятели Ивана Ильича узнают о его смерти из газеты: «– Господа! – сказал он, – Иван Ильич – что умер» [2]. Вместо того чтобы испытать скорбь, сострадание, подумать о собственном неизбежном конце, люди только радуются, что это случилось не с ними.

Во второй главе читатель узнает, что и собственная жизнь Ивана Ильича была починена тем же принципам, что бытие его сослуживцев. Главный герой Иван Ильич – дворянин, обычный человек, огражденный от самого себя своей обычной жизнью. Сам он хорошо воспитан, мягок и обходителен, справедлив и беспристрастен в своих государственных делах, но только жизнь чиновничества и аристократическое общение на этом пути постепенно подчиняют его состоянию жизни в его собственном кругу. Невольно ассимилированное внешним миром стремление главного героя к образу жизни высшего класса приводит к тому, что он полностью утрачивает собственное существование и становится не более чем тенью других. Однако Иван Ильич не замечал этой проблемы до тех пор, пока не заболел и не начал задумываться над ней. Ни Сицинъ считает, что «Толстой дал Ивану опыт, подобного которому не было, перевернув с ног на голову его в остальном обычную, ничем не примечательную жизнь и дав ему философию жизни, которую он никогда бы не испытал раньше» [8, с.76].

В этом произведении Толстой отразил реальное переживание смерти как в физическом, так и в психологическом аспекте. Толстой смотрит на физические изменения главного героя, чтобы показать приближение смерти. Сначала он чувствовал, что «у него странный вкус во рту и что-то неловко

¹ В дальнейшем цитаты из работ китайских исследователей даны в нашем переводе – К. В., Ч. С.

в левой стороне живота» [2], но постепенно этот дискомфорт стал более выраженным. Толстой много раз в повести пишет об ощущениях в чреслах и во рту Ивана Ильича, и по этому контрасту мы сразу хорошо представляем себе, что тело главного героя шаг за шагом становится хуже, его состояние усугубляется, а смерть все ближе и ближе. Болезнь Ивана Ильича становилась все тяжелее, он испытывал сильную физическую боль, но не получал ласки и заботы от жены и дочерей. Более того, Иван Ильич слышал разговор жены с шурином, который говорил о том, что он теперь, как мертвец, и в глазах его нет ни лучика света. Эти детали не приукрашены, просты, но выразительны и реалистично передают постепенные изменения в теле Ивана Ильича по мере приближения смерти. Именно в этом и заключается гениальность Толстого: в его умении представить характеры и ситуации через реалистичные и простые описания.

По мере осознания собственной обреченности и безвыходности своего положения в душе Ивана Ильича усиливалось чувство тоски и ненависти к окружающим. Самым большим чувством Ивана Ильича по поводу смерти был страх, и из страха он стал ворчливым. Психологически достоверно изобразив течение болезни, Толстой, например, показывает, переменчивость восприятия героя. Бывает, что Иван Ильич жалуется, что еда ему не нравится; бывает, что ему не нравится, что его сын плохо сидит во время еды и что его руки не должны лежать на столе; а бывает, что ему не нравится прическа его дочери, которая ей не идет. Очевидно, что из-за своей болезни он стал обиженным на всех вокруг и чувствовать, что все стало "неправильным". Он становится чрезвычайно уязвимым и всякий раз, когда замечает изменения в отношении к нему людей, думает, что они его жалеют, и еще больше утверждает в своем сердце, что он безнадежно болен.

В дни своей болезни он начинает размышлять о прошлом и чувствует, что прошедшие дни были пустыми и бессмысленными. Не только физические страдания были невыносимы после его болезни, но главным образом душевная боль, когда жестокость других ассоциировалась с его собственным прошлым.

Вся его жизнь была пропитана ложью, а те, кто его окружал, продолжали лгать и в предсмертный период жизни героя.

Важное место в сюжетном развитии повести играет следующая сцена. В одну ночь под воздействием нестерпимых нравственных и физических страданий, когда он взглянул в добродушное лицо слуги Герасима (только этот молодой крестьянин так внимательно заботился о нем в это время), ему вдруг пришло в голову: «... как и в самом деле, вся моя жизнь, сознательная жизнь, была "не то"<...> Ему пришло в голову, что те его чуть заметные поползновения борьбы против того, что наивысше поставленными людьми считалось хорошим, поползновения чуть заметные, которые он тотчас же отгонял от себя, что они-то и могли быть настоящие, а остальное все могло быть не то. И его служба, и его устройства жизни, и его семья, и эти интересы общества и службы – все это могло быть не то» [2]. Он приходит к пониманию, что все в его прошлом было просто большой обман, чтобы скрыть страх смерти, он начинает исповедоваться. Исповедь избавила его от боли и страха смерти.

В последние минуты своей жизни Иван Ильич осознал то, что вся его прошедшая жизнь была глупой ошибкой, в его жизни не было ничего настоящего, все было притворством и ложью, кроме, пожалуй, детства.

Смерть приносит долгожданное облегчение: «Иван Ильич провалился, увидал свет, и ему открылось, что жизнь его была не то, что надо, но что это можно еще поправить» [2]. «Она освобождает героя не только от физической боли, но и от лжи и заблуждений считавшейся «приличной» и вполне благопристойной жизни» [1, с. 62].

Толстой использует подробное описание процесса умирания Ивана Ильича для изображения реакции окружающих его родных и друзей, тем самым давая полную картину нравственного состояния человека в русском высшем обществе. Услышав новость о смерти Ивана Ильича, первое, что приходит в голову его коллегам, – это то, что его смерть сулит им самим. Весть о его смерти также заставила всех тех, кого он якобы знал, порадоваться, что умерли

не они. На коллег, пришедших на похороны Ивана Ильича, нисколько не повлияла печальная атмосфера похорон, и они назначили друг другу свидание для игры в карты в ночь похорон. Похороны никак не влияют на их «счастливое» собрание сегодня вечером. Использование Толстым слова «счастливый», которое неуместно на похоронах, является резким и показывает равнодушие высшего общества. Равнодушие его семьи к известию о его смерти еще более невыносимо. Жена притворно плачет на похоронах, но на самом деле ее заботы лишь о том, как подать заявление в правительство на получение пенсии после смерти мужа. Семья и друзья Ивана Ильича не испытывают ни малейшей печали по поводу его смерти, они озабочены только собственным выживанием и тем, что они могут извлечь из этого события, какие карьерные выгоды могут иметь место, что отражает лицемерное равнодушие российского высшего общества, где между людьми остались только холодные и голые денежные отношения. Исследователь А.К. Гладышев в работе о повести Толстого подмечает: «...а между тем все устройство нашей жизни таково, что всякое личное благо человека приобретается страданиями других людей...» [1, с. 58].

Но эта повесть не о смерти Ивана Ильича, а о его рождении, точнее о возрождении его духа после угасания физического тела, о его новом рождении после того как он переступил порог вечной жизни за пределами земных ходячих мертвецов, о его возвращении к широкой любви Бога, вот почему в конце повести, на смертном одре, он должен зарыться в эту пещеру (узкую дверь) и увидеть свет в самом темном месте. По словам Лю Хайлуна, «Толстой создал эту печальную историю не для того, чтобы показать людям боль смерти и тщетность жизни; он надеялся, что через фильтр смерти люди увидят иллюзорные и мимолетные аспекты жизни и таким образом найдут внутри себя духовную жизнь, которая преодолевает время и пространство, которая может принести истинное счастье себе и другим и которая может выдержать испытание смертью. Такая жизнь – бессмертная жизнь» [6, с. 79].

Процесс «линьки» был трудным, и в дополнение к негативному давлению со стороны окружающих его людей, два человека протянули ему руку помощи. Именно слуга – молодой мужчина, Герасим, вновь заставил его почувствовать себя добрым и искренним и не дал ему сломаться под угрозой смерти. Герасим – как глоток свежего воздуха в мутном воздухе вокруг Ивана Ильича, персонаж, который в изображении Толстого предстает как идеальный тип, и именно он облегчает последние месяцы земной жизни героя. Точно так же важную роль в избавлении Ивана Ильича играет младший сын Вася, который приходит к отцу как ангел, и через него Иван Ильич видит путь к собственному спасению, и ему нужно совершить последнее «правильное» доброе дело. «Гимназистик» прижимает к губам руку отца, его жена в слезах отчаяния, и он знает, что все, что он может сделать в это время, это отпустить их, простить их, и именно это прощение открывает ему истинное состояние "умирания".

Главных героев в повести можно разделить на две категории: высший класс, представленный Иваном Ильичом и семьей его друзей, и крестьянский класс, представленный слугами. Контрастное отношение представителей этих классов к больному герою отражает присущее Толстому отвращение к ценностям высшего класса и его симпатии к характеру слуги. В Герасиме воплощены лучшие качества крестьянского сословия: трудолюбие, простота и добросердечность. По мысли Толстого, только образ жизни Герасима и его моральный дух могут быть образцом истинного смысла жизни.

Изображение автором жизни Ивана Ильича отражает духовный кризис и духовные испытания, пережитые поколением пореформенной эпохи, и тем самым выражает призыв автора к возвращению человечности. По словам Ма Сяохуа, «персонаж в романе отличается от персонажей в реальной жизни; у него нет ни прошлого, ни будущего, ни непрерывности жизни, за исключением того, что каждый раз, когда он открывает книгу, персонаж оживает на его глазах и действует снова и снова. Персонажи романа формируются под влиянием предложений и слов автора, иногда с очевидной идеологией самого писателя. Образ главного героя Ивана незаменимо типичен

для позднего творчества Толстого, где художественные средства произведения графически воспроизводят реальное состояние бытия людей общества того времени, поиск завтрашнего дня своей жизни и растерянность перед черной реальностью жизни, которую они не могут постичь в своей судьбе. Поэтому Ильич – репрезентативный и всеобъемлющий персонаж, смерть которого – историческая неизбежность и шутка, сыгранная историей с тем поколением» [7, с. 70].

В то же время Толстой выражает в этой повести собственную идею религиозного спасения. Он считает, что в некотором смысле смерть – это еще один вид возрождения. Толстой не просто выражает страх Ивана Ильича перед смертью, он хочет сказать, что люди должны быть достаточно смелыми, чтобы встретить смерть лицом к лицу. Пока человек верит в Бога, смерти можно не бояться. Для Ивана Ильича спасение души после смерти – высший смысл жизни. И наконец, он увидел свет.

Список литературы

1. *Гладышев А.К.* Интерпретация мотива смерти в повести Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича». *Уральский филологический вестник*. 2013. № 5. С. 53–63.
2. *Толстой Л.Н.* Собрание сочинений в двадцати двух томах. Т.12 Повести и рассказы 1885–1902. М.: Художественная литература, 1982. 478 с.
3. *Роллан Ромен.* Собрание сочинений: в 14 т. Т. 2: Жизнь великих людей. М.: Гослитиздат, 1954. 372 с.
4. *Ханзен-Леве Оге А.* В конце туннеля... смерти Льва Толстого. *Новое литературное обозрение*. 2011. № 109. С.180–196.
5. *Чжу Таотао.* Л.Н. Толстой навечно с нами // URL: http://www.kitaichina.com/se/txt/2010-11/30/content_315631.htm (дата обращения 10. 04. 2021).
6. *刘海荣.* 超越死亡的生命 — 浅谈列夫·托尔斯泰作品中的死亡主题 [J]. *现代语文 (学术综合)*, 2012(010): 67–70.
7. *马晓华.* 虚伪的世界真实的死亡 — 浅谈《伊凡·伊里奇之死》 [J]. *作家*, 2011(10): 79–80.

8. 聂思沁. 托尔斯泰死亡书写的一致性与升华 — 以《三死》与《伊万·伊利奇之死》为例 [J]. 文山学院学报, 2019(01): 76.
9. 屠茂芹. 俄罗斯民族信仰的特点与托尔斯泰的宗教观, 东方论坛, 2003:3.

References

1. Gladyshev A.K. (2013). Interpretation of the motif of death in the novel “Death of Ivan Ilyich” by Leo Tolstoy. *Urals Philological Bulletin*. (5), 53–63. (In Russian)
2. Tolstoy L.N. (1982). Collected Works in Twenty-Two Volumes. Vol. 12 Stories and Stories 1885–1902. Moscow: Literature, 478. (In Russian)
3. Romain Rolland. (1954). Life of Leo Tolstoy. Moscow: State Publishers of Fiction. (In Russian)
4. Hansen-Leve Ogre A. (2011) At the end of the tunnel... Leo Tolstoy's death. UFO. (109), 180–196. (In Russian)
5. Zhu Tao Tao. L.N. Tolstoy forever with us // URL: http://www.kitaichina.com/se/txt/2010-11/30/content_315631.htm (accessed 10. 04. 2021). (In Chinese)
6. Liu Hai Rong. (2012). Life beyond death. Life Beyond Death – An Introduction to the Theme of Death in Lev Tolstoy's Works [J]. Modern Languages (Academic Synthesis). (010), 67–70. (In Chinese)
7. Ma Xiao Hua. (2011). The Real Death of the False World – An Introduction to the Death of Ivan Ilyich [J]. Writer. (10), 79–80. (In Chinese)
8. Nie Si qin. (2019). The consistency and sublimation of Tolstoy's writing on death – An example of Three Deaths and The Death of Ivan Ilyich [J]. Journal of Wen Shan College. (01), 76. (In Chinese)
9. Tu Mao qin. (2003). Characteristics of Russian National Beliefs and Tolstoy's Religious View, Oriental Forum. 3. (In Chinese)

Авторы публикации

Крылов Вячеслав Николаевич –
доктор филологических наук, профессор
Казанский федеральный университет
г. Казань, Россия
Email: krylov77@list.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3118-6552>

Чжэн Сяоян –
магистрант
Казанский федеральный университет
Казань, Россия
E-mail: 1033430186.@qq.com

Authors of the publication

Krylov Viacheslav Nikolaevich –
Doctor of Philology, Professor
Kazan Federal University
Kazan, Russia
Email: krylov77@list.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3118-6552>

Zheng Xiao yang –
Master student
Kazan Federal University
Kazan, Russia
E-mail: 1033430186.@qq.com

Поступила в редакцию: 28.04.2021

Принята к публикации: 25.05.2021

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК: 821.512.145

DOI: 10.26907/2658-3321.2021.4.2.179-190

«ПОТОК СОЗНАНИЯ» КАК ПОКАЗАТЕЛЬ РОСТА И ТРАНСФОРМАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Д.Ф. Загидуллина

zagik63@mail.ru

ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», Казань, Россия

Аннотация. Формирование в татарской литературе начала XX века «потока сознания» как формы и приема психологизма мы связываем с активизацией интереса к внутренней жизни человека, миру его мыслей и чувств, сознательным и подсознательным процессам (творчество Ш. Камала, Ф. Амирхана, Г. Ибрагимова и Г. Исхаки и др.). Психологический анализ или самоанализ в произведениях татарских писателей данного периода представлены как своеобразная эмоциональная «вставка» в сюжет, в ней переплетаются «потоки» сознания и бессознательного. Практически во всех произведениях память, воспоминания становятся теми механизмами, которые приводят в движение процедуру осознания ситуации, и как результат – заставляют пережить чувства, отесненные до поры до времени в подсознание.

Начиная с 1930-х годов идеологические запреты замедлили эксперименты в татарской литературе в этом направлении. Изображение сферы сознания и бессознательного в совокупности с использованием символов и ассоциаций «вернулось» в творчестве А. Еники. В повести «Рэшә» («Марево», 1962) «поток сознания» главного героя Зуфара и второстепенного героя Рашиды позволяют воссоздать внутреннюю жизнь своих героев как носителей определенной социальной и этнической ментальности, двух противоположных по взглядам представителей поколения советских людей.

Ключевые слова: татарская литература XX века, трансформация литературы, психологизм, «поток сознания» как прием, «поток сознания» как тип повествования, внутренний монолог.

Для цитирования: Загидуллина Д.Ф. «Поток сознания» как показатель роста и трансформации художественной литературы. *Казанский лингвистический журнал*. 2021; 4 (2): 179–190.

“STREAM OF CONSCIOUSNESS” AS AN INDICATOR OF THE GROWTH AND TRANSFORMATION OF FICTION

D.F. Zagidullina

zagik63@mail.ru

Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia

Abstract. The formation of the «stream of consciousness» in the Tatar literature of the early twentieth century as a form and method of psychologism is associated with the activation of interest in the inner life of a person, the world of his thoughts and feelings, conscious and subconscious processes (Sh. Kamala, F. Amirkhana, G. Ibragimov and G. Iskhaki, etc.). Psychological analysis or introspection in the beginning of the 1930s, ideological prohibitions slowed down experiments

in Tatar literature in this direction. The image of the sphere of consciousness and, since the 1930s, ideological prohibitions have slowed down experiments in Tatar literature in this direction. The image of the sphere of consciousness and the unconscious, coupled with the use of symbols and associations, «returned» in the work of A. Eniki. In the story «Rasha» («Marevo», 1962), «stream of consciousness» of the main character Zufar, the secondary hero-Rashids allow you to recreate the inner life of their characters as carriers of a certain social and ethnic mentality, two opposite views of the representatives of the generation of Soviet people.

Keywords: tatar literature of the twentieth century, transformation of literature, psychologism, “stream of consciousness” as a technique, “stream of consciousness” as a type of narrative, internal monologue.

For citation: Zagidullina D.F. “Stream of Consciousness” as an indicator of the growth and transformation of fiction. *Kazan Linguistic Journal*. 2021; 4 (2): 179–190. (In Russ.)

«Поток сознания» – концепция изображения реальности и душевной жизни персонажа, «исчерпывает содержание произведения, представляя собой фиксацию самых разнородных впечатлений и импульсов» [6, стб. 773]. Если классическая литература изображала постоянно меняющуюся картину действительности, то «поток сознания» позволял передавать внутренний мир (мысли, ощущения, переживания, воспоминания...) в их естественном движении.

Необходимо оговориться, что классическая литература также широко использует приемы для отображения внутреннего мира героев: «внутренний монолог» выступает более простой формой воспроизведения мыслей и чувств персонажей. Но в творчестве некоторых писателей «мера имитации внутренней речи очень велика, доходя в некоторых случаях до своего предела, за которым следует уже иной прием психологизма – т. наз. «поток сознания» [4, стб. 128].

В чем же состоит особенность того приема, который выходит «за пределы» внутреннего монолога? По мнению В.П. Руднева, «поток сознания» претендует «на непосредственное воспроизведение ментальной жизни сознания посредством сцепления ассоциаций, нелинейности, оборванности синтаксиса» [8, с. 341]. Еще конкретнее объясняет разницу А.М. Зверев: «В отличие от внутреннего монолога, используемого в произведениях классического реализма с целью показать персонаж в момент высшего духовного и эмоционального напряжения, у модернистов «поток сознания» обычно исчерпывает содержание произведения, представляя собой

фиксацию самых разнородных впечатлений и импульсов, в конечном счете становящуюся автоматической записью дорефлективных реакций» [6, стб. 773].

Именно это явление мы наблюдаем в татарской прозе начала XX века.

Проникновение в татарскую литературу начала XX века «потока сознания» как формы и приема психологизма было обусловлено активизацией интереса к внутренней жизни человека, миру его мыслей и чувств, сознательным и подсознательным процессам. В творчестве Ш. Камала, Ф. Амирхана, Г. Ибрагимова и Г. Исхаки стремление к созданию сильных драматических характеров стало сопровождаться изображением сложных психических процессов, происходящих в сознании и подсознании персонажей. Психологический анализ или самоанализ в произведениях татарских писателей представлен как своеобразная эмоциональная «вставка» в сюжет. Именно на это указывает литературовед Дж. Валиди, рассматривая творчество Ш. Камала: писатель «схватывает психологический момент и начинает копаться и исследовать его» [2].

Так, в рассказе Шарифа Камала «Курай тавышы» («Звук курая», 1912) поток фантазий (которые кажутся сном, болезненным состоянием или необъяснимой связью с потусторонним миром) маленького мальчика, потерявшего родителей, раскрывает трагизм внешне благополучной жизни сироты. Примечательно, в этой вставке причудливым образом сменяют друг друга «потoki» сознания и бессознательного. Рассказ «Тормыш көе» («Уклад жизни», 1913) Ш. Камала написан как «поток» сознания молодого человека в момент осознания своей вины и вины отца за смерть матери: писатель изобразил момент смены восприятия прошлого в памяти персонажа. Иначе говоря, информация, хранившаяся в области бессознательного, выходит наружу и принимается сознанием героя. Таким образом, можно утверждать, что уже в первых произведениях подобного рода заметно увлечение татарских писателей психоанализом.

В творчестве Ш. Камала появляются рассказы, полностью посвященные описанию человека в пограничном состоянии, в момент прохождения

нравственных и психологических испытаний или прозрения, причем, писатель четко указывает на деталь, которая позволила оттесненным побуждениям проскочить в сознание. Например, рассказ «Уяну» («Пробуждение», 1909) описывает трагический момент осознания персонажем своего преступления и потери им разума. Толчком стала пуговица с одежды умершей жены героя, которая напомнила ему ее глаза. Писатель прослеживает за потоком мыслей и чувств, которые пробуждают в памяти героя воспоминания о поре влюбленности, а затем – под тяжестью испытаний судьбы – превращении в пьяницу, ожесточении, побоях, которые он наносил жене. Убийство жены предстает в мыслях мужчины как убийство любви, и это превращает частную трагическую историю Мусы и Гафифы в историю общечеловеческую, в которой потеря любви равняется потере счастья и будущего. Поток мыслей сумасшедшего и движение ветра-вьюги звучат в унисон, углубляя смысловые коды художественного текста.

Практически во всех произведениях татарских писателей память, воспоминания становятся теми механизмами, которые приводят в движение процедуру осознания ситуации. Например, в рассказе «Ике яхшы» («Двое хороших», 1910) Ш. Камала история влюбленности, измены и прощения излагается в форме потока мыслей и воспоминаний пожилого человека. В какой-то момент память подталкивает человека, прожившего жизнь «с закрытыми глазами», открыто посмотреть на прошлое и настоящее. Детальное воссоздание мыслей, чувств и воспоминаний заставляет не только персонажа, но и читателя пережить каждый миг изменения сознания. В таких произведениях, написанных как непрерывный поток ощущений и мыслей персонажа, начинает формироваться модернистский способ письма, указывающий на хаос внешнего мира и хаос внутреннего состояния человека своего времени.

Схожее явление наблюдается в рассказах Фатиха Амирхана. В повести «Хаят» (1911) в центре внимания писателя оказывается психологическая драма молодой девушки, в душе которой сталкиваются противоположные начала:

разум и сердце, просыпающееся чувство личности, новое отношение к миру и моральные заповеди старого татарского общества. В основе сюжета, переплетающегося с «поток сознания» героини, – стремление Хаят гармонизировать окружающую ее действительность любовью. Каждое из субъективно значимых для героини событий – признание Михаила в любви, встреча с московским студентом Гали Арслановым, сватовство молодого богача Салиха Фатыхова – вызывает в ее душе борьбу противоречивых мыслей и чувств, переходящую в мучительную тоску и беспокойство. В ночь после объяснения в любви Хаят осознает недостижимость счастья с Михаилом: «поток сознания» построен как смена противоречивых ощущений и переживаний героини. Используемые Ф. Амирханом приемы составляют некий слитный эмоциональный комплекс и позволяют видеть в истории Хаят отражение судьбы всей татарской молодежи, нацеленной на разрушение преград на пути прогресса. Эта противоречивость в ощущениях, это стремление к высокому и светлому, желание обрести счастье и ежеминутное осознание его невозможности, недостижимости всего представляется как общая боль молодого поколения татар, общая проблема бытия (хаят).

В творчестве Г. Исхаки, Г. Ибрагимова в большинстве случаев поток мыслей и чувств выполняет второстепенную функцию в отношении воссоздания картины татарского общества. Однако и у Гаяза Исхаки имеются психоаналитические произведения – как нэсер «Бер манзара» («Одна картина», 1913), в котором нет развития событий, автор описывает зимнюю предрассветную дорогу, по которой кучер Ахмади и вчерашний шакирд, собирающийся стать муллой, едут в деревню, и детально воссоздает все переживания, мысли и ощущения молодого человека, который принял решение изменить свою жизнь и находится на стадии перехода из одного статуса в другой. Этот статус воспринимается также символически – как переход от действительности к трансцендентальности, от юношества к взрослению.

Внутренние монологи-вставки персонажей Г. Ибрагимова в романе «Яшь йөрәкләр» («Молодые сердца», 1912), «поток сознания» главных героев

и «поток бессознательного» – их многочисленные сны, описание бредовых состояний, мысленных разговоров с Аллахом – составляют самостоятельный пласт текста. Они воссоздают непохожие друг на друга истории, которые объединяет стремление освободиться от узких рамок среды, изменить действительность к лучшему, жить чистой, свободной духовной жизнью.

По части использования «потока сознания» и «потока бессознательного» этому роману нет равных в татарской литературе. Кроме того, он позволяет реконструировать процесс формирования внутреннего монолога, а затем и «потока сознания», подсказывая, что первоисточником этого приема в художественном сознании татар были молитвы, обращения-разговоры с Аллахом, суфийские зикры-речитативы. Может, поэтому подобные вставки в татарской прозе начала XX века всегда отличаются эмоциональной глубиной, музыкальностью, особой одухотворенностью.

Таким образом, в творчестве ведущих прозаиков начала XX века Ш. Камала, Ф. Амирхана, Г. Ибрагимова и Г. Исхаки «поток сознания», применяемый в виде «вставок» как средство для усиления психологизма, вырастает до особого приема, в котором образное и интуитивное мышление, ассоциативные скачки, недосказанность, подчеркиваемые внезапными паузами, воспоминаниями, оборванными или неоформленными фразами, мотивированы на показ хаоса «снаружи» и хаоса «внутри». В итоге такой прием повествования становится одним из принципов формируемого в татарской культуре модернизма [5].

За несколько лет модернизм в татарской литературе получает популярность, обретает теоретическую основу и свои специфические жанры как нэсер. В творчестве молодых писателей (М. Гафури, М. Ханафи, Ш. Ахмадиев, А. Тангатаров и др.) особенно явственно проявляются роль лирического начала. Благодаря синтетизму, они в подтексте напоминают переживания суфия, вышедшего на путь приближения к Аллаху.

Даже после революционных преобразований 1917 года, когда были установлены классовые приоритеты в противоположность общечеловеческим,

модернистские течения в какой-то мере противостояли монистической концепции, смягчая последствия унификации для национальной культуры. «Поток сознания» как прием и, что важно, как тип повествования не уходит с литературной арены. Это можно увидеть на примере нескольких рассказов Ф. Амирхана, написанных в начале 1920-х гг. Например, посвященный матери писателя нэсер «Тэгъзия» («Утешение», 1922) написан в форме разговора пожилой пары, только что вернувшейся с похорон единственной дочери. Писатель излагает только одну часть разговора – речь мужчины, который утешает свою жену. По его фразам, интонации читатель может легко реконструировать ответы убитой горем женщины. В монологах мужчины воссоздается подвижный эмоциональный мир человека, который остро переживает смерть дочери, в то же самое время стремится успокоить жену.

В потоке слов персонажа повторяется мотив крушения надежд, который красной нитью проходит через татарскую литературу начала XX века. Смерть единственной дочери преподносится как самое страшное горе, которое разбивает сердца родителей. Утешая самого близкого человека, мужчина напоминает, что смерть – неизбежность, закон природы.

Вместе с тем, большая часть произведения посвящена разговору о неизведанном, сокрытом, о жизни после смерти. Сокрытость, таинственность смерти, по словам мужчины, является единственным смыслом и целью человеческого существования. Тем самым Ф. Амирхан затрагивает вопрос веры; показывая смену эмоций, внутреннее состояние человека, прослеживая, какими различными путями человек пытается преодолеть острое состояние безнадежности (звучат мысли о том, что жизнь после смерти является более важной для человека; и о том, что доброта способна изменить мир, и о том, что только спокойствие души открывает перед человеком истину и т.д.), писатель указывает на благотворное влияние веры на человека. И такие слова: «Не надо горевать за умерших. Только жаль обманувшихся тех слепых, думающих, что они вечно не умрут, жаль тех духовных мещан, идеалы которых гниют и исчезают, которые рождают мелких тварей ради своего удовольствия

и посвящают себя им» [1, с. 372] – прочитываются в историческом контексте 1920-х годов как осуждение безверия и бездуховности новой власти.

Произведение по духу напоминает молитву суфия об истине, о духовности (на это указывает и название рассказа, которое обозначает жанр средневековой суфийской литературы и одновременно суфийский обряд – воспоминания об умершем). Продуманная композиция и мастерски подобранная лексика захватывают внимание читателя и заставляют переживать каждое мгновение невыносимого горя, а также каждый шаг героев к преодолению этого чувства. В результате эта «эмоциональная лестница» образовывается и в душе читателя.

В рассказах Ф. Амирхана, как и в экзистенциально-окрашенных произведениях начала XX века, философия усложняется игрой с суфийской символикой. Целый ряд сменяющих друг друга эмоциональных состояний героя воссоздает образ внутреннего мира, ментальности другого человека – объекта художественных опытов Ф. Амирхана.

В более внушительном масштабе модернистские опыты наблюдаются у Гали Рахима. В основе его повести «Идель» (1921) – описание эмоциональных состояний человеческой души, в которой есть место и для возвышенной любви (романтическая история любви Ильяса и Рабиги), и ницшеанского презрения к обыкновенным человеческим чувствам (философская дискуссия между Ильясом и Валидом о смысле жизни, которая продолжается в историях героев). «Поток сознания» в данном случае дал возможность показать непосредственную картину «души» и бессознательного молодого интеллигента-татарина, даже не обращаясь к «помощи» наблюдателя-рассказчика. Еще два приема – ассоциативность и символизация – превращают эту индивидуальную картину в картину ментальности татарина, этнической психологии, и именно в этих приемах более всего проявляется диалог со средневековой татарской литературой, с ее традициями. Преемственность стала причиной активизации «потока сознания» в татарской литературе, прежде всего в произведениях «экспериментального рода».

Такой тип повествования пришелся «ко двору» татарской литературе начала XX века, и писатели начали активно осваивать его, но необоснованная критика повести Г. Рахима и идеологические запреты, сковавшие развитие советской культуры, замедлили эксперименты в этом направлении. В мировой же литературе такие поиски вышли на новый уровень в романе англо-ирландского писателя Дж. Джойса (1882-1941) «Улисс» (1921), который в литературоведении считается пионером в изображении картины сознания и подсознания нескольких персонажей.

В татарскую литературу изображение сферы сознания и бессознательного вкупе с использованием символов и ассоциаций «вернулось» только во второй половине XX века – в творчестве Амирхана Еники. Уже в первых произведениях военной поры писатель отдает предпочтение «рассказу-открытию», который дает возможность последовательно наблюдать за изменениями чувств и переживаний объекта изображения.

Повесть «Рэшә» («Марево», 1962) по сравнению с предыдущими произведениями автора отличается обилием психологических моментов, разнообразием символических смыслов. Параллелизмы в произведении, пробудив в читателе новые ассоциации, усиливают степень воздействия на него. Следя за мыслями главного героя, его переживаниями, воспоминаниями, снами, а значит, и философией, мировоззрением, отношением к людям, повествуя о том, как живущий «с расчетом» потерял свою любовь, А. Еники заключает, что для таких людей вероятность обретения счастья так же зыбка, как марево. Нахождение символа в сильной позиции, превращение его в лейтмотив дает возможность подчеркнуть доминанту авторской философии, авторского голоса.

В форме воспоминания писатель рассказывает о знакомстве Зуфара со своей возлюбленной в 1943 году – «с бедной, одинокой артисткой филармонии». Рашида – прямая противоположность расчетливым людям, она, как говорит Зуфар, «человек чувства», «человек другого круга, женщина с тонкой душевной организацией» [3, с. 380] Людям, поклоняющимся

материальному богатству, автор противопоставляет людей, наделенных душевным богатством. Для создания образа Рашиды писатель также использует «поток сознания».

В повести присутствует и третий «голос», который принадлежит автору-повествователю. Таким образом, возникает особое звучание, основанное на полифонизме, которое сообщает о формировании нового типа повествования в татарской прозе. Особенности подобного типа художественных текстов свидетельствуют об установлении диалога с национальной художественной традицией начала XX века. На это указывают и интертекстуальность, явное и скрытое цитирование на уровне мотивов, тем, идей и возрождение приемов и средств, активно использовавшихся в художественном процессе того периода.

Этот тип повествования позволяет чрезвычайно углублять содержание произведения, расширять человеческие истории до общечеловеческих законов бытия и добиваться максимального эмоционального воздействия на читателя. Рассказы писателя «Төнге тамчылар» («Ночные капли», 1964), «Шаяру» («Шутка», 1955), «Тынычлану» («Успокоение», 1978) наряду с раскрытием в конкретной ситуации человеческой судьбы и психологии поднимают духовное одиночество человека в жизни до уровня бытийного одиночества, видя его причину в ошибках, которых никто не в состоянии избежать. При этом в конкретных рассказах эти ошибки понимаются как неизбежность советской действительности, так как герои – представители советского общества. Что жизнь каждого человека в той или иной степени сопровождается досадой и сожалениями, и человек в духовном плане всегда одинок, писатель поясняет через «вставки» внутренних монологов героев второго плана в «поток сознания» главного героя.

Таким образом, намного раньше 1990-х годов, когда стало возможным открыто писать о сути советской системы, превращающей человека в раба, А. Еники в 1964 году первым в татарской литературе заговорил о трагедии поколения, поверившего в советскую идеологию, и дал ему свою оценку. Для

этого он использовал «поток сознания» в отношении главного героя и в этот поток «вставил» внутренний монолог или психологический портрет второстепенного персонажа. Подобное применение «потока сознания» вкупе с символами и ассоциативными образами позволили писателю раскрыть социальную и этническую ментальность своих героев как представителей определенного сообщества.

В конце 1970-х годов в творчестве А. Еники наблюдается усиление внимания к психоанализу, бессознательным процессам. Эта тенденция была нова для татарской литературы, хотя уместно было бы назвать ее продолжением модернистского письма, возникшего в начале XX века. Философия одиночества, изображенная в момент пересечения сферы сознательного и бессознательного, достигла кульминации в рассказе А. Еники «Тынычлану» («Успокоение», 1978).

Таким образом, начавшиеся в 1960-е годы в татарской литературе новаторские изменения в области содержания и формы впервые были продемонстрированы в прозе А. Еники. Они начали проявляться в рассказах военной поры как возрождение психологизма, которое было свойственно татарской литературе начала XX века, но впоследствии советской идеологией было «отчуждено» от литературной арены. Писатель последовательно прослеживает переменчивое течение мысли главного героя в ходе событий, ставших для него открытием, и в качестве формы повествования обращается к «потoku сознания» героя.

Список литературы

1. Әмирхан Ф.Тәгъзия. Әсәрләр. 4 томда: Т.1. Казан: Татар.кит.нәшр., 1984. 366–372 б.
2. Вәлиди Ж. Матбугат галәмендә. Вакыт. 1914. 2 ноябрь.
3. Еники А. Рәшә. Әсәрләр: 3 томда. Казан: Татар.кит.нәшр., 1991. 287–463 б.
4. Есин А.Б. Внутренний монолог. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001. Стб. 127–128.

5. *Загидуллина Д.Ф.* Модернизм в татарской литературе первой трети XX века. Казань: Татар.кн.изд-во, 2013. 207 с.

6. *Зверев А.М.* Поток сознания. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001. Стб. 773–775.

7. *Руднев В.П.* Энциклопедический словарь культуры XX века. М.: «Аграф», 2001. С. 341.

References

1. *Amirhan F.* (1984). Solace. Works in 4 volumes: V.1. Kazan: Tatars.kn. ed. 366–372 p. (In Tatar)

2. *Validi J.* (1914). In the world of print. Vakyt. 2 November. (in Tatar)

3. *Ieniki A.* Haze. Works in 3 volumes: V.3. Kazan: Tatars.kn. ed., 1991. 287–463 p. (In Tatar)

4. *Iesin A.* Internal monologue. Literary Encyclopedia of terms and concepts. Moscow, 2001. 127–128 p. (In Russian)

5. *Zagidullina D.F.* Modernism in Tatar Literature of the first third of the twentieth century. Kazan: Tatars.kn. ed., 2013. 207 p. (In Russian)

6. *Zverev A.M.* Stream of consciousness. Literary Encyclopedia of terms and concepts. Moscow, 2001. 773–775 p. (In Russian)

7. *Rudnev V.P.* Encyclopedia of twentieth-century culture. Moscow, 2001. 341 p. (In Russian)

Автор публикации

*Загидуллина Дания Фатиховна –
доктор филологических наук, профессор
Академия наук Республики Татарстан
Казань, Россия
E-mail: zagik63@mail.ru*

Author of the publication

*Zagidullina Daniya Fatikhovna –
Doctor of Philology, Professor
Academy of Sciences of the Republic
of Tatarstan
Kazan, Russia
E-mail: zagik63@mail.ru*

Поступила в редакцию: 20.04.2021

Принята к публикации: 15.05.2021

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

УДК 821.521 DOI: 10.26907/2658-3321.2021.4.2.191-202
ПРОБЛЕМЫ ЯПОНСКОГО ОБЩЕСТВА В ОБРАЗАХ МУЖЧИНЫ
И ЖЕНЩИНЫ В ПРОИЗВЕДЕНИИ «ЖЕНЩИНА В ПЕСКАХ»
КОБО АБЭ

Д.М. Ан, Е.А. Колотова
an.darya2015@yandex.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. Японская литература – это довольно загадочный блок мировой литературы для людей, не имеющих ничего общего с этой страной. Однако невероятная аллегоричность японских произведений представляет исключительный интерес для интерпретации и тщательного анализа: сколько читателей у произведения, столько и мнений. И невозможно сказать, что какое-то будет наиболее правильным, поскольку искусство в любом его проявлении – вещь эфемерная. Именно поэтому обращение к столь фундаментальному тексту современной японской литературы важно как для понимания литературного процесса в Стране восходящего Солнца, так и осмысления произошедших изменений в японском обществе за столь долгое время. Так, в статье рассмотрены ключевые проблемы, поднимаемые в романе Кобо Абэ «Женщина в песках». Проанализированы образы мужчины и женщины, являющиеся центральными в книге, и их авторское видение, оставляющее огромное поле для исследования. В ходе работы были обнаружены аллюзии на глубинные проблемы японского общества в целом, заключенные в образах, заявленных ранее. Описываются также связи культур и различных династических эпох, отраженные в мыслях, диалогах и действиях героев. Немаловажным является и акцент на интерпретации положения женщины в романе, поскольку этот образ является «точкой противоречий» в контексте дихотомии Восток – Запад, которую описывали ученые из совершенно разных областей, начиная с культурологов, заканчивая экономистами. Все в совокупности представляется небольшим, но очень важным кусочком пазла под названием «японское послевоенное искусство», которое является зеркалом, отражающим действительность эпохи разгрома милитаристской Японии и становления идеальной страны, в которой человек занимает уже совершенно другое место.

Ключевые слова: японская литература, мужчина, женщина, послевоенное искусство, японское общество.

Для цитирования: Ан Д.М., Колотова Е.А. Проблемы японского общества в образах мужчины и женщины в произведении «Женщина в песках» Кобо Абэ. *Казанский лингвистический журнал*. 2021; 4(2): 191–202.

THE JAPANESE SOCIETY'S PROBLEMS IN THE IMAGES OF THE MAN AND THE WOMAN IN THE WORK "THE WOMAN IN THE DUNES"

BY KOBO ABE

D.M. An, E.A. Kolotova

an.darya2015@yandex.ru

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. Japanese literature is a rather mysterious block of world literature as well for people who have nothing to do with this country. However, the incredible allegorical nature of Japanese works is of exceptional interest for interpretation and careful analysis because so many men, so many minds. Also, it is impossible to say that any one will be the most correct, since art in any of its manifestations is an ephemeral thing. That is why the appeal to such a fundamental text of modern Japanese literature is significant both for understanding the literary process in the Land of the Rising Sun, and for comprehension the changes that have occurred in Japanese society over such a long time. Thus, the article considers the key issues raised in the novel "The Woman in the Dunes" by Kobo Abe. The images of men and women who are central in the book are analyzed, and their author's vision, which leaves a huge field for research. In the course of the work, allusions were found to the deep problems of Japanese society as a whole, contained in the images stated earlier. It also describes the connections between cultures and Japanese eras, reflected in the thoughts, dialogues and actions of the characters. The emphasis on the interpretation of the position of women in the novel is also important, since this image is a "point of contradiction" in the context of the East-West dichotomy, which has been described by scientists from completely different fields, from cultural scientists to economists. All in all, it seems to be a small but very important piece of the big puzzle called Japanese post-war art which is a mirror reflecting the reality of the era of the defeat of militaristic Japan and the formation of a perfect country in which a person occupies a completely different place.

Keywords: Japanese literature, man, woman, post-war art, Japanese society.

For citation: An D.M., Kolotova E.A. The Japanese society's problems in the images of the man and the woman in the work "The woman in the dunes" by Kobo Abe. *Kazan linguistic journal*. 2021; 4 (2): 191–202. (In Russ.)

Вторая мировая война – это событие, которое изменило весь мир в XX веке. Некоторые страны кардинально сменили курс своего развития в экономике, в политике, в быту обычных граждан и в искусстве. Одним из таких государств стала Япония: этой стране, входившей в ось: Берлин – Рим – Токио и выступавшей в качестве агрессора, пришлось пересмотреть все свои идеалы и стремления, уходящие корнями глубоко в прошлое.

Послевоенное искусство – это очень чуткий «организм», который подмечал волнения и изменения, происходившие во всех сферах жизни японского общества, ведь для разгромленной Японии необходимо было

отстроить все заново и стать одним из мировых экономических лидеров (к этому существовали предпосылки с реставрации Мэйдзи).

Стоит уточнить, что культурная обстановка в Японии соответствовала духу искусства во всем мире – господство авангарда и всех его направлений, существовавших на тот момент. Через призму авангарда многие знакомые понятия для каждого народа – культурные универсалии, к которым относят, в первую очередь язык, народ, образы мужчины и женщины, – проходят некоторую трансформацию в восприятии как деятелями искусства и политики, так и всем обществом в целом, поэтому рассмотрение заявленных образов можно считать актуальным в контексте постоянной динамики в развитии общества и последующей рефлексии со стороны деятелей искусства.

Выбор произведения был сделан не случайно, поскольку Кобо Абэ – один из японских писателей, чьи юные годы пришлись на период Второй мировой войны и особо активных милитаристских и националистских движений в Японии, что не могло не оставить своих отпечатков на мировоззрении автора. Так, книга «Женщина в песках», написанная в 1962 году, – это уже своего рода рефлексия о насущных проблемах японского общества, выраженных в образах мужчины и женщины (хотя, конечно, главный герой – песок – в книге не имеет ничего общего ни с одним представителем человеческого рода), а никак не о былом патриотизме, проблемах военного времени и других темах, характерных для послевоенной литературы. В связи с этим для рассмотрения заявленных образов использованы не только методы литературоведческого анализа, но и изучена социально-политическая составляющая эпохи, когда было создано произведение.

Идеи, заключенные в этих образах, являются глобальными по своей сути и актуальными не только для второй половины XX века, но и для настоящего времени: вечное «противостояние» Запада и Востока, положение женщины в истории Японии и постоянная смена ценностей в зависимости от курса развития общества. Все это делает анализ данного произведения существенным и необходимым для понимания важнейшего периода в истории японской

литературы и социума в целом и их дальнейшего влияния на современность. Важно отметить и то, что рассмотрение образа женщины в восточном обществе является актуальным и сейчас, поскольку несмотря на огромную роль феминизма во всем мире в настоящее время, на Ближнем Востоке, на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии женщины все еще подвергаются стигматизации относительно любых действий, будь то карьера, личная жизнь или хобби, потому что положение женщины в данных регионах, в частности, в Японии, почти не поменялось с середины XX века.

Более того, исследователи неоднократно стремились интерпретировать данное произведение искусства. Однако невозможно дать объективную оценку результатам подобной работы, ведь точный ответ в искусстве дает не холодный разум, а горячее сердце. Например, Гуревич Т. М. и Изотова Н.Н. в статье «Энтомологический код японской культуры» делают интересные выводы на основе языковых особенностей японского языка, используя для этого и текст рассматриваемого нами романа, поскольку песок и насекомые занимают одни их ключевых позиций в философии произведения [2]. Мустояпова А.Т. в работе «Женщина в песках» Кобо Абэ: традиционные черты и модернистские течения» [4] рассматривает социальный аспект литературного текста, выводы относительно места человека в обществе поражают схожестью с теорией «лишнего человека», характерной для русской литературы XIX век (Александр Чацкий, Григорий Печорин и Евгений Онегин). Напрямую о связи с этой теорией не говорится, но при этом, исходя из авторской интерпретации, это довольно легко читается. Кроме того, Мустояпова А.Т. делает акцент на связи писателя с идеями американской модернистской литературы, что важно для понимания взаимосвязи развития литературы в XX веке даже в разных частях света [4]. В свою очередь, Селиверстова А.С. в работе «Символизм романа Кобо Абэ «Женщина в песках» подробно анализирует каждый символ, присутствующий в этом тексте (акценты сделаны на песке, чье значение описано в нескольких уровнях понимания; на воде как определенном ключе в романе [5]; описываются также и другие предметы символики произведения),

что позволило последней сделать выводы относительно глубины и чувственности романа, поскольку понимание символики есть осознание сути бытия в целом. Опираясь на уже имеющиеся работы, мы предлагаем рассматривать данный роман в нескольких плоскостях, чтобы получить практически идеальный многогранник философии японского писателя в контексте идей, заложенных в образы мужчины и женщины еще после Второй мировой войны, но остающихся актуальными сейчас.

Так, при рассмотрении произведения было замечено, что в образах главных героев довольно четко угадываются черты, присущие канонам восточного и западного обществ. По этой же категории выявился некий феномен «зацикленности», который определяется следующими критериями: наличие «критического мышления» и отношение к жизни в плену у песка; немаловажными базисами являются и описательные характеристики внешности героев, поскольку именно с их помощью писатель создал полноценных персонажей.

Остановимся на параллели «Восток – Запад» подробнее, поскольку данная идея скорее считывается между строк. Так, Ники Дзюмпэй – служащий средних лет, увлеченный энтомолог, в свободное от работы время его интересуют «только дюны и насекомые» [1, с. 10]. Он готов посвящать всего себя этому занятию, ведь «у энтомолога есть свои бесхитростные и непосредственные радости – обнаружение нового вида» [1, с. 11]. Для героя таковыми являются мухи, живущие в песках: «жизнь людей тесно переплетена с жизнью мух» [1, с. 12], что свидетельствует об однообразности увлечений и жизни в принципе, а также цикличности жизни, что придает еще большее сходство с мухой.

Интересным представляется попадание Дзюмпэя в «плен» как ментальный, так и физический:

1. «Он стал пленником этой шпанской мушки с желтыми передними лапками» [1, с. 13]. «Он рисовал в своем воображении движение песка, и у него уже начались галлюцинации – он видел и себя в этом нескончаемом потоке» –

как уже говорилось ранее, служащий полностью «порабощен» своим увлечением, скорее даже «растворен» в нем, для него нет жизни без этого.

2. Физическое пленение в деревушке, где все вокруг было в песке, как будто кроме женщины, он был главным жильцом там: «была комната, но вместо постели возвышалась горка песка» [1, с. 25]. Однако такой «плен» энтомолог изначально расценивает как отличную возможность встретить «какое-нибудь интересное насекомое» [1, с. 21], ведь «в такой среде насекомые живут и радуются» [1, с. 21].

Таким образом, оказываясь в плену обстоятельств, Дзюмпэй получил для себя благодатное поле для любимой деятельности, но при этом не достиг желаемого, поскольку нравы в «песочном обществе» совсем другие: его просто не понимают с его разговорами об увлечении работой и хобби, ведь здесь скорее говорят о ручном труде, песке и заповеди: «Будь верен духу любви к родине».

Уделим чуть больше внимания последнему, поскольку это тот самый отголосок милитаристской Японии, чье существование по хронологии произведения прекратилось совсем недавно, но при этом сложившийся ранее устой по-прежнему не теряет своей актуальности. Здесь уже можно говорить о вечном противопоставлении Запада и Востока, где, как ни странно, жизнь Дзюмпэя напоминает западный идеал: взгляды героя обращены на внутреннее начало – собственные мысли и увлечения, а общество в песках – восточный тип, где на передний план выступают иные ценности. Мы наблюдаем принцип пирамиды Маслоу в действии: если у человека не удовлетворены базовые потребности, то о высших не может быть и речи.

3. «Ники Дзюмпэй – пленник своего ограниченного сознания», в некотором смысле спорное утверждение, однако имеющее право на существование.

На подобную мысль наталкивает наблюдение за ходом рассуждений героя об общественных ценностях глазами женщины – героини произведения: он не понимает и в какой-то степени осуждает ее чувство любви к родине,

неутомимую борьбу с песком, называет круг интересов женщины крайне ограниченным. И в этом есть парадокс: называя недалекими других, он не видит того, что его собственная жизнь есть непрерывный цикл с фанатичным увлечением мухами: за разрывом цикла не последует никаких изменений, поскольку ничего из жизни героя не базируется на «истинных» человеческих (в данном случае восточных) ценностях. Безусловно, в контексте произведения оба общества являются кольцевыми по своей структуре, и утверждение о том, что какое-то из них может подвергнуться кардинальным изменениям, является слишком спорным. Поэтому и для «песочного общества», и для Ники Дзюмпэя единственно возможный путь существования в этом бренном мире (вряд ли это можно назвать полноценной жизнью) – цикл, разорвать который нельзя (возможно, это скрытая аллюзия к колесу Сансары как круговороту всего живого).

Что касается образа женщины, то она является антиподом Дзюмпэя, пожалуй, почти во всем: в одежде, в занятиях, в интересах и жизненных приоритетах. Так, для героини, которую иногда называют «бабкой» в ходе повествования, что в каком-то смысле неслучайно, ведь по складу ума и действиям эта еще молодая женщина действительно похожа на повидавшую жизнь «бабку», которая живет лишь воспоминаниями о прошлом и погрязла в рутине в настоящем, пленом стала сама деревня. «Деревня еще как-то может существовать только потому, что мы без устали отгребаем песок и тем сохраняем ей жизнь...» [1, с. 31], то есть смысл своей жизни женщина видит в сохранении места, где живет. Более того, даже учитывая тот факт, что живет она, «чтобы отгрести песок» [1, с. 30], для нее просто невыносимо покинуть это место: «нельзя же взять и сбежать ночью» [1, с. 31]. Немаловажно, что здесь же погибла ее семья – это «приковывает» к деревушке уже намертво, ведь ее истинный «восточный» путь женщины для нее уже потерян, и она, не осознавая этого, продолжает создавать иллюзию сохранения очага, который рассыпался окончательно, и продолжать сохранять его такой же сизифов труд, как бороться с песком в песчаной яме.

Можно предположить, что в образе женщины заключены качества, почитаемые японцами еще со средних веков: покорность и верность традициям и семье. Данный образ женщины в японской литературе берет свое начало с дневникового жанра, родоначальницей которого была писательница Митицуна-но хаха. Ее «Дневник эфемерной жизни» является олицетворением Японии X века глазами женщины, где героиня отрезана от ярких общественных действий, она не является единственной женой своего мужа – в Японии абсолютно спокойно воспринимались полигамные отношения – они лишь изредка обмениваются любовными поэтическими посланиями – танку. Но танку о счастливой любви в дневнике очень мало, большая часть произведения состоит из взаимных укоров Митицуна-но хаха и ее мужа:

«...Ты заменил короткой встречей

Множество ночей...» [3].

Для героини в этом произведении ее муж, даже при всех недостатках, – полноценное общество, поскольку уже на тот момент женщина является социальной невидимкой в глобальном смысле. Проведя параллель с анализируемым романом, можно заметить, что за десять веков развития человечества ничего не изменилось кардинальным образом, а это, в свою очередь, доказывает не только важность традиции в восточном типе общества, но и устарелость взглядов на роль женщины в социуме на Востоке в целом.

Однако именно покорность и не враждебность женщины («она и тени сопротивления не оказывала») позволили мужчине «присвоить» ее волю себе в пользу: «Женщина, совершенно оцепеневшая, покорно подчинялась не только действиям, но и словам. Видимо, впала в состояние, подобное гипнозу» [1], что свидетельствует о сохранившемся не самом высоком социальном положении женщины в японском обществе второй половины XX века, что коррелируется и с тем, что для одинокой женщины мужчина, в любом случае, занимает большую часть «видимого общества», так же, как и для женщин в средневековой Японии.

Следовательно, для женщины в песках разрыв цикличности бытия, в основу которой в определенной степени заложены базовые ценности, в частности, для обществ Востока, априори невозможен, ведь этот цикл для нее равноценен фундаменту дома (и в бытовом, и в человеческом духовном смыслах), где ей предстоит прожить всю свою жизнь, вне зависимости от того какие форму, вид или наполнение принимает это место, ведь для нее – это олицетворение былого и «могила прошлого» для близких ей людей.

Интересной деталью повествования является также «возвращение в восточное общество» Дзюмпэя, поскольку именно этот лейтмотив сопровождает героя на протяжении всего произведения: мужчина как бы вспоминает и пытается вновь осознать, что есть жизнь вне города («западного общества»). Ему это дается с большим трудом (мысли о том, что жизнь в пустыне невозможна, преследуют героя постоянно), однако Восток все же берет верх (есть сообщения, что он не вернулся в город, да и попытка побега до этого была крайне неудачной), что, возможно, является одним из ключевых элементов в романе, проходящем красной нитью сквозь строки авторского текста.

Причинами того, почему мужчина так и не вернулся в город (хотя в конце романа четко было указано, что такая возможность была: «Теперь в его руках билет в оба конца – чистый бланк, и он может сам, по своему усмотрению, заполнить в нем и время отправления, и место назначения» [1, с. 159], могут служить следующие суждения, считающиеся между строк романа:

1. В течение длительного времени пребывания в «песочном обществе» для Дзюмпэя произошло своеобразное сращение циклов жизни, а значит, ни один из них не сможет существовать отдельно – идеальный баланс «Запада и Востока», к которому герой, вероятно бессознательно стремился всю жизнь, но при этом уже сознательно достиг этого.

2. Ники Дзюмпэй – человек, который больше ориентирован на внутреннее, нежели на внешнее. Попав в такое же по структуре общество, он просто оказался в своей зоне комфорта, где может абсолютно спокойно, без

осуждения со стороны окружающих, искать жуков, мух и других представителей фауны или же изобретать новые приспособления. И несмотря на то, что он проговаривает неоднократно, хоть и не напрямую необходимость попасть в энтомологический атлас или просто рассказать кому-то о том, что он нашел, делает ли он это? Нет, поскольку в душе признание большого «западного общества» не нужно, поэтому он и остается там, откуда так пытался сначала сбежать.

3. Для Ники Дзюмпэя изначально, как и в принципе для многих представителей традиционного японского общества западное влияние – это вред, а не благо, каким его часто представляют политики, экономисты и другие видные исторические деятели, поскольку «западное общество» априори меняет «восточный каркас», сконструированный предками еще в давние времена. Зачем менять и предавать свои же традиции в угоду прогрессу? Это далеко не для всех в послевоенной Японии, и герой произведения этому прекрасное подтверждение.

Таким образом, можно сделать вывод, что благодаря приему антитезы автор выстраивает как композицию романа, так и систему персонажей и их убеждений: женщина – Восток, мужчина – Запад (но это лишь оболочка, внутри он истинный представитель мира Востока), цикличность жизни первой остановить невозможно – дань традициям и обычаям, верность духу родины; второй же цикл можно разрушить, но лишь отчасти: псевдо-ценности западного капитализма в виде работы в офисе легко откладываются, но замутненность сознания чем-то, что помогает выживать и отвлекаться от работы – нет.

Нарочитость противопоставления помогает расставить важные акценты для понимания глубинного смысла произведения, которое содержит в себе философские подтексты в том числе. Рефрен возвращения к своим корням – Востоку (в данном контексте – положению мужчины и женщины в социуме) является ключевым к пониманию аллегоричности произведения. Более того, проблематика романа остается актуальной не только для послевоенного общества Японии, под четким контролем американской оккупации, но и для

современности, ведь все чаще люди задаются вопросом: синкретизм культур, мировоззрений и социальных конструктов – это благо для прогресса или горечь для утраченных традиций и культурного кода нации, – этот вопрос пока остается открытым.

Список литературы

1. Абэ К. Совсем как человек: романы / пер. с яп. В. Гривнина, А. Стругацкого. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2018. С. 5–161.
2. Гуревич Т.М., Изотова Н.Н. Энтомологический код японской культуры. *Японские исследования*. 2019. №1. С. 73–93.
3. Митицуна-но хахха. «Дневник эфемерной жизни» // URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=134708> (дата обращения: 15.04.2021)
4. Мустоянова А.Т. «Женщина в песках» Кобо Абэ: традиционные черты и модернистские течения. *Вестник КРСУ*. 2010. Том 10. № 3. С. 55–58.
5. Селиверстова А.С. Символизма романа Кобо Абэ «Женщина в песках». *Сборник докладов 59-й международной молодежной научно-технической конференции «МОЛОДЕЖЬ-НАУКА-ИННОВАЦИИ»*. 2012. Том 2. №2. С. 20–23.

References

1. Abe K. (2018). Just like a man: novels / translated from Japanese by V. Grivnin, A. Strugatsky. M.: Inostranka, Azbuka-Atticus. pp. 5–161. (In Russian)
2. Gurevich T. M., Izotova N.N. (2019). Entomological code of Japanese culture. *Japanese Studies in Russia*. No. 1. Pp. 73–93. (In Russian)
3. Mititsuna-no khakhkha. “Dnevnik efemernoi zhizni” // URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=134708> (accessed:15.04.2021). (In Russian)
4. Moustopova A.T. (2010). “The Woman in the Dunes” Kobo Abe: traditional features and modernist trends. *Herald of KRSU*. Volume 10. No. 3. Pp. 54–58. (In Russian)
5. Seliverstov A.S. (2012). Symbolism of the novel Kobo Abe’s “The Woman in the Dunes”. *Collection of reports of the 59th international youth*

scientific and technical conference “YOUTH-SCIENCE-INNOVATION”.

Volume 2. No. 2. Pp. 20–23. (In Russian)

Авторы публикации

Ан Дарья Марсовна –

преподаватель

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Казань, Россия

E-mail: an.darya2015@yandex.ru

Колотова Евгения Алексеевна –

студентка

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Казань, Россия

E-mail: jane.k_02@mail.ru

Authors of the publication

An Darya Marsovna –

teacher

Kazan Federal University

Kazan, Russia

E-mail: an.darya2015@yandex.ru

Kolotova Evgenia Alekseevna –

student

Kazan Federal University

Kazan, Russia

E-mail: lilijakhafizva@yandex.ru

Поступила в редакцию: 16.04.2021

Принята к публикации: 1.06.2021

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 811.1/.2

DOI: 10.26907/2658-3321.2021.4.2.203-218

ИНТЕРТЕКСТ В МЕДИЙНОЙ АНАЛИТИКЕ: ПРАГМАТИКА ПЕРЕВОДА²

Ю.В. ЧЕМЕТЕВА

chemeteva@volsu.ru

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

Аннотация. Статья рассматривает формы интертекстуальности в жанре аналитической статьи по юриспруденции, являющемся продуктом взаимодействия медийного дискурса как базового и юридического дискурса как проективного. В аналитических статьях по юриспруденции интертекстуальность, как правило, проявляется в отсылках к другим аналитическим статьям, информационным материалам, репортажам, интервью, где более подробно освещается затронутая тема, а также в отсылках к различным нормативным правовым актам, документам, решениям суда, прецедентам, к положениям юридической доктрины и т.д. Формы интертекстуальности в аналитических статьях по юриспруденции обуславливаются дискурсивными характеристиками жанра. С опорой на узкое понимание интертекстуальности как проявления явных отсылок на конкретные тексты, предлагается условное разделение на имплицитные (требующие задействования в процессе декодирования дополнительных знаний и креативного мышления) и эксплицитные (очевидные реципиенту без вдумчивого прочтения, графически маркированные) формы интертекстуальности в жанре аналитической статьи по юриспруденции. Рассматриваются примеры из англоязычных аналитических статей по юриспруденции, иллюстрирующие различные формы интертекстуальности, с точки зрения прагматики перевода. Подчеркивается актуальность изучения эксплицитных форм интертекстуальности как перспективной области исследований в области дискурса с возможностью применения информационных технологий и машинных алгоритмов.

Ключевые слова: интертекстуальность, интертекст, аллюзия, аналитическая статья по юриспруденции (АЮС), медийный дискурс, юридический дискурс, медийная аналитика.

Для цитирования: Чеметева Ю.В. Интертекст в медийной аналитике: прагматика перевода. *Казанский лингвистический журнал*. 2021; 4(2): 203–218.

INTERTEXT IN MEDIA ANALYTICS: PRAGMATICS OF TRANSLATION

Yu. V. Chemeteva

chemeteva@volsu.ru

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article examines the forms of intertextuality in the genre of analytical article on legal issues, which is a product of the interaction of media discourse as a basic one and legal discourse as a projective one. In analytical articles on legal issues, intertextuality, as a rule, is manifested in references to other analytical articles, information materials, reports, interviews,

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта No 20-312-90026. The reported study was funded by RFBR, project number 20-312-90026.

where the topic is covered in more detail, as well as in references to various regulatory legal acts, documents, court decisions, precedents, to legal doctrine provisions, etc. The forms of intertextuality in analytical articles on legal issues are conditioned by the discursive characteristics of the genre. Based on the narrow understanding of intertextuality as a manifestation of explicit references to specific texts, the author proposes a conditional division into implicit (requiring additional knowledge and creative thinking in the decoding process) and explicit (obvious to the recipient without thoughtful reading, graphically marked) forms of intertextuality in the genre of analytical article on legal issues. The paper considers examples from English-language analytical articles on legal issues illustrating various forms of intertextuality from the point of view of translation pragmatics. The author emphasizes the relevance of studying explicit forms of intertextuality as a promising area of research in the field of discourse with the possibility of using information technologies and machine algorithms.

Keywords: intertextuality, intertext, allusion, analytical article on legal issues, media discourse, legal discourse, media analytics.

For citation: Chemeteva Yu.V. Intertext in Media Analytics: Pragmatics of Translation. *Kazan Linguistic Journal*. 2021; 4(2): 203–218. (In Russ.)

Особое место в пространстве медийного дискурса занимают аналитические статьи. Медийная аналитика, принимая участие в формировании общественного сознания за счет широкой аудитории, своей предметной составляющей и прагматического потенциала масс-медиа, влияет на представления граждан о протекающих в политической, социальной, экономической сферах процессах, играет роль в формировании позиции гражданина при его участии в отправлении демократии [15], [11]. Несмотря на характерные для медийной аналитики сложность текста и фокус на предметности, что обуславливается принадлежностью конкретного текста к какому-либо специализированному дискурсу помимо универсального медийного (юридическому, политическому, экономическому и т.д.), аналитическим жанрам медийного дискурса свойственна некая адаптация под его прагматику, что позволяет подобным текстам стать достоянием более широкой аудитории. Аналитические статьи по юриспруденции (АЮС), составляющие материал данного исследования, представляют собой продукт взаимодействия базового (медийного) и проективного (юридического) дискурсов. Определяя основные дискурсивные параметры в рамках жанра, медийный дискурс как базовый адаптирует параметры юридического дискурса, при этом могут обнаруживаться новые характеристики и претерпевать

изменения традиционные. Одной из характеристик, проявление которых обуславливается взаимодействием базового и проективного дискурсов в рамках АЮС, является интертекстуальность, представляющая собой основную текстопорождающую и смыслообразующую категорию, предполагающую процесс диалогического взаимодействия текстов в плане и содержания, и выражения, осуществляемого как на уровне текстового целого, так и отдельных смысловых и формальных элементов [5, с. 3].

Юридическому дискурсу в «чистом виде» свойственно проявление интертекстуальности (отсылки на различные нормативные правовые акты, документы, решения суда, прецеденты, на положения юридической доктрины и т.д.), например: «При проверке документов, предусмотренных абзацем третьим пункта 5 настоящей статьи, устанавливается: [...] соответствие указанных документов требованиям к нормативным правовым актам федеральных органов исполнительной власти, установленным Федеральным законом от 17 июля 2009 года N 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [18]. Приведенный фрагмент Федерального закона от 23.08.1996 N 127-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О науке и государственной научно-технической политике» содержит отсылку к другому закону – Федеральному закону от 17 июля 2009 года N 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов».

При взаимодействии юридического дискурса с медийным и при ведущей роли последнего в рамках АЮС интертекстуальность приобретает новые формы, освобождаясь от рамок объективности, точности, безоценочности и безэмоциональности официально-делового стиля и смещая фокус с предметности на прагматику. В АЮС все также присутствуют характерные для юридического дискурса отсылки на нормативные правовые акты и другие юридические тексты, например: «The lawyers at the Justice Department have not written a complaint that focuses on artificial intelligence, algorithms or anything else that suggests 21st-century technology. Indeed, the federal government has essentially

copied the successful antitrust complaint it filed against Microsoft in 1998» [22]. При переводе следует учитывать тот факт, что у документа, на который дается отсылка, может быть уже зафиксированный перевод или общепринятое наименование на языке перевода. Также особого внимания заслуживает передача прецизионной информации. Перевод данного фрагмента может выглядеть следующим образом: Юристы Министерства юстиции не составляли иск по ограничению использования искусственного интеллекта, алгоритмов или других технологий 21-го века. Фактически, федеральное правительство скопировало успешный антимонопольный иск, поданный против корпорации Microsoft в 1998 году (перевод наш).

Более значительное количество проявлений интертекстуальности в АЮС приходится на отсылки к текстам медийного дискурса (аналитические статьи, информационные материалы, репортажи, интервью и т.д.), например: «Days later, Anthony S. Fauci, the U.S. immunologist leading the response to the coronavirus pandemic, revealed in an interview on “60 Minutes” that he requires near-constant security because of threats against him and his family» [31]. В данном примере содержится отсылка к тексту медийного дискурса, а именно интервью, как тексту источника фактов, приведенных в тексте. Приведем возможный вариант перевода: Несколько дней спустя Энтони Фаучи, американский иммунолог, ведущий борьбу с пандемией коронавируса, заявил в интервью программе «60 минут», что ему почти постоянно требуется охрана ввиду угроз в адрес него и его семьи (перевод наш). В русскоязычном медийном дискурсе используется эквивалент названия известной программы *60 Minutes* – «60 минут», который целесообразно использовать в переводе.

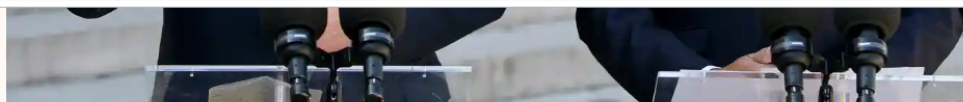
В науке конкурируют два принципиально различных подхода к определению границ выявления интертекстуальности в тексте. Широкий (радикальный) подход к пониманию интертекстуальности предполагает ее генеративную природу, смысловую множественность, незавершающееся количество интерпретаций, формирование смыслотворческой активности реципиента [5, с. 3]. Согласно этому подходу, интертекстуальность характерна

для любого текста и проявляется на разных уровнях. По словам Барта, текст представляет собой новую ткань, сотканную из известных кодов, которые скомбинированы в различном порядке и могут содержать цитаты, отсылки. Текст интертекстуален в том смысле, что является своего рода «между-текстом» по отношению к другому тексту [3]. Широкий подход к пониманию интертекстуальности был разработан также в работах Бахтина [4], Кристевой [13], Риффатерра [28], Лотмана [16]. В узком понимании интертекстуальность ограничивается диалогическими отношениями, в которых текст содержит явные отсылки на конкретные тексты, события, высказывания. Среди сторонников данного подхода Чернявская [20], Арнольд [1], Бройх, Пфистер [27], Лахман [24], Холтюз [23], Кузьмина [14], Филиппова [19].

Примирительным в данной дискуссии является мнение М. Пфистера, согласно которому каждая модель обладает «собственным когнитивным потенциалом» [27, с. 25], что предполагает функциональность каждого из подходов при решении определенных задач. Поскольку данное исследование направлено на анализ конкретных проявлений интертекстуальности в рамках взаимодействия медийного и юридического дискурсов в жанре АЮС, узкий подход представляется наиболее релевантным. Более того, справедливо мнение критиков широкого подхода, согласно которому при рассмотрении текста как «между-текста» невозможно четко разграничить интертекстуальность и неинтертекстуальность. В своем исследовании мы исходим из узкого подхода к пониманию границ интертекстуальности и стремимся таким образом исключить ее обнаружение в каждом слове текста, что вело бы к исчезновению операциональной ценности данной категории. Стоит, однако, заметить, что и в рамках узкого подхода можно условно разделить проявления интертекстуальности на эксплицитные, очевидные реципиенту без вдумчивого прочтения, и имплицитные, требующие сознательной интерпретации с применением определенных фоновых знаний и креативного мышления для их распознавания.

Приведем пример из англоязычной АЮС: «“Antitrust is not a fully adequate tool to deal with the companies that dominate these markets,” said Gene Kimmelman, who was on the Stigler Center panel and a co-author of a recent report by the Shorenstein Center at Harvard that called for the creation of a “digital platform agency” in America» [21]. Приведенный фрагмент содержит цитату, явную отсылку на другой текст, чужую речь. Эксплицитность интертекста в случае использования цитирования усиливается за счет кавычек, что делает наличие чужой речи заметным даже без внимательного прочтения текста. Приведенный пример также содержит словосочетание *recent report by the Shorenstein Center at Harvard*, которое представляет собой отсылку к конкретному документу, однако является менее эксплицитным проявлением интертекстуальности по сравнению с прямым цитированием. Перевод приведенного фрагмента в целом не вызывает трудностей: По словам Джина Киммельмана, участника панельной дискуссии Центра Стиглера и соавтора недавно опубликованного отчета Центра Шоренштейна в Гарварде, содержащего призыв к созданию «агентства цифровых платформ» в Америке, «Антимонопольное законодательство не – самое адекватное средство взаимодействия с компаниями, доминирующими на этих рынках» (перевод наш).

Как уже было отмечено, в жанре АЮС, комбинирующем характеристики медийного и юридического дискурсов, интертекстуальность проявляется в использовании отсылок к нормативным правовым актам, регулирующим рассматриваемый вопрос, а также к другим статьям, выступающим первичным источником информации, о которой упоминается в АЮС, или материалам, где более подробно излагаются вопросы, рассматриваемые в тексте. Рисунок демонстрирует подобный пример, где интертекстуальность проявляется в форме гиперссылок, которые для наглядности помечены другим цветом и выделены подчеркиванием (рис. 1) [30]. При переводе подобных форм интертекстуальности следует сохранять оформление оригинала и обеспечивать работу гиперссылок.

▲ Boris Johnson and Emmanuel Macron at the Elysee Palace in Paris on 22 August 2019. 'The central question is whether this is anything more than a game.' Photograph: Chesnot/Getty Images

In a world of political spin, a single smart soundbite can sometimes take over an **entire complex story**. Wednesday's meeting in Berlin between Boris Johnson and Angela Merkel was a classic example. In advance, it had been billed as a stubborn confrontation with no expectation of agreement on Brexit. Then, in the press conference that followed their meeting, the German chancellor speculated that solving the impasse between the European Union and the UK over the Irish backstop might take two years of negotiation before adding: "But maybe we can find that solution in the next 30 days."

Mrs Merkel's remark was a textbook stratagem. Mr Johnson picked up her words and ran with them, calling it a blistering timetable. The words instantly became the story of the day, generating a clutch of British **newspaper headlines** like "30 days to ditch the backstop" (Daily Telegraph) or "30-day deadline to avert no deal" (Guardian). In Paris on Thursday, Emmanuel Macron endorsed the idea, even while saying that the **backstop remained indispensable** both for Irish stability and for the single market.

Yet what has really happened as a result of Mr Johnson's first foray into

Рисунок 1

Стоит отметить, что с точки зрения изучения интертекстуальности в медийных жанрах эксплицитные и графически маркированные средства имеют большое значение, поскольку они распознаваемы машинами и алгоритмами искусственного интеллекта, что составляет перспективу для исследований в данном направлении.

Интертекстуальность в АЮС может проявляться более имплицитно, например, посредством аллюзий, реминисценций. Для распознавания интертекстуальности, выраженной аллюзией или реминисценцией, необходима сознательная интерпретация фрагмента с привлечением фоновых знаний и креативного мышления. Приведем пример: «*Kandahar matters*, and what happens there generally decides not just the fate of Afghanistan but also impacts Central Asia and the Indian Subcontinent» [26]. Словосочетание *Kandahar matters* является аллюзией на общественное движение *Black Lives Matter*, выступающее против расизма и насилия по отношению к чернокожим. При переводе фразы следует иметь в виду, является ли аллюзия распознаваема в языке перевода

и применять соответствующую стратегию. Приведем возможный вариант перевода данного фрагмента: Кандагар важен, и происходящие там события в значительной мере решают не только судьбу Афганистана, но также влияют на Центральную Азию и Индийский субконтинент (перевод наш). В данном случае была несколько утеряна аллюзия: русскоязычный аналог лозунга *Black Lives Matter* – «жизни чернокожих важны», однако во фразе «Кандагар важен» отсылка не распознается. Вероятно, в данном случае сохранению аллюзии способствовало бы фонетическое сходство с фразой, однако подобрать такой перевод представляется сложным. При определенных условиях для сохранения эффекта аллюзии в переводе может быть оставлено англоязычное словосочетание *Kandahar matters*. Безусловно, при принятии переводческого решения следует руководствоваться прагматическими факторами и учитывать целевую аудиторию издания, в котором публикуется перевод.

В рамках жанра АЮС имплицитная интертекстуальность часто проявляется в креативных заголовках. Приведем примеры аллюзий на знаменитую фразу Дональда Трампа «Сделать Америку снова великой» в заголовках АЮС: «The coronavirus outbreak is making expertise great again» [29]; «Mr Kandahar: Sayed Jalal Agha wants to make Afghanistan great again» [26]. При передаче данных заголовков можно руководствоваться известностью фразы Дональда Трампа, перевод которой универсален для русскоязычной аудитории: Вспышка коронавируса снова делает экспертность великой; Господин Кандагар: Саид Джалал Ага хочет снова сделать Афганистан великим (перевод наш).

Исследование имплицитной интертекстуальности, проявляющейся в аллюзиях, парафразах, реминисценциях и т.д., распространено на богатом в стилистическом отношении материале художественных текстов (работы Бахтина [4], Кристевой [13], Арнольд [1], Фатеевой [17], Васильева [7], Ильина [9], Белоглазовой [6], Гончаровой [8], Лахмана [24]). Интерес ученых к исследованию интертекстуальных отношений в художественной литературе, вероятно, обусловлен большей сложностью проявлений и, следовательно, более

интересными формами интертекстуальности, интерпретация которых возможна только через глубокое понимание текста и привлечение фоновых знаний и креативного мышления. Гораздо меньший интерес проявляется к изучению интертекстуальности на материале нехудожественных жанров (однако есть известные исследования: работы Чернявской [20], Москвина, Колокольцевой [10], Кожиной [12], Баженовой [2]). Следует заметить, что и в художественном тексте остается множество неизученных областей в отношении интертекстуальности. Причинами неразработанности теории интертекстуальности, по мнению Арнольд, являются большое разнообразие форм и функций включения «другого голоса», а также сложность и разнообразие модальностей функций и импликаций [1].

Как и художественные жанры, АЮС представляет собой интересный материал для изучения интертекстуальности. Аналитические жанры достаточно сложны и предполагают, что читатель обладает всесторонними фоновыми знаниями, способен понять комплексный анализ проблемы, поднятой в статье, и декодировать использованные автором стилистические приемы. На фоне комплексного характера и «интересности» изучения имплицитной интертекстуальности в АЮС не следует, однако, недооценивать изучение эксплицитных проявлений интертекстуальности, так как при всестороннем, комплексном исследовании взаимодействия базового и проективного дискурсов в жанре АЮС изучение эксплицитных форм интертекстуальности имеет большое значение для понимания характеристик гибридности дискурса, диффузности жанра, а также представляет собой перспективную область исследования с возможностью применения информационных технологий.

Прагматика, обуславливающая соотношение характеристик базового и проективного дискурса в жанре АЮС и влияющая на использование форм интертекстуальности в текстах данного жанра, предполагает стратегию перевода, учитывающую множество факторов, включая потенциального реципиента или целевую аудиторию издания, наличие признанного эквивалента, если речь идет о названии документа или прецедента,

узнаваемость аллюзии или реминисценции в языке перевода и т.д. Наибольшую сложность при переводе вызывают имплицитные формы интертекстуальности, для декодирования смысла которых требуется глубокое понимание текста оригинала с привлечением дополнительных знаний и креативного мышления. При переводе в подобных случаях необходимо особенно тщательно прослеживать прагматический фактор. Эксплицитные и графически маркированные формы интертекстуальности, как правило, не вызывают сложностей при передаче, однако их исследование не должно отходить на второй план, так как данная область, потенциально пригодная для использования информационных технологий и машинных алгоритмов, составляет перспективу дальнейших исследований в области дискурса.

Список литературы

1. *Арнольд И.В.* Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб. Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1999. 448 с.
2. *Баженова Е.А.* Способы экспликации и функции чужой речи в научном тексте. *Функциональные разновидности речи в коммуникативном аспекте*. Пермь, 1988. С. 83–91.
3. *Барт Р.* От произведения к тексту. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 413–424.
4. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 502 с.
5. *Безруков А.Н.* Поэтика интертекстуальности: Учебное пособие. Бирск: Бирск. гос. соц.-пед. академия, 2005. 70 с.
6. *Белоглазова Е.В.* Дискурсность, интердискурсность, полидискурсность литературы для детей. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2010. 196 с.
7. *Васильев А.Д.* Интертекстуальность: прецедентные феномены: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2015. 341 с.
8. *Гончарова Е.А.* К вопросу об изучении категории «автор» через проблемы интертекстуальности. *Интертекстуальные связи в художественном тексте*. СПб.: Образование, 1993. С. 20–28.

9. Ильин И.П. Стилистика интертекстуальности; Теоретические аспекты. *Проблемы современной стилистики*. М., 1989. С. 186–207.
10. Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: коллективная монография [В. П. Москвин и др.]; [науч. ред: Колокольцева Т.Н., Москвин В.П.]. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 347 с.
11. Исаков В.Б. Право на аналитику. *Гражданин. Выборы. Власть*. 2018. № 4. С. 116–135.
12. Кожина М.Н. Диалогичность письменной научной речи как проявление социальной сущности языка. *Методика и лингвистика иностранного языка для научных работников*. М.: Наука, 1981. С. 248.
13. Крестева Ю. Текст романа. Крестева Ю. *Избранные труды: Разрушение поэтики*. пер. с фр. Г.К. Козикова, Б.П. Нарумова. М.: РОССПЭН, 2004. С. 395–593.
14. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах функционирования поэтического языка. Екатеринбург; Омск, 1999. 268 с.
15. Курносоев Ю.В., Конотопов П.Ю. Аналитика: методология, технология и организация информационно-аналитической работы. М.: Русаки, 2004. 512 с.
16. Лотман Ю.М. Текст в тексте. *Текст в тексте. Труды по знаковым системам*. Вып. 14. Тарту, 1981. С. 3–18.
17. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000. 280 с.
18. Федеральный закон от 23.08.1996 N 127-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О науке и государственной научно-технической политике». КонсультантПлюс // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/ (дата обращения: 14.01.2021).
19. Филиппова С.Г. Интертекстуальность как средство объективации картины мира автора: дисс. на соискание уч. степени д-ра. филол. наук. СПб., 2008. 449 с.

20. Чернявская В.Е. Интертекстуальность как текстообразующая категория в научной коммуникации: на материале немецкого языка: дисс. на соискание уч. степени д-ра. филол. наук. М., 2000. 449 с.
21. Forget Antitrust Laws. To Limit Tech, Some Say a New Regulator Is Needed. *The New York Times* // URL: <https://www.nytimes.com/2020/10/22/technology/antitrust-laws-tech-new-regulator.html?action=click&auth=login-facebook&module=Well&pgtype=Homepage§ion=Business> (дата обращения: 10.02.2021).
22. Google, You Can't Buy Your Way Out of This. *The New York Times* // URL: <https://www.nytimes.com/2020/10/22/opinion/google-lawsuit-antitrust.html?action=click&module=Opinion&pgtype=Homepage> (дата обращения: 07.02.2021).
23. Holthuis S. Intertextualität. Aspekte einer rezeptionsorientierten Konzeption. Tübingen: Stauffengurg Verlag, 1993. S. 268.
24. Lachman R. Gedächtnis und Literatur. Intertextualität in der russischen Moderne. Frankfurt: Suhrkamp. 1990.
25. Lachman R. Intertextualität als Sinnkonstruktion. *Poetica*. 1983. H. 15. S. 66–107.
26. Mr Kandahar: Sayed Jalal Agha wants to make Afghanistan great again. *TRT World* // URL: <https://www.trtworld.com/magazine/mr-kandahar-sayed-jalal-gha-wants-to-make-afghanistan-great-again-43084> (дата обращения: 10.01.2021).
27. Pfister M., Broich U. Konzepte der Intertextualität. *Intertextualität: Formen, Funktionen, anglistische Fallstudien*. Tübingen, 1985. S. 1–30.
28. Riffaterre M. La trace de l'intertexte. *La Pensee: Revue du rationalisme moderne*. 1980. Vol. 215.
29. The coronavirus outbreak is making expertise great again. *The Washington Post* // URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2020/03/09/coronavirus-outbreak-is-making-expertise-great-again/> (дата обращения: 12.02.2021).

30. The Guardian view on Boris Johnson in Europe: warmer words but a cold reality. *The Guardian* // URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/aug/22/the-guardian-view-on-boris-johnson-in-europe-warmer-words-but-a-cold-reality> (дата обращения: 10.02.2021).

31. Trump's attacks on political adversaries are often followed by threats to their safety. *The Washington Post* // URL: https://www.washingtonpost.com/national-security/threats-follow-trump-political-attacks/2020/10/28/c6dbce02-1792-11eb-82db-60b15c874105_story.html (дата обращения: 07.02.2021).

References

1. Arnol'd I.V. (1999). Semantics. Style. Intertextuality. St. Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburg. un-ta. 448 p. (In Russian)
2. Bazhenova E.A. (1988). Ways of Explication and Functions of Foreign Speech in a Scientific Text. *Functional Varieties of Speech in the Communicative Aspect*. Perm', pp. 83–91. (In Russian)
3. Barthes R. (1989). From the Work to the Text. *Selected Works: Semiotics: Poetics*. Moscow, Progress, pp. 413–424. (In Russian)
4. Bakhtin M.M. (1975). Issues of Literature and Aesthetics: Studies of Different Years. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 502 p. (In Russian)
5. Bezrukov A.N. (2005). Poetics of Intertextuality: Study Guide. Birk, Birk. gos. sots.-ped. akademiya. 70 p. (In Russian)
6. Beloglazova E.V. (2010). Discursivity, Interdiscursivity, Polydiscursivity of Literature for Children. St. Petersburg, Izd-vo SPbGUEF. 196 p. (In Russian)
7. Vasil'ev A.D. (2015). Intertextuality: Precedent Phenomena. Study Guide. Moscow, Flinta, Nauka. 341 p. (In Russian)
8. Goncharova E.A. (1993). On the Issue of Studying the Category “Author” Through the Problems of Intertextuality. *Intertextual Connections in a Literary Text*. St. Petersburg, Obrazovanie, pp. 20–28. (In Russian)
9. Il'in I.P. (1989). Stylistics of Intertextuality; Theoretical Aspects. Problems of Modern Stylistics. Moscow, pp. 186–207. (In Russian)

10. Intertextuality and Intertext Figures in Discourses of Different Types. Collective Monograph [Moskvin V.P., Kolokol'tseva T.N. et al.]. (2016). Moscow, FLINTA, Nauka. 347 p. (In Russian)
11. Isakov V.B. (2018). The Right to of Analytics. *Citizen. Elections. Authority*. 2018. № 4, pp. 116–135. (In Russian)
12. Kozhina M.N. (1981). Dialogicity of Written Scientific Speech as a Manifestation of The Social Essence of Language. *Methods and Linguistics of a Foreign Language for Researchers*. Moscow, Nauka, p. 248. (In Russian)
13. Kristeva Yu. (2004). Text of the Novel. *Kristeva Yu. Selected Works. Destruction of Poetics*. Translated from Fr. by G.K. Kozikova, B.P. Narumova. Moscow, ROSSPEN, pp. 395–593. (In Russian)
14. Kuz'mina N.A. (1999). Intertext and Its Role in the Processes of Functioning of the Poetic Language. Yekaterinburg, Omsk. 268 p. (In Russian)
15. Kurnosov Yu.V., Konotopov P.Yu. (2004). Analytics: Methodology, Technology and Organization of Information and Analytical Work. Moscow, Rusaki. 512 p. (In Russian)
16. Lotman Yu.M. (1981). Text Within the Text. *Text Within the Text. Works on Sign Systems*. Vyp. 14. Tartu, pp. 3–18. (In Russian)
17. Fateeva N.A. (2000). Counterpoint of Intertextuality, or Intertext in the World of Texts. Moscow, Agar. 280 p. (In Russian)
18. Federal Law No. 127-FZ of August 23, 1996 (as amended on December 8, 2020) “On Science and State Scientific and Technical Policy”. KonsultantPlyus // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/ (accessed: 14 January 2021). (In Russian)
19. Filippova S.G. (2008). Intertextuality as a Means of Objectification of the Author's Picture of the World. Dr. philol. sci. diss. St. Petersburg. 449 p. (In Russian)
20. Chernyavskaya V.E. (2000). Intertextuality as a text-forming category in scientific communication: Based on the German language. Dr. philol. sci. diss. Moscow. 449 p. (In Russian)

21. Forget Antitrust Laws. To Limit Tech, Some Say a New Regulator Is Needed. *The New York Times* // URL: <https://www.nytimes.com/2020/10/22/technology/antitrust-laws-tech-new-regulator.html?action=click&auth=login-facebook&module=Well&pgtype=Homepage&ion=Business> (accessed: 10 February 2021). (In English)
22. Google, You Can't Buy Your Way Out of This. *The New York Times* // URL: <https://www.nytimes.com/2020/10/22/opinion/google-lawsuit-antitrust.html?action=click&module=Opinion&pgtype=Homepage> (accessed: 7 February 2021). (In English)
23. *Holthuis S.* (1993). Intertextualität. Aspekte einer rezeptionsorientierten Konzeption. Tübingen: Stauffengurg Verlag, S. 268. (In German)
24. *Lachman R.* (1990). Gedächtnis und Literatur. Intertextualität in der russischen Moderne. Frankfurt: Suhrkamp. (In German)
25. *Lachman R.* (1983). Intertextualität als Sinnkonstruktion. *Poetica*. H. 15, S. 66–107. (In German)
26. Mr Kandahar: Sayed Jalal Agha wants to make Afghanistan great again. *TRT World* // URL: <https://www.trtworld.com/magazine/mr-kandahar-sayed-jalal-gha-wants-to-make-afghanistan-great-again-43084> (accessed: 10 January 2021). (In English)
27. *Pfister M.* (1985). Konzepte der Intertextualität. Intertextualität: Formen, Funktionen, anglistische Fallstudien / Hrsg. U. Broich & M. Pfister. Tübingen, S. 1–30. (In German)
28. *Riffaterre M.* (1980). La trace de l'intertexte. *La Pensee: Revue du rationalisme moderne*. Vol. 215. (In French)
29. The coronavirus outbreak is making expertise great again. *The Washington Post* // URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2020/03/09/coronavirus-outbreak-is-making-expertise-great-again/> (accessed: 12 February 2021). (In English)
30. The Guardian view on Boris Johnson in Europe: warmer words but a cold reality. *The Guardian* // URL:

<https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/aug/22/the-guardian-view-on-boris-johnson-in-europe-warmer-words-but-a-cold-reality>
(accessed: 10 February 2021). (In English)

31. Trump's attacks on political adversaries are often followed by threats to their safety. *The Washington Post* // URL: https://www.washingtonpost.com/national-security/threats-follow-trump-political-attacks/2020/10/28/c6dbce02-1792-11eb-82db-60b15c874105_story.html (accessed: 7 February 2021). (In English)

Автор публикации

Чеметева Юлия Владимировна –
аспирант
ассистент кафедры теории и практики
перевода
Волгоградский государственный
университет
Волгоград, Россия
E-mail: chemeteva@volsu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9134-5789>

Author of the publication

Chemeteva Yuliya Vladimirovna –
Postgraduate Student
Assistant Lecturer
Department of Translation Theory and Practice
Volgograd State University
Volgograd, Russia
E-mail: chemeteva@volsu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9134-5789>

Поступила в редакцию: 26.02.2021

Принята к публикации: 20.03.2021

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81-13

DOI: 10.26907/2658-3321.2021.4.2.219-241

ВОПРОС ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТЕПЕНЕЙ ЯЗЫКОВОГО РОДСТВА И ЭТИМОЛОГИЯ КОГНАТОВ «ВОДЫ»

*С.Ю. Петров**sypetrov@mail.ru**Технический переводчик, г. Омск, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос возможности определения степеней родства индоевропейских языков по отношению к славянским языкам. Автор анализирует генеалогию индоевропейских языков, модель возникновения одного из этимонов из состава ядерной лексики «вода» в русском и других славянских языках, а также пути развития водных когнатов в других индоевропейских языках и в языках некоторых других семей. Актуальность темы определяется известной неудовлетворительностью и устарелостью имеющихся этимологизаций этой лексемы, как и недостаточно точной словарной глоттохронологической методологией. Применяя чередования звуков [б(в)/м] и собственную теорию чередования матерей чтения, автор предпринимает попытку собственного определения реальной этимологии лексем, происходящих из этимона воды.

Ключевые слова: вода, водить, колодец, лить, море, посуда, свинец, сосуд, сосок, праиндоевропейские корневые основы, индоевропейская теория, теория чередования матерей чтения, чередование звуков, этимология.

Для цитирования: Петров С.Ю. Вопрос определения степеней языкового родства и этимология когнатов «воды». *Казанский лингвистический журнал*. 2021; 4(2): 219–241.

FAMILIAL RELATIONSHIPS BETWEEN KIN LANGUAGES AND ETYMOLOGY OF RUSSIAN *ВОДА* “WATER”

*S.Y. Petrov**sypetrov@mail.ru**Technical translator, Omsk, Russia*

Abstract. The article deals with the problem of defining of familial relationships between the Indo-European languages in relation to the Slavic languages. Analysis of the genealogical tree of the Indo-European languages, and the incipience pattern of the basic stock member *вода* ‘water’ in the Russian and other Slavic languages, as well as the developmental patterns of water cognates in the other Indo-European languages, and languages from some other language families are given in the present work. The relevance of the topic is determined by inadequacy and obsolescence of the existing etymologies of *вода*, as well as by insufficient glottochronology. On the basis of the application of the [b(v)/m] alternation and his own *matres lectionis* alternation the author makes an attempt to introduce his own etymology of the words flowing from the cognate of ‘water’

Keywords: water, lead (1), lead (2), leak, marine, nipple, pour, sea, utensils, vessel, well, Proto-Indo-European word-stems, the Indo-European theory, alternation theory, sound alternation, etymology.

For citation: Petrov S.Y. Familial relationships between kin languages and etymology of the Russian *вода* “water”. *Kazan Linguistic Journal*. 2021; 4 (2): 219–241. (In Russ.)

Whatever is not simple, easy to understand, cannot be the truth.

Arnold Ehret

Как этимологи этимологизируют базовую лексику русского языка? В любом этимологическом словаре старшей обычно предлагается гипотетическая праиндоевропейская основа, из которой далее выводятся гипотетическая прагерманская, гипотетическая праиталийская, гипотетическая праславянская формы, каковые снабжаются астериском (*) для указания того, что эти реконструируемые формы нигде и никогда не были зафиксированы, и являются лишь плодом собственных умозаключений этимологов на основе анализа имеющихся материалов.

Какой-то язык, предположительно содержащий реконструируемые формы, хронологически произошел из такого же гипотетического праязыка раньше другого, дав начало собственной ветви языков, какой-то позже. Где-то эти языковые ветви пересекались, отходили друг от друга, влияли друг на друга, переплетались, рождая новые языки на стыках или при воздействии других ответвлений индоевропейского древа. Но какие ветви на этом генеалогическом древе были древнее, а какие моложе, этимологи не говорят. Таким образом, невыполняется одна из основных функций этимологии и глоттохронологии – определение генетического старшинства языков.

Мы имеем лишь гадательные представления о гипотетическом праиндоевропейском народе и его гипотетическом праиндоевропейском языке, возникшем по самой распространенной научной гипотезе еще в мезолите в 8500-5000 гг. до н. э. на территориях современных России, Украины, Прибалтики и Прикаспия [11, р. 297].

«Славяне появляются на исторической арене **неожиданно** как **великий и уже сформировавшийся народ**; мы даже не знаем, откуда он пришел и каковы были его отношения с другими народами», – пишет Любор Нидерле в «Славянских древностях» [3, с. 7]. О полудиких славянских обитателях лесов ему не известно, а потому он говорит о славянах совершенно обратное – в античном периоде у славян была собственная цивилизация.

Существует три версии появления названия славян: первая – от двух родственных славянских слов, восходящих к общему индоевропейскому корню **k̑lec* со знач. «слово, молва, известность, слава». Таким образом словѣне – это либо «люди, говорящие „по-нашему“», в отличие от немцев – «немых», «не владеющих нашим языком», «чужих», – либо «славяне» происходит от славы, словѣне – «славные». По второй версии предлагается возводить название славян к и.-е. слову **s-laŋ-os* «народ» (с и.-е. *s-mobile*). И есть третья версия М. Фасмера, по которой он прямо отрицает в своем этимологическом словаре связь этнонима славян как со «слава», так и со «слово», и сближает с греч. κλύζω «омываю» и с лат. *cloāsa* «канализационный сток» [7, том III, с. 665].

Распространившись с Восточно-Европейской равнины по Евразии, народ-носитель праиндоевропейского языка никуда из мест своего обитания не исчезал: «В начале II тысячелетия либо из-за перенаселенности, либо из-за засухи, поразившей пастбища, или вследствие обеих причин эти [*праи.-е.*] народы пришли в движение. Они *мигрировали группами в западном, южном и восточном направлениях*, покоряли местные народности и смешивались с ними, образуя правящую верхушку... Некоторые племена переместились на территорию Европы, и от них произошли *греки, латиняне, кельты и тевтоны*. Другие *пришли в Анатолию*, и в результате смешения их с местными жителями возникла великая империя хеттов. Некоторые – **предки современных балтийских и славянских народов – остались на своей прародине**» [1, с. 37].

Балто-славянский континуум без какой-либо дискретности наблюдается на территории расселения балто-славян как минимум со II тысячелетия до н. э. Отчего бы не допустить, что «праиндоевропейцы», фактически, предки балто-славян, уходили оттуда во всех направлениях, – и на юг, и на запад, и на восток, – но полностью со своих мест не уходили, большинство продолжало оставаться на месте.

В 1997 г. в журнале «Техника молодежи» появилась небольшая заметка «Россия – родина Германии» об исследовательской группе из Penn State University, США, которая ввела в память суперкомпьютера ядерную лексику

и грамматические структуры индоевропейских языков вместе со спецпрограммой поиска и оценки их сходств и различий.

«Ученые, – говорится в журнале, – совершили сенсационное открытие: германские наречия изначально представляли собой всего лишь одно из ответвлений крупной балто-славянской и индоиранской языковых групп. Утратив на очень ранних этапах связь со своими восточными родственниками, и попав под влияние западных языков, они почти до неузнаваемости изменились [5, с. 42], [17, р. 111].

Таким образом, германские языки представляют собой ответвление от балто-славянских. А если вспомнить слова А. Бэшема о том, что предки современных балтийских и славянских народов остались на своей прародине [1], то выходит, что от балтославянского этно-языкового ствола отделялись ветви уходивших от него в разных направлениях групп людей. Такое мы видим на примере германских. Привычная схема генеалогического древа языков примет совершенно иной вид: группа германских языков выделилась на поздних этапах из балто-славянского языкового единства. Во всяком случае, на основании результатов до сих пор никем не опровергнутого исследования [17] в отношении данной языковой группы это можно утверждать. Компьютерный анализ логично воспроизвел очевидное историческое событие – если изначально праиндоевропейцы проживали на территории современных балтийских и восточнославянских стран, то их язык дал жизнь балтийским и праславянским, ибо оставшееся большинство должно было продолжить говорить на каком-то, видимо, на этом же праи.-е. языке. Естественно, что этот язык менялся, но он никуда не исчезал. Свидетельств дискретности славянского языкового континуума нет. Однако, судя по результатам исследования [6], в германских языках такая дискретность имела место, германский языковой континуум прерывался.

В латыни прилагательное *germanus* (мн. ч. *germani*) буквально значит «того же племени, родственный» [20, *germanus*, р.174]. Чьего племени и какого происхождения германцы, если на очень ранних этапах их язык отошел

от балто-славянской языковой ветви? При этом, родственными они оказываются и южным европейцам, латинянам. Лат. прил. *germanus* не обязательно обозначает только германцев, но, как мы сказали выше, родных или соплеменников вообще: *germanus frater* «родной брат», *germana soror* «родная сестра» (от понятия «род»: *germanus* < **genmanus* < **genimanus* < *genimen* < *genui* < *geno*) [там же] и т.д. Отколовшись от балто-славян и уйдя на Запад, германцы оказались родственными и южноевропейским латинянам, если те сами называли их того же рода. Какова степень этого родства?

Одной из фундаментальных задач этимологии и глоттохронологии является определение генеалогии языков, то есть какие языки старше, а какие младше. Если индоевропейские языки определяются как родственные, то и связи между ними должны быть подобны родственным – кто-то в роду старше, а кто-то младше, и ничего в этом обидного или унижающего нет. Это как история семьи, ведь близкородственные и родственные языки так и называются – языковые семьи. Установление и понимание реальной иерархии языков может пролить весьма неоднозначный свет на устоявшиеся исторические воззрения.

Род, или семья не может состоять из родственников одного возраста. Родство всегда предполагает старшинство. Даже среди однойцевых близнецов, родившихся в один день, нет родства без старшинства. Один из них появляется на свет раньше первого и считается старшим. Если мы говорим о родстве, то нужно определиться каким способом установилось это родство, кто от кого произошел, и привести историческое свидетельство того, при каких обстоятельствах это породнение произошло.

Если знание и изучение истории собственной семьи для любого индивидуума является делом чести, то установление языковых родственных связей и их степеней для этимологии является не просто делом научной чести и честности, а первоочередной научной задачей. Если индоевропейцы вышли преимущественно с территории современной России, то первыми, к кому мог иметь отношение их язык, не могли не быть именно (пра)славяне. Сейчас

же этимология ограничивается лишь тем, что в словарях отмечается формальная родственность языков, но реальные степени родства, как правило, обходятся стороной.

В этой статье мы предлагаем проанализировать этимологию общеславянской лексемы *вода*, как обязательного члена ядерной лексики любого из человеческих языков, ибо нет народа, ни живущего, ни вымершего, который не имел бы представления о воде и некоторых «вытекающих» из нее понятий, также нашедших своё место в ядерной лексике почти любого языка, и попытаться определить степени родства *воды* с её когнатами в других языках. При анализе мы используем нашу теорию чередования матерей чтения, и рассмотрим широко известные фонетические чередования. Кратко опишем нашу теорию – один из инструментов, который мы применим при этимологизации русской лексемы *вода*.

Чередование матерей чтения широко и систематически представлено в семитских, иранских языках, но рудименты его также наблюдаются и в языках других языковых семей, в частности, в славянских.

Суть чередования: гласные звуки [о] и [у] образовались из огласованного слогаобразующего согласного [въ], в котором на месте шва, [ъ], имелась любая из огласовок – [ва], [ве], [ви], [во], [ву], [вы], [в'ja], или оставался шва, [въ]. Из любого из этих слогов образовались неслоговые гласные [о] или [у]. В ряде случаев слоги «ва», «ве», «ви», «во», «ву» и «вы» перешли в звуки [у] и [о], а где-то слились с огласовкой предшествующего слога.

Следовательно, при наличии в базовой русской лексеме звуков [у] или [о] можно предполагать присутствие в ней в прошлом слогового [в] с любой из вышеуказанных огласовок.

Например, этимологический корень в русском *привычка* тот же, что и в слове *учить*, – *приВЫчка* это **приУчка*, вольное или невольное приучение (себя) что-либо делать. При лексическом расширении слог «вы» в *привычка* перешел в «у», дав толчок семантическому развитию корня, вык- (выч-)/ук- (уч-), из базового понятия «выработка навыков» развилось более абстрактное

и комплексное понятие «учение». Таков механизм этого чередования в русском языке – семантическое развитие корней базовой лексики.

На основе этого чередования предположим, что лексема *уда* «удочка», ранее имела форму *вода/веда* – то, чем водят/ведут над поверхностью воды с целью ловли рыбы). Там же *удило* < **водило*.

М. Фасмер утверждает, что «...узда (часть конской упряжи) аналогично по образованию **ǫda* (см. *удá*), первонач. **«то, что вложено в рот»** (выделено нами – С.П.). Первая часть явно содержит и.-е. **ous-* «рот» (см. *уста́*), тогда как вторая часть – **dhē-* (см. *деть*)» [7, т. 4, с. 153]. По Фасмеру *узда* – это уста+деть, (в)деть в уста. Но *узда* (<**ВОзда* по теории чередования матерей чтения), а также *вожжа* (здесь Фасмер не выдумывал, ибо это слово этимологически прозрачно, тем более, что он сам приводит в статье «вожжа»: укр. *віжка*, блр. *вóжка*, словен. *vôjka*, польск. *wodze* «узда» [там же, том 1, с. 332]) свидетельствуют о том, что оба они происходят от понятия «водить, возить», а не от «рот, уста» и лексемы *узда* и *уда* этимологически родственны друг другу и происходят от **водить/возить**.

Если в лексеме *посуда* мы видим схожий элемент, *-уд-*, то не следует ли и здесь считать, что *-уд-а* в *посуда* также может означать *воду*, а элементу *-ос-* в *посуде* по этому же чередованию предшествовала форма *-вес-*. В *посуде* чётко видны два корня, *-вес-* и *-вод-* с приставкой *по-*: **по-вес-вод-а*. По чередованию матерей чтения форма *вес-* перешла в форму *ос-*, структура слога изменилась и приоткрытый слог «ос» слился с огласовкой предшествующего слога, *по-ВЕС-вода* > *по-ОС-вода*, *поСуда*). *Посуда* – то, в чем можно повесить или поместить воду.

Те же элементы видны и в лексеме *сосуд*. Там также имеются и *-ос-* и *-уд-*, то есть *сосуд* мог ранее иметь форму **свес-вод*, то, во что наливали, свешивали воду. В этом же ряду и *судно*, старшей формой которого могло быть **сводно*, и здесь же может находиться лат. *puteus* «колодец» с элементом *-ute-* [7, р. 502], который и тут может обозначать воду: *ǫod->no-ǫode> po-vode>po-ute-us>puteus*, **поводе-ус*. Если данная гипотеза звучит малоубедительно,

то остается полагаться только на словарное объяснение о том, что в самой латыни это слово заимствовано [там же].

Следовательно, зная, как выглядел элемент *-ос-* в *сосуде* и *посуде*, *-вес-*, можно уже предположить этимологию лексемы *сосок* с идентичным элементом – *сосок* < *свесок (как вариант, *свисок) «то, что свисает» + суфф. *-ок*. Этимологическая основа *соска* – *-вес/вис-*, а не *-сос-*.

Целых два слога с огласовкой [o] в лексеме *колодец*, *ко-* и *ло-*. По чередованию матерей чтения [въ > o], здесь также восстанавливается двухкорневая основа *квъл+въдец, *ковалводец, конструкция, призванная сковывать воду. Насчет первого элемента можно поспорить (возможно, что огласовку [o] в первом слоге здесь следует рассматривать не как переход въ>o, а как (o)коло-, *(o)коловодец, то, что оборудуется около воды), но второй элемент *-водец* здесь восстанавливается смело. В этом отношении интересна санскр. форма *útsa* «колодец», воспроизводящая лишь вторую основу в *(o)коловодец, – *útsa* < *водца. Смысл номинаций колодца в латыни и санскрите понятен только по-русски. Родственная связь лат. *puteus* и санскр. *útsa* обнаруживается только при противопоставлении с их славянскими когнатами.

Начальная *и-* в лат. *unda* также представляет собой пример перехода огласованного слогаобразующего согласного [vo] > [u] с дополнительной назализацией, *вода* > *vo(n)da > *unda*. Утратив первичное значение воды, лексема семантически специализировалась и стала обозначать волну.

Вода – практически единообразная общеславянская лексема (укр. и блр. *водá*, др.-русск. и ст.-слав. *вода*, болг. *водá*, сербохорв. *vòda*, словен. *vóda*, чеш. *voda*, слвц. *voda*, польск. *woda*, в.-луж., н.-луж. *woda*, древяно-полабск. *vãdã* [7, том I, стр. 330]) с отчетливо родственными формами в балтийских (лит. *vanduõ*, род. п. *vandẽns*, жемайт. *unduo*, лтш. *ũdens* [там же], все с назальными вставками), германских языках (др.-сакс. *watar*, др.-фриз. *wetir*, голл. *water*, др.-в.-нем. *wazzar*, нем. *Wasser*, баварск. *Wossa*, др.-норв. *vatn*, совр. норв. *vann*, гот. *wato*), представленная даже в финском (*vesi*, род. пад. *veten*, [там же]).

Весьма характерно, что М. Фасмер статью «вода» в своем этимологическом словаре начинает с непрямого указания: «*вода, сюда же **вóдка***» [там же]. Отчего же статью «пить» Фасмер не начал: «*пить, сюда же **пíво***», а в начале статьи «газ» не написал «*газ, сюда же **газирóвка***»? Ведь все они однокоренные слова.

Исходя, видимо, из того, что русск. *вода* происходит из германских, Фасмер приводит германские когнаты воды (*watar, wetir, water, wazzar, Wasser, vatn, vann*) для иллюстрации того, что славянский когнат тоже имеет древнюю основу на -г/-п.

Вероятно, гипотетические германские формы и имеют основу на *-r/p [7, там же], однако склонение славянской лексики *вода* вполне удачно входит в древнеславянскую группу на основу *-a/-ja. В сильных падежах никакого гетероклитического склонения здесь нет, [6] и [2]. Чередование суффиксов *-(e)г в сильных падежах и -(e)п- в слабых падежах в этом слове отсутствует. Более того, *вода* женского рода, а все гетероклитики были среднего. Среднего рода немецкая лексема *Wasser*, но не славянская *вода*. Плавный [r] появляется в этой лексеме лишь как словообразовательный формант (*выдра, ведро, море*, о котором ниже). Пиша об этимологии русской лексики, М. Фасмер описывает ее германский когнат!

О.Н. Трубаевым «вечное», как он сам его назвал, слово *вода* не этимологизируется никак.

Издав к 2018 г. 41 том, и дойдя до *pala-*pažьнь(jь), «Этимологический словарь славянских языков», начальной в слове *вода* буквы «V» пока не достиг, и поэтому при этимологизации *воды* воспользоваться его данными нам не пришлось.

Если взглянуть на основу праи.-и-е. *ak^w-/*ap- «вода», из которого латинское *aqua* «вода», то можно видеть, что некоторые словари предлагают его звукоподражательную природу, проводя параллель с основой праи.-и-е. корня *wagh-io- с расширителем из основы с «подвижной s» (s-mobile) *(s)wagh- «давать отзвук», то есть корень этот, — говорят словари, —

звукоподражательный и имитирует звук, производимый потоком воды, и имеет одно происхождение с *эхо* [20, р. 29, а также 13, *echo*]. Германские когнаты, обозначающие водные источники (др.-норв. *bekkr*, др.-англ. *bece*, англ. *beck*, голл. *beek*, др.-в.-нем. *bah*, нем. *Bach*, все со значением 'ручей'), видимо, также можно возвести к корню ***(s)wagh-** без *s-mobile*.

Герм. когнаты воды *watar*, *wetir*, *water*, *wazzar*, *Wasser*, *Wossa*, *vatn*, *vann*, *wato*, как и их романские когнаты, происходящие от лат. *aqua*, и когнаты с основой **ap(b)-** (др.-ир., др.-инд. и проч.) происходят из двух предполагаемых основ праи.-е. корней ***wed-** и ***(s)wagh-**. Здесь следует отметить, что эти гипотетические корни практически схожи. Некоторые этимологи даже называют основу ***akwā-** общим германо-италийским корнем, хотя допускают, что он может быть и не индоевропейского происхождения [10, pp. 48–49].

От праи.-е. корня ***wed-** происходят греч. *ῥῥωρ* (*ῥῥωτος*) «вода», давшее во многих языках элемент *hydro-* (*гидро-*), лат. *unda* «волна» (из назализованной формы основы ***wed-**), герм. (напр., англ. *wet* «мокрый») и балто-славянские формы, приведенные выше, а также арм. *get* «река», фриг. *βῆδν*, др.-инд. *udakām*, *uda-*, *udān-* «вода», *unātti* «бить ключом», «орошать», *ōdman-* ср. р. «поток», алб. *uj* «вода» [13, ***wed-**], а также [7, том 1, с. 330].

Иначе говоря, гипотетический праи.-и-е. корень ***wed-** стоял у истоков возникновения древнегреческого, древнегерманских, древнеиндийского, италийского и балто-славянских когнатов воды [13, ***wed-**]. Праи.-е. корень ***wed-** дал *ῥῥωρ*, *unda*, *get*, *Wasser*, *water*, *βῆδν*, *udakām*, *unātti*, *ōdman* *uj*, но славянское *вод-а* из ***wed-** каким-то образом оказалось моложе всех этих форм. Так приходится считать при виде языкового генеалогического древа, обычно изображаемого лингвистами. На нем те же балтийские языки показаны более молодыми, чем германские и италийские, появившимися незадолго до самых молодых славянских.

Как выглядит этимология герм. *watar*, *wetir*, *water*, *wazzar*, *Wasser*, *Wossa*, *vatn* и проч.? Все они происходят от предполагаемой праи.-е. осн. ***wed-**, означающей «вода», «мокрый». По какой логике и откуда возникла эта основа

не ясно. Она означает «мокрый». По какой логике? Словари кратки — предком герм. когнатов воды является праи.-е. ***wed-** со значением «мокрый». Вопрос «почему?» не предполагается. О *воде* ни звука.

Если мы обратимся к славянским языкам, то логика основы ***wed-** будет понятна — праи.-е. осн. ***wed-** в *воде* представляет ту же основу, что и в русск. *водитъ*, и практически идентична праи.-е. осн. ***ued(h)-** ‘водить’ [8, том I, с. 146, «вести»]. П.Я. Черных так и предлагает: для *воды* праи.-е. осн. ***aued-** [там же, с. 159], а для *вести*, *веду* — ***ued(h)-** [там же, с. 146], верно восстановив почти идентичные основы для обоих однокоренных когнатов и, фактически, придя к модели «вода-водить».

В славянских языках лексема *вода* в особой этимологизации не нуждается, поскольку в отношении этимологии оно, наверное, одно из самых прозрачных, — *вода* < *водитъ*. Если капнуть даже каплю воды на поверхность, то при малейшем изменении горизонтальности уровня она потечет, поведет в каком-то направлении, польется. Так же вода ведет себя и в природе, и в сосудах, и в резервуарах.

Итак, *вода* от *водитъ*, но Фасмер об этом даже не заговаривает. Он вообще никак не этимологизирует лексему *вода*, лишь перечисляя иноязычные когнаты без малейшей попытки объяснить русскую лексему *вода*.

В славянских логика номинации лексемы *вода* загадки не представляет. В германских, однако, такой ясной этимологической связи, *вода* < *водитъ* нет. Если у науки есть вполне научные данные о том, что по большинству научных гипотез праи.-е. язык зародился на обширной территории Среднерусской возвышенности в широтах от Черного моря до Балтики — в местах проживания (пра)славян, — то почему прозрачайшая славянская модель «вода/водить», ***aued-/ued(h)-**, этимологами не берется в расчет?

Если когнаты «пота», отнесены в балто-славянских к иной логике образования и, следовательно, другой основе (от ***po(k)ть** «печь») [7, том 3, с. 342–343] (хотя ещё вопрос почему бы элементу *-от* в *пот* не обозначать воду, *-от* < *-вод*?), то в индоевропейских языках они имеют схожие друг

с другом структуры с сохранившейся основой *s-mobile*+*wet-/ved-*, которая также может сигнализировать о *воде*: др.-сакс. и др.-фризск. *swet*, др.-норв. *sveiti*, датск. *sved*, швед. *svett*, ср.-голл. *sweet*, голл. *zweet*, др.-в.-нем. *sweiz*, нем. *Schweiß*, др.-англ. *swat*, совр. англ. *sweat* все со значением «пот», из прагерм. **swaitaz* «пот». Все они возводятся к праи.-е. корню **sweid-(2)* «потеть», также являющемуся источником когнатов «пота», например, в санскр. *svedah*, авест. *x^vaēda-*, греч. *hidros*, лат. *sudor*, (в данном случае по нашей теории слоговой огласованный [v] перешел в [u], *sudor* < **c+~~wod~~-op*), латыш. *swiedri*, валл. *chwys* с тем же значением [13, sweat]. Как отмечено выше, начальная *s(ch)-/z-* во всех когнатах может представлять собой *s-mobile*).

При всей прозрачности логики номинации *воды* от *водить* в славянских, в греческом, германских, итальянских, древнеиндийском и в гипотетической праи.-е. основе на первый взгляд такой логики нет, хотя среди пракельтских корней находим **wed-o* «вести» [20, pp. 406–407, **wed-o*] при праи.-е. корне **wod-* «вода» [ibid., pp. 395–396, **uden-sk-yo*] (в достаточно близких языках связь между обоими корнями со значениями «вода» и «вести» существует).

В числе прочих гипотетических праи.-е. корней-основ имеется корень **aġ-(*heġ-)* со значениями «вести, выводить, вытягивать изнутри или вперед, гнать, двигать» [13, **ag-*], или «вести, гнать скот», как у Ю. Покорного, [16, p. 23]. Наряду с **aġ-(*heġ-)* «вести» в обоих источниках даётся еще и корень **ak^w-* «вода», который по какой-то причине с **aġ-* не ассоциируется и не отождествляется, хотя связь здесь может обнаружиться более, чем близкая.

Как мы писали выше, для воды предлагаются две праи.-е. основы, — **wed-* и **ak^w-(*ap-)*, как правило, представляемых изолированно друг от друга. Если первая основа для воды **wed-* восходит, как нам говорят, к понятию «мокрый», то основу **ak^w-* для воды у Ю. Покорного, [16, p. 63] по одной из этимологий предлагают производить от звукоподражания. Это, в частности, в качестве второй гипотезы приводится в [20, p. 29]. Там в статье “Aqua” дается греч. форма *ἄχᾰ* (из дорийск. *ἤχη* ‘эхо’) и далее: “...from the murmur of flowing water (...от (звука) журчания текущей воды — С.П.)”. Иначе говоря, праи.-е. основа

воды ***ak^w-(*ap-)** возводится в этом словаре к ономотопее. Вероятна ли ономотопея при номинации воды, как наиболее негромкой субстанции (ср., напр., «тише воды»)?

Ю. Покорный сближает *aqua* с праи.-е. основой ***ak-/ok-** «острый»; «камень» [16, р. 63]! Вообразима ли ситуация, в которой понятие «воды» хотя бы отдаленно, хотя бы переносно можно было бы отождествить с понятием «острый»? Вода камень не заостряет, она его сглаживает, точит и разрушает. По какой логике понятия «камень» и «острый», как полагает Ю. Покорный [ibid., 61], могли повлиять на номинацию воды в индоевропейских языках? Из этого следует вывод о том, что с камнем праиндоевропейцы познакомились раньше, чем с водой, если воду они номинировали по камню, что еще менее вероятно. Сказать, что связь не очевидна – очень мягко сказать. Модель «вода<острый», или «вода<камень» висит в воздухе.

Намного удачнее, как нам кажется, в эту модель вписывается гипотеза о связи праи.-е. основ ***aĝ-** «водить» и **ak^w-** «вода». Это видно в греч. ἄγειν «водить» при греч. αἰκνῖα > ἀκνῖα «уровень; ровный», из которого по одной из гипотез происходит лат. *aqua* [20, р. 29]. И в эту же модель вписывается и русская пара «влачить, волочить» (то есть вести, тянуть за собой), развившаяся в форму «влага».

Греческое πέλαγος «море», считающееся догреческим заимствованием из языков догреческого субстрата, и, следовательно, практически никак не этимологизируемое [9, pp. 1164–1165], фонетически сходно с русским *влага* (ПЛГ/ВЛГ) настолько, что при этимологизации греческого слова нельзя оставлять его схожесть с русск. *влага* без внимания. Также внимания заслуживает сравнение англ. *welkin* «небо», др.-англ. *wolcen* «облако, небеса» др.-сакс. *wolkan*, др.-фризск. *wolken*, ср.-голл. *wolke*, голл. *wolk*, д.-в.-н. *wolka*, нем. *Wolke* все со знач. «облако, небо» из прагерм. основы ***wulk-** «облако» из праи.-е. осн. ***welg-** «влажный, мокрый», [13, *welkin*]) с англ. гл. *to walk* из праи.-е. осн. ***wel-** «влачить, волочить, тащить(ся)».

При отсутствии в латыни модели «вода<водить» мы встречаем суш. *vadum*, *vadus* «брод, мелководье, дно моря» [20, р. 493], и гл. *vado* (*vadere*) «продвигаться, идти, брести» [10, р. 650], семантически достаточно близкие как к *воде*, так и к *водить*.

Современная филология считает, что слово «вода» в языках возникло из двух праинд.-е. их корней **wed-* и **ap-/ak^(w)-*, при этом ни один из них наукой удовлетворительно не этимологизируется. П.Я. Черных, пытаясь семантически объединить оба, предлагает для *воды* индоевропейскую базу **aued-* [8, том I, с. 159]. В таком случае, имея в виду предложенную им основу, следует предположить старшинство форм с **ap-/*ab-* относительно форм **ak^(w)-/*aq^(w)-*, поскольку если осн. *вод-/вед-*, в отличие от реконструируемых основ **wed-* и **ap-(*ak^w-)*, содержит в себе смысл и логику, «вести > вода», то она старше. Из осн. **вед-/*вод-* вполне могла сперва развиваться осн. **aued-* с, вероятно, начальной протетической *а-*, **вод/вед-* > **aued* > **aped-*, из которой далее могли развиваться формы *ab*, *об* и т.д., а уже от них по индоевропейскому чередованию **ap->*ak^w-* произошли формы с **ak-/aq-*. Следовательно, персидские формы *ab*, *об* и др., видимо, старше итальянских и ближе к славянским. Это, в свою очередь, может прояснить каким образом ранние праиндоевропейцы могли попасть в Европу – через Кавказ и Малую Азию.

Такое древнее слово, как *вода* не может не уходить в период, предшествовавший возникновению праинд.-е. языков, то есть следы этой модели можно увидеть и в ностратике. Н. Марр вообще усматривал этимон «su» (тюрк. «вода») практически во всех языках мира. При тюркских основах **sub-* в *su*, *suv*, *suu*, все со значением «вода» [18, record No. 89] мы видим *sai*, *say*, *soy*, все со знач. «сай, горная речка, русло» [ibid., record No. 152] и пратюркский корень **sūri* «уводить, угонять» [19, р. 1320]. И здесь связь «вода < водить», если не очевидна, то просматривается.

Германские когнаты «моря» или «озера» (др.-сакс. *seo*, др.-фриз. *se*, ср.-голл. *see*, шведск. *sjö*, др.-англ. *sæ*, совр. англ. *sea*, все из прагерманской основы **saiwa-*), которые «неизвестного происхождения, [вне германских] связей

не имеют, “совершенно темные”», и не этимологизируется категорически [13, sea]) можно отнести сюда же. Почему бы не попробовать сопоставить их с тюркской основой для воды ***syb-** [18, record No. 89]?

В хамито-семитских отмечается схожая модель «водить > вода > поток, потоп, дождь». В [15, p. 77, entries 312, 313 and 314] представлены три ассирийских корневых основы ***bol-**, ***bol-** и ***bolan-** со значениями 1. «течь, быть мокрым», 2. «вести, следовать» и 3. «дождь, облако» соответственно (как и в герм. *welkin/Wolke* и *to walk*, см. выше).

Из хамито-семитской корневой основы ***bol-** развиваются аккад. *abūbu* «потоп», *abālu*, *babālu*, *wabālu* «вести, приводить» [14, Vol. 1, part 1, p. 10]. В др.-евр. из существительного *yabal* «поток, ручей» (араб. *wabil* «льющийся дождь») произошел глагол в биньяне пааль *yaval* «струиться, стремиться», а также глагол в биньяне हुфаль *hovil* «приводить, приносить», а также др.-евр. *mabul* «потоп» [ibid., Vol. VII, p. 41].

В анатолийских наблюдается схожая модель: *wātar* «вода», *wāttaru* «колодец» (при праиндоевр. осн. ***aued-** для *воды*) и *huet-* «вести, тянуть» (при праиндоевр. осн. ***ued(h)-** для *вести*).

Отметим напоследок, что при праи.-е. паре корневых основ ***aġ->ak^w-** в тюркских, в частности, в узбекском имеется целый кластер «водной» лексики с этой основой: *oqar* «проточный», *oqim* «поток, течение», *oqin* «текучий» [4, с. 372].

Выше мы писали о словообразовательном форманте -г-, в частности, в слове *море*. Интересны в этой связи сербохорватское название синего цвета *модар* и словенское *moder* с тем же значением. То, что *модар* и *moder* означают цвет *моря*, понятно, но откуда в них взялся смычный альвеолярный элемент [д]? Видимо, при образовании лексемы *море* имела место диссимиляция с выпадением [д], закрепившаяся впоследствии в ряде иноязычных когнатов, *вод-а* > **вод-ра* > **модра/модар* > *мо(д)ре* > *море*.

В ряде семитских имеется когнат **maṭar* «вода» (сем. **maṭar* «текущая вода, дождь», аккад. **miṭirtu*, угарит. **mṭr*, др.-евр. *māṭār*, араб. (сир.) *meṭrō*, ар. **maṭar*, др.-егип. *mtr* «вода» [15, p. 379, No.1747]. В современном иврите от *matar* «дождь,

ливень» даже есть производное, *mitriya* «зонт». Эти формы практически полностью идентичны приведенным выше южнославянским *модер* и *модар*.

Во всех примерах мы видим чередование губных $b(v) > m$, сигнализирующее о начальном когнате *вода*, *матар* < **вода(p)*. Это чередование могло быть и в *море*, более старшая форма которого с учетом сербохорв. *модар* и словен. *moder*, а также семитского *matar*, могла быть **водре*. Позднее, по чередованию $b(v) > m$ **водре* перешло в **модре* (что отмечено в этих языках наличием лексем с близкой семантикой), после чего из **водре* > **модре* выпал смычный альвеолярный [д], и лишь после этого, уже этом в виде лексема ушла в германские и итальянские языки в виде *mer*, *mere*, *mare*, *moor*, *marine*, *marsh* и проч.), все из которых, как в словарях, из праи.-е. основы ***mori**- ‘водоем’.

Предлагаем дальнейшее развитие этой гипотетической праи.-е. основы: **mori* < *море* < **модре* < **водре*. О древности перехода $v > m$ (**водре* > **модре* > *matar*) можно судить по др.-егип., *mtr* «вода» [15, р. 379, No. 1747]. Фактически, *mtr* < *вд(p)*, делая слав. когнат воды древнее египетского.

Что же предлагают этимологические словари, тот же словарь М. Фасмера? В статье «море» он попросту перечисляет славянские когнаты: «болг. *морé*, сербохорв. *мор̂је*, словен. *morjê*, чеш. *moře*, словц. *more*, польск. *morze*, в.-луж. и н.-луж. *morjo*», и указывает родственные балтийские: «...родственно лит. *mārios*, *mārės* мн. «Куршский залив», жем. также в знач. «море, Балтийское море». др.-прусск. *mary* «залив», лтш. *mare*, *maŗa* – то же»; германские и другие когнаты: «...гот. *marei* ж. «море», д.-в.-н. *meri* – то же, ирл. *tuir* «море», лат. *mare*, возм., также др.-инд. *maryāḍā* «берег моря»; ...д.-в.-н. *tuor* «лужа, болото», англос. *mór* ...др.-фриз. *mâr* «пруд, ров», англ. *marsh*, нов.-в.-н. *Marsch* «болотистая низина» [20, т. 2, с. 654–655]. Этимологии у Фасмера нет вообще, он просто перечисляет схожие формы. Он даже не указывает заимствовано ли это слово в славянских или оно в них исконно. Фасмер пишет «родственно», но родственные связи не указывает.

Мы считаем, что лексическая связь между «водить» и «вода», будучи очевидной в славянских языках, в германских и других языках распалась

и ушла в иные семантические плоскости, поэтому там она не очевидна, ее нужно искать.

В германских понятие «вода» сохранилось в *Wasser*, *water* и проч., но уже без начальной связи с «водить», а понятие «водить» перешло в гипотетические праформы **leit-*, **laidjanan* (давшие др.-сакс. *lithan*, готт. *ga-leiþan*, др.-норв. *liða* «идти», др.-в.-нем. *ga-lidan* «путешествовать», др.-англ. *liðan* «совершать путь», *lædan* «вести, идти во главе, сопровождать», совр. англ. *to lead* «вести» [13, *lead*, v.1]. Наряду с этим значение воды, точнее, водоема сохранилось в англ. *lake* «озеро», *lough* «озеро, залив», ирл. *loch* «озеро», все из праи.-е. основы **laku-* [ibid., *lake*]. В германских, видимо, произошел сдвиг в модели «водить > вода» в сторону «лить > водный объект» (*lead-leak-lake*).

В германских мы видим переход понятия «вести» в понятие «лить» и далее в «поток», что засвидетельствовано в др.-норв. *leka*, ср.-голл. *leken* «капать, течь», др.-англ. *leccan* «смачивать, поливать», англ. *to leak* «течь, протекать», лат. *latex* «вода, жидкость» (из греч. *λάταξ*, *-άγος* «капля вина»). Далее, понятие «лить» могло перейти в название химического элемента свинец, Pb, видимо, по причине очень низкой температуры его плавления: др.-англ. *lead*, [læd], «свинец, посуда из свинца» зап.-герм. **lauda-* «свинец», др.-фриз. *lad*, ср.-голл. *loot*, голл. *lood*, все со знач. «свинец», нем. *Lot* «вес, свинцовый отвес» [ibid., *lead*, n.1].

Сюда же хорошо подходит и лат. когнат *liquidus* «жидкий, мокрый» и одновременно «текущий, длящийся», восходящий по словарям к праи.-е. основе **wleik-* «течь, бежать» [ibid., *liquid*]. И здесь также наблюдается все та же пара, «волочить, влачить (< **wleik*) > влага (> *liquere*)». Исчезающий начальный элемент [v/w], присутствующий в *вести* и *волочить*, мог быть и в **laidjanan* и в **leit-* от которых *lead* «вести» и др.

Когнат свинца, *lead*, в германских описывается как лексема неясного происхождения [там же, *lead*, n.1]. Германские когнаты свинца, – зап.-нем. **lauda-*, др.-фризск. *lad*, ср.-голл. *loot*, голл. *lood*, нем. *Lot* [там же], –

не проясняют ничего, а лишь наводят на общеславянский глагол *лить*, как источник германских когнатов свинца.

Видимо, при образовании новых лексем имело место известное чередование [л/в]. Такое чередование мы видим как в славянских, так и в других языках. Русское *полный* на украинском звучит как *повний*, *болван* как *бовван*, *желтый* как *жовтий*, *полвторого* как *пів другої*, *столи* как *стовп*, а русскому *волк* в украинском соответствует форма *вовк*. Более того, в украинском это чередование отмечено внутри морфем одной основы, *вів/вела* или *замів/замела*. Очевидно, что украинские формы образовались через чередование аппроксиманта со спирантом [l/w/v], что также систематически представлено, например, в польском *łódź* [wuf's'] «лодка» и т.д.

В свете этого чередования становится понятным смысл русского слова *свинец*, предшествующей формой которого могла быть **слинец*, или даже **сливнец*, то, что сливают, льют. В балтийские (лит. *švīnas*, лтш. *svīns*) слово попало уже после перехода л > в, **сли(в)нец* > *свинец*.

Фасмер же русское слово *свинец* не этимологизирует никак, отмечая лишь недостоверную связь с «греч. *κῠανός* м. «синее вещество», гомер. *κῠάνεος* «стального цвета», где они считаются заимств. из неизвестного (!) языка» [7, т. 3, с. 577–578].

Не приводя никакой этимологии, Фасмер уводит мысль читателя в направлении заимствования русской лексемы хоть откуда, хоть из неизвестного языка, но только не в сторону ее возможного славянского происхождения. Интересно, а замечен ли вообще русский суффикс *-ец* при заимствованных корнях, исключая гапаксы? В *свинце* Фасмер такое допускает, хотя сам же указывает, что такая этимология, – корень *-свин-* от греч. *κῠανός* или *κῠάνεος* + русс. суфф. *-ец*, – недостоверна [там же]. В этом же ряду находится, вероятно, и переход в паре *вед-/leit-*, — через чередование спиранта с аппроксимантами, [v/w/l], *вед* > *wed* > *lead*.

Но, если в германских, образовавшихся, как мы помним, от балто-славянских, образовались формы *lead*, **lauda-*, *lad*, *loot*, *lood*, а также **loudja* и *lúaide*, то по какой логике образовались они? При многочисленности

славянских производных от *лѣтъ* (**lijati*, **liti*), – **lija* «ливень», **lijdlo* «воронка для наливания жидкостей», **lijatelj* «литейщик» (литейщик в праславянском языке замечено, а лудить не замечено), сербохорватское *ливено гвожђе* «чугун», чешск. *litina* «тж.» и т.д., – в германских *лѣтъ* представлено только названием химического элемента Pb.

Но, к примеру, кельтский *lúaide*, давший все германские когнаты свинца, в «Этимологическом словаре пракельтского языка» возводится к пракельтской основе **flowdyo-*, которая далее возводится к праи.-е. основе свинца **plowd^ho-* [12, с. 135–136] весьма напоминающей славянские когнаты со значениями «вливать» и «плавить». Там же говорится о том, что, будучи кельтскими заимствованиями, германские когнаты свинца скорее всего не связаны с греч. *molybdos*, а само кельтское слово является заимствованием из неизвестного источника, и, как вариант, для праи.-е. основы предлагается совершенно не похожий на **plowd^ho-* берберский **būldūn* «свинец».

Интересна пракельтская основа **lindu-*, **lindo-* «жидкий; питьевая вода, озеро» [ibid., с. 239–240], которая, видимо, уже имеет назализованную вставку. Этимологи готовы предложить какие угодно версии, – «вода от камня», «вода от эха», «вода от острого» – но только не очевидные «вода от водить» и «влага от влачить (волочить)»? Однако, иначе, как через славянские когнаты, германские и латинские когнаты объяснить невозможно.

Резюмируя этимологический анализ лексемы, **вода** и ее связи с глагольной основой **вод-/вед-**, делаем следующие выводы:

Во-первых, модель «вода-водить», очевидно, самая старшая. В чистом виде она представлена только в славянских (напр., в русск. сущ. *водá* и гл. *водíть*). В балтийских эта модель также все еще сохранна, но в них всех уже отмечаются процессы назализации и чередования матерей чтения (переход начального слогового *va-(vo-)/* в гласный [u]) в лит. *vanduo*, лтш. *ūdēns* и жем. *unduo* все со знач. «вода» при лит. *vadýti*, лтш. *vadīt*, *vadu*, все со знач. «водить». В остальных индоевропейских языках эта модель представляется в той или иной степени деформированной или даже разрушенной.

Во-вторых, остатки модели «вода-водить», будучи еще усматриваемы в этих языках с большими или меньшими лексическими расхождениями, могли бы использоваться в качестве своего рода генетических маркеров, с помощью которых, как нам кажется, возможно было бы установить хотя бы примерные степени родства и старшинства языков, отошедших от общего праязыка, на котором говорили в мезолите на Русской равнине.

И, в-третьих, лингвистическая наука, как и всякая другая, не может и не должна стоять на месте. При появлении новых методов как диахронического, так и синхронического анализа появляется новый научный инструмент, с помощью которого можно не просто уточнить, а пересмотреть этимологию базовой лексики как русского, так и других языков. Явление чередования матерей чтения не ново, известно оно столетиями в основном в семитских языках. Но, как мы увидели, оно вполне присутствует и функционирует и в языках других семей, в частности, в славянских, и, в частности, в русском. Применение этого чередования на русских базовых лексемах сделало возможным этимологизацию ряда ранее не этимологизируемых слов не только русского, но и других языков.

Список литературы

1. *Бэшем А.* Чудо, которым была Индия (Basham A.L. The wonder that was India, 1969), пер. с англ., изд. «Наука», 1977 г.
2. «Имя существительное», пункт 3.3.1, статья в «Лингвокультурологическом тезаурусе» на сайте библиотеки филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова // URL: <http://www.philol.msu.ru/~tezaurus/library.php?view=d&course=1&raz=3&pod=3&par=1> (дата обращения: 02.05.2021).
3. *Нидерле Л.* «Славянские древности» (Niederle Lubor “Rukověť slovanských starožitností”), пер. с чешского. Издательство иностранной литературы». Москва, 1956.

4. *Петров С.Ю.* «Узбекско-русский словарь Петрова». Барнаул: «Концепт», 2014 г.
5. «Техника молодежи», журнал, февраль, 1997 г.
6. «Типы склонения имен существительных в старославянском языке» на Лекции.ком // URL:<https://lektsii.com/2-37327.html> (дата обращения: 02.05.2021).
7. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Москва, «Прогресс», 1986 г.
8. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь русского языка. В 2-х томах. Москва, «Русский язык», 1999 г.
9. *Beekes R. S. P.* “Etymological dictionary of Greek”. Leiden, Boston, 2010.
10. *de Vaan M.* “Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages”, Leiden Indo-European etymological dictionary series, Brill, 2008.
11. *Mallory J.P., Adams D.Q.* Encyclopedia of Indo-European culture. Fitzroy Dearborn Publishers, London, 1997.
12. *Matasovic R.* “Etymological dictionary of Proto-Celtic”, Leiden, 2009.
13. “Online etymology dictionary” // URL: <https://www.etymonline.com> (accessed on: 02.05.2021).
14. *Oppenheim Leo A.* (general edition). “The Assyrian dictionary”, 1964-1998.
15. *Orel V., Stolbova O.* “Hamito-Semitic Etymological Dictionary. Materials for a reconstruction”, E.J. Brill, 1995.
16. *Pokorny J.* “Proto-Indo-European Etymological Dictionary”, revised edition, Dnghu Association, Academia Prisca, 2007.
17. *Ringe D., Taylor A., Warnow T.* “Indo-European and Computational Cladistics”, article in “Transactions of the Philological Society”, Vol. 100:1, 2002.
18. *Starostin S.* “Turkic Etymology” as published at // URL: <https://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?root=config&morpho=0&basename=\data\alt\turcet&first=1>.
19. *Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A.* “An Etymological Dictionary of Altaic languages”.

20. *Valpy F.E.J.* “An etymological dictionary of the Latin language”. London, 1828.

References

1. *Basham A.L.* (1977). The wonder that was India. Transl. from English. Moscow: “Nauka”. (In Russian)
2. “Noun”, paragraph 3.3.1, an article in the “Linguoculturological Thesaurus” on the website of the library of the philological faculty of Moscow State University. M.V. Lomonosov // URL: <http://www.philol.msu.ru/~tezaurus/library.php?view=d&course=1&raz=3&pod=3&par=1> (дата обращения: 02.05.2021). (In Russian)
3. *Niederle L.* (1956). Rukověť slovanských starožitností. Transl. from Czech. Foreign Languages Publishing House. Moscow. (In Russian)
4. *Petrov S.Y.* (2014). “Uzbeksko-russkii slovar’ Petrova”. Barnaul: Kontsept. (In Russian)
5. “Technology for the Youth” (1997). Magazine, February. (In Russian)
6. “Tipy skloneniya imen sushchestvitel'nykh v staroslavjanskem yazyke” na Lektsii.com // URL: <https://lektsii.com/2-37327.html> (accessed on: 02.05.2021). (In Russian)
7. *Fasmer M.* (1986). Etimologicheskij slovar’ russkogo yazyka. Moscow, “Progress”. (In Russian)
8. Historical and etymological dictionary of the modern Russian language. (1999). Moscow: publishing house “Russian language”. (In Russian)
9. *Beekes R. S. P.* (2010). “Etymological dictionary of Greek”. Leiden, Boston. (In English)
10. *de Vaan M.* (2008). “Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages”, Leiden Indo-European etymological dictionary series, Brill. (In English)
11. *Mallory J.P., Adams D.Q.* (1997). Encyclopedia of Indo-European culture. Fitzroy Dearborn Publishers, London. (In English)
12. *Matasovic R.* (2009). “Etymological dictionary of Proto-Celtic”, Leiden. (In English)

13. “Online etymology dictionary” // URL: <https://www.etymonline.com> (accessed on: 02.05.2021). (In English)
14. *Oppenheim Leo A.* (general edition). (1964–1998). “The Assyrian dictionary”. (In English)
15. *Orel V., Stolbova O.* (1995). “Hamito-Semitic Etymological Dictionary. Materials for a reconstruction”, E.J. Brill. (In English)
16. *Pokorny J.* (2007). “Proto-Indo-European Etymological Dictionary”, revised edition, Dnghu Association, Academia Prisca. (In English)
17. *Ringe D., Taylor A., Warnow T.* (2002). “Indo-European and Computational Cladistics”, article in “Transactions of the Philological Society”, Vol. 100:1. (In English)
18. *Starostin S.* “Turkic Etymology” as published at // URL: <https://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?root=config&morpho=0&basename=\data\alt\turcet&first=1>. (In English)
19. *Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A.* “An Etymological Dictionary of Altaic languages”. (In English)
20. *Valpy F.E.J.* (1828). “An etymological dictionary of the Latin language”. London. (In English)

Автор публикации

Author of the publication

Петров Сергей Юрьевич – технический переводчик в компании ЗАО «Сервис-Газификация», Екатеринбург, на проекте строительства ЭЛОУ/АВТ «Газпромнефть-ОМПЗ» в г. Омске, Россия.

E-mail: sypetrov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8755-6578>

Petrov Sergey Yurievich – technical translator in Servis-Gazifikatsiya ZAO, Ekaterinburg, at “Gazpromneft” CDU/VDU construction project in Omsk, Russia.

E-mail: sypetrov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8755-6578>

Поступила в редакцию: 21.01.2021

Принята к публикации: 15.05.2021

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХИМИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В МЕДИЦИНЕ

Х.Ф. Макаев¹, Г.З. Макаева²

makaev-63@mail.ru

¹*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия*

²*Казанский государственный архитектурно-строительный университет,
Казань, Россия*

Аннотация. В условиях глобализации наличие и появление большого числа специализированной лексики благодаря интенсивному развитию науки во всех сферах делают крайне необходимыми их изучение и систематизацию во избежание неправильного их употребления. В связи с этим становится востребованным изучение терминов с точки зрения структурно-семантического, просодического, а также орфографического подходов к их анализу. Методологической основой решения рассматриваемой проблемы явился сравнительно-сопоставительный анализ структурно-семантических, некоторых орфографических и просодических особенностей определенных химико-медицинских терминов русского и английского языков. Использование сравнительного и сопоставительного анализа обозначенных особенностей позволило наиболее эффективное их выявление в рассматриваемых языках. Исследование показало, что существуют значительные расхождения в интерпретации, структуре, произношении и написании одних и тех же англо-русских терминов рассматриваемых сфер, что представляет трудность для их адекватного употребления. Результаты исследования были применены на практических занятиях по английскому языку; выявление всех различий и несоответствий на обоих языках определило возможность правильного понимания и использования подвергшихся исследованию терминов обучающимися-участниками исследования, а также внесения определенного вклада в лингвистическую и педагогическую науку.

Ключевые слова: структурный, семантический, просодический, термин, язык, химический, медицинский, анализ.

Для цитирования: Макаев Х.Ф., Макаева Г.З. Лингвистический анализ химических терминов в медицине. *Казанский лингвистический журнал*. 2021; 4(2): 242–253.

LINGUISTIC ANALYSIS OF CHEMICAL TERMS IN MEDICINE

Kh.F. Makayev¹, G.Z. Makayeva²

makaev-63@mail.ru

¹*Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia*

²*Kazan State University of Architecture and Civil Engineering, Kazan, Russia*

Abstract. In the context of globalization, the emergence of a large number of specialized vocabularies due to the intensive development of science in all fields makes it necessary to study and systematize them in order to avoid their misuse. In this regard, the study of terms from the point of view of structural-semantic, prosodic, as well as orthographic approaches to their analysis becomes extremely necessary. The methodological basis of solving the problem under discussion

was a comparative analysis of the structural and semantic features of some chemical and medical terms in the Russian and English languages. The use of comparative and contrastive analysis of the indicated features made it possible to identify them most efficiently in the languages under consideration. The study showed that there are significant discrepancies in the interpretation, structure, pronunciation and spelling of the same English-Russian terms in the areas under consideration, which makes it difficult for their adequate use. The research results were applied in practical classes in English; the identification of all differences and inconsistencies in both languages determined the possibility of correct use of the terms under the study by the students-participants of the research as well as some contribution to linguistic and pedagogical science.

Keywords: structural, semantic, prosodic, term, language, chemical, medical, analysis.

For citation: Makayev Kh.F., Makayeva G.Z. Linguistic Analysis of Chemical Terms in Medicine. *Kazan linguistic journal*. 2021; 4(2): 242–253. (In Russ.)

Быстрое развитие всех сфер науки, химической в том числе, характеризующееся интенсивной профессиональной деятельностью специалистов и растущими запросами цивилизации, обуславливает появление большого числа терминов, рефлексирующих новые знания, что в условиях глобализации требует единого подхода к их изучению и применению. Термин, появившийся для обозначения какого-либо названия, должен правильно восприниматься и использоваться представителями соответствующих сфер во всем мире, так как разрозненная интерпретация значений одних и тех же лексических единиц в разных языках, в нашем случае русском и английском, вызывает путаницу, обуславливающую искаженные их понимание и практическое применение. Во избежание совершения ошибок в употреблении этих терминов необходимы их систематизация, регулирование и упорядочение, так как бессистемность затрудняет, а иногда делает невозможным их грамотное употребление особенно в профессиональной среде общения.

Следовательно, целью исследования является проведение структурно-семантического, орфографического и просодического анализа некоторых химических терминов в медицине для выявления различий в их структуре, значениях, ударениях, а также написании на русском и английском языках и учета этих различий при передаче рассматриваемых лексических единиц с русского языка на английский и наоборот. Все эти различия представляют важность при переводе терминов с одного языка на другой. Учет, например, структуры многокомпонентного термина, позволяет выявить главное

и зависимые слова, их взаимосвязи и взаимозависимости, что определяет адекватность их передачи с английского языка на русский и с русского на английский язык. Различия в типологической структуре этих языков вызывает необходимость изучения состава терминов в них [7, с. 443].

Теоретической базой настоящего исследования послужили работы таких ученых, как А.А. Реформатский [8], В.М. Лейчик [4], А.В. Суперанская [12], и других. Ввиду актуальности изучения особенностей химических терминов в медицине и их перевода были использованы результаты исследований «Особенности перевода медицинских научных терминов», где Ю. Субачев рассматривает основные сложности перевода медицинских статей и возможные ошибки [11], «Проблемы перевода фармацевтической терминологии», в котором А.В. Громова иллюстрирует основные проблемы перевода в сфере фармацевтической терминологии, а также определяет причины возникновения этих проблем. Учет семантических различий и многовариантности перевода отдельных компонентов многокомпонентных юридических терминов в русском и английском языках рассматривается в работе Х.Ф. Макаева, Г.З. Макаевой [7].

Для проведения исследования использовались такие методы, как описательный, статистический при поиске информации и сравнительный метод при обработке приобретенных данных. Особый вклад в проведение рассматриваемой исследовательской работы внес практический опыт преподавания обучающихся иностранному языку в Химическом институте им. А.М. Бутлерова Казанского (Приволжского) федерального университета.

В настоящее время достижения любой науки не могут быть достоянием лишь одной определённой страны. Ценность всякой науки определяется сегодня на мировом уровне. Однако для эффективной совместной работы учёных из различных стран необходима общепринятая терминология во всех её сферах, химической в том числе, поскольку здесь так же имеются различные специфические термины.

Одним из разделов химии, который требует особого внимания, является медицинская химия — научное направление, предметом изучения которого

являются поиск и создание лекарственных веществ, выявление взаимосвязи между химической структурой и физиологической активностью, а также конструирование структур, обладающих заданной активностью [2].

Современная медицинская терминология является результатом многовекового развития мирового врачевания и медицинской науки. Медицинская терминология представлена на разных национальных языках и включает в себя значительную долю общих по языковому происхождению лексических и словообразовательных единиц, а также общих структурных моделей. Эта этимологическая, словообразовательная и структурная общность рассматриваемых терминов обуславливается всеохватывающим устойчивым влиянием в течение многих столетий и, особенно в настоящее время двух классических языков античного мира – древнегреческого и латинского.

Несмотря на этимологические, словообразовательные и структурные общие корни медицинских терминов, исследование показало наличие существенных различий в этих терминах в русском и английском языках, игнорирование которых может привести к сильно искаженному восприятию в устной и письменной речи представителей медицины в разных странах.

В научном сообществе к интерпретации понятия «термин» существует множество подходов, основывающихся, в основном, на двух концепциях. Сторонники первой концепции выступают за «однозначность, краткость, способность термина выражать строго фиксированное понятие», называя термины особыми словами [5]. Другими словами, свойства термина минимизированы в их содержательных характеристиках и доведены до отрицательных антиподов соответствующих свойств общеупотребительных слов [10]. Другая концепция, предложенная Г.О. Винокуром, рассматривает термины не как особые слова, а как слова в особой функции.

Итак, перейдем к рассмотрению вопросов использования медицинских терминов в английском и русском языках. При использовании терминов, представленных на английском языке, возникают трудности в процессе их интерпретации на русском языке. Это говорит о том, что существует

необходимость их адаптации для корректного применения, для чего важно устранить неточности при переводе их на русский язык.

Анализ научной литературы показал наличие структурных, орфографических, просодических различий химических терминов английского и русского языков в медицине. Однокомпонентные термины представлены в основном только исключениями, а трёхкомпонентные и более практически не встречаются, в таких случаях обычно используется дефисное написание.

Для проведения настоящего исследования были использованы термины из химических и медицинских словарей, а также из работы С.И. Евдощенко «Словарь химических терминов» (с толкованиями, особенностями употребления и английскими эквивалентами) под редакцией В.В. Дубичинского [1].

Как правило, названия подавляющего большинства соединений в рассматриваемом пласте лексических единиц состоят из двух компонентов. Этот факт подтверждается также результатами исследований других пластов специальной терминологии. Например, «самыми многочисленными являются двухкомпонентные эпонимы, то есть термины, состоящие из эпонима и ядерного слова» [6, с. 24]. Здесь проявляется сходство формы записи в английском и русском языках, однако существует и некоторое отличие. Оно заключается в том, что в английских терминах, где порядок перечисления компонентов соответствует порядку их перечисления в формуле, главное слово ставится в конце. В русском же языке принято ставить главное слово на первое место. Так, для KCl на русском языке названием будет «хлорид калия», а на английском – "*potassium chloride*". Аналогично названия будут звучать для $NaBr$ («бромид натрия» – "*sodium bromide*"), MgO («оксид магния» – "*magnesium oxide*"), $CaCl_2$ («хлорид кальция» – "*calcium chloride*"), Li_2CO_3 («карбонат лития» – "*lithium carbonate*"), N_2O («оксид диазота» – "*dinitrogenoxide*") и т.д.

В процессе обучения студентов навыкам употребления этих терминов при устном и письменном общении необходимо акцентировать внимание именно

на пред- и постпозиционном расположениях ядерных компонентов в двухкомпонентных терминах, неправильная интерпретация которых может ввести в заблуждение.

Аналогично переводятся и названия более сложных по своему составу соединений [3, с. 40]. Примером могут служить комплексные соли и кислоты: $K[AuCl_4]^-$ («тетрахлороаурат (III) калия» – “potassium tetrachloroaurate (III)”), $H[PF_6]$ («гексафторофосфат водорода» – “hydrogen hexafluorophosphate”).

Однако существует ряд соединений, исторически принятые традиционные названия которых не подчиняются правилам, но до сих пор не вышли из употребления и даже являются предпочтительными [3, с.27], например: H_2O («вода» – “water” or “hydrogen oxide”), NH_3 («аммиак» – “ammonia” or “nitrogen hydride”). Для некоторого числа соединений устаревшие названия используются учёными в научной среде наравне с вариантами названий, принятыми согласно правилам: $Na_2B_4O_7 \cdot 10H_2O$ («тетраборат натрия» или «бора» – “sodium tetraborate” or “borax”), SiO_2 («диоксид кремния» или «кремнезём» – “silicon dioxide” or “silica”).

При рассмотрении особенностей записи терминов на английском и русском языках нельзя оставлять без внимания и существующие в научной среде исключения. Например, «бромид водорода» переводится как “hydrogen bromide”, но в связи с тем, что для водородных соединений галогенов разрешено использовать названия другого вида [3, с. 29], правильным также будет считаться “bromine hydride” (“chlorin hydride” – “hydrogen chloride”).

Существенных различий при переводе отдельных компонентов не наблюдается, поскольку названия химических элементов и на русском, и на английском языке сформированы на основе одних и тех же латинских корней, что и обусловило почти полное сходство русских терминов с их аналогами в английском языке.

Различия проявляются также в правописании химических терминов в медицине. Необходимо отметить, что в случае, если в соединении какая-либо из частей (положительная или отрицательная) включают в себя несколько

элементов, то на русском языке они будут записываться через дефис, а при переводе на английский язык – отдельно: $(\text{NaTl}(\text{NO}_3)_2$ - «динитрат таллия-натрия» – “sodium thallium dinitrate”; BiClO – «оксид-хлорид висмута» – “bismuth chloride oxide”). Представленные примеры определяют необходимость внимательного отношения к данным лексическим единицам особенно в письменной форме общения.

С дефисным написанием связана также разница в записи названий в американском и британском вариантах английского языка и в русском языке [3, с. 70]. Так, в британском варианте ставится дефис, если название состоит из двух частей, из которых первая оканчивается на произносимую гласную букву (“methoxy-group”, “thia-compounds”), а также для разделения двух одинаковых букв (“tetra-acetate”, “methyl-lithium”, “alkaline-earth”) или облегчения чтения некоторых слов (“co-ordination”, “no-ionized”). Американский вариант не содержит дефиса ни в одном из этих случаев (“methoxy group”, “thia compounds”). При переводе на русский язык все приведённые в качестве примеров термины пишутся слитно («метоксигруппа», «тетраацетат», «щелочноземельный», «координация»). При работе с такими терминами нельзя считать, что они разные на рассматриваемых языках, несмотря на их неодинаковое написание.

Кроме различий в написании англо- и русскоязычных терминов существует также разница в их произношении. В английском варианте преимущественно ударение падает в большинстве случаев на первый слог (oxide [ˈɒk.said] – окси́д, hydroxide [haɪˈdrɒk.said] – гидрокси́д, chloride [ˈklɔː.raɪd] – хлори́д, carbonate [ˈkaː.bən.eɪt] – карбона́т). Как видно из примеров, при переводе на русский вариант ударение часто перемещается на третий слог, что очень важно знать при устном и письменном применении этих терминов на практике.

В медицинской химии важную роль играет адекватная формулировка названий химических элементов и их соединений на разных языках. Документами, определяющими основные принципы и особенности построения названий, являются номенклатурные правила и рекомендации IUPAC [14, 13].

Важно отметить, что в связи с существованием большого количества соединений могут возникнуть трудности с поиском информации относительно какого-либо соединения. В таком случае возникает необходимость в альтернативных способах наименования соединения, которое бы не ограничивало возможности сбора данных. Такой альтернативой является CAS Registry Number (CASRN, CASRN, CAS Number). Это номер, под которым химическое вещество (или смесь веществ) зарегистрировано в Chemical Abstracts Service (CAS). Присвоение номеров идет в хронологическом порядке по мере обнаружения объектов, поэтому в сам номер никакой химический смысл не закладывается, и он не зависит от какого-либо языка и не требует дополнительных навыков для перевода и использования. Ценность CASRN заключается в том, что регистрационный номер позволяет лаконично и однозначно указать на некое вещество, которое может иметь множество названий и состав которого может быть отображен несколькими способами. Долгое время коды CASRN выполняли функции неофициальных стандартных идентификаторов химических веществ. Их можно встретить в научных статьях, технических спецификациях, каталогах реактивов [9].

Итак, проведенный анализ химических терминов в медицине позволяет сделать вывод о том, что существенных различий при переводе отдельных компонентов не наблюдается, поскольку названия химических элементов и на русском, и на английском языке сформированы на основе одних и тех же латинских корней. Это обуславливает почти полное сходство русских терминов с их аналогами в английском языке. Однако имеются некоторые существенные различия в структуре, произношении и правописании двухкомпонентных и многокомпонентных медицинских терминов.

При работе с химическими терминами в медицине в русском и английском языках следует уделять этим различиям особое значение, а именно на пред- и постпозиционное расположение ядерных компонентов, особенно в двухкомпонентных терминах. При переводе на русский язык главное и зависимое слова меняют свои позиции, причем постпозиционные

зависимые слова переводятся, в основном, существительными. Важно знать также и фонетические различия русско-английских химических терминов в медицине, выражающиеся в постановке ударения на разных слогах в одних и тех же лексических единицах. Особого внимания также требует учет различий в правописании медицинских терминов в американском и британском вариантах английского языка и русского языка.

Все это определяет необходимость учета структурно-семантических, некоторых орфографических и просодических особенностей, проведения необходимых структурных трансформаций, исключающих возможность пословного перевода, учета пред- и постпозиционных расположений ядерных и зависимых компонентов многокомпонентных терминов.

Настоящая исследовательская работа развивает основы изучения химической терминологической лексики в медицине двух разных языков. В исследовании проведен анализ структурно-семантических, некоторых орфографических и просодических особенностей определенных химико-медицинских терминов русского и английского языков.

Дальнейшие перспективы исследовательской работы в этом направлении видятся в более детальном рассмотрении отдельно взятых тематических групп медицинской терминологии. В новейший период актуальным видится изучение различных аспектов медицинской терминологии на основе средств компьютерных информационных технологий.

В качестве практических приложений результатов исследования можно рассматривать создание словаря химических терминов в медицине, предполагаемого его использование представителями медицины в англо-русскоговорящих странах, с дальнейшим включением в учебные пособия по подготовке специалистов рассматриваемых сфер.

Список литературы

1. *Евдощенко С.И.* Словарь химических терминов (с толкованиями, особенностями употребления и английскими эквивалентами) / Под редакцией

Дубичинского В.В. Ростов н/Д: Феникс, 2006. 352 с. // URL: <https://fileskachat.com/view/4312803f9f0f044452fc7b38fd447d01ce1256.html>

2. Интеллектуальная Система Тематического Исследования Наукометрических данных. // URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/263115928/> (дата обращения: 14.01.2021).

3. Кан Р., Дермер О. Введение в химическую номенклатуру: Пер. с англ./Под ред. В. М. Потапова и Р. А. Лидина. М.: Химия, 1983. 224 с. // URL: <http://bookre.org/reader?file=345697> (дата обращения: 16.01.2021).

4. Лейчик В.М. Особенности функционирования термина в тексте. *Филологические науки*. 1990. № 3. С.80–87.

5. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории и методики. М.: АН СССР, 1961. 158 с.

6. Макаев Х.Ф., Макаева Г.З. Структурно-семантические особенности эпонимных терминов общей физики в английском и русском языках. *Казанский лингвистический журнал*. 2020; 1 (3): 17–27. DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.1.17-27.

7. Макаев Х.Ф., Макаева Г.З. Учет семантических различий и многовариантности перевода отдельных компонентов многокомпонентных юридических терминов в русском и английском языках. *Евразийский юридический журнал*. 2020. № 10 (149). С. 442–443.

8. Реформатский А.А. Что такое термин и терминология. М., 1959. 326 с.

9. Рагойша А.А. Поиск информации о структуре химического вещества в онлайн-базах данных: практикум по курсу «Информационные технологии в химии» для студентов спец. 1-31 05 01 Химия (по направлениям). Минск: БГУ, 2013. 101 с.

10. Направления и методы терминологических исследований: Очерк и хрестоматия [Текст] / В.А. Татаринов. *История отечественного терминоведения*: в 3т. М.: Московский Лицей, 1995. Т. 2. 334 с.

11. Научные переводы. // URL: <https://научныепереводы.рф/osobennosti-perevoda-mediczinskih-nauchnyh-statej/> (дата обращения: 12.01.2021).

12. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология. М., 1989. 244 с.

13. INTERNATIONAL UNION OF PURE AND APPLIED CHEMISTRY (IUPAC). Nomenclature of Inorganic Chemistry. 2nd Ed. Definitive Rules, 1970. London.

14. Nomenclature of Inorganic Chemistry. IUPAC RECOMMENDATIONS 2005. // URL: <https://old.iupac.org/publications/books/rbook/Red-Book-2005.pdf> (дата обращения: 19.01.2021).

References

1. *Evdoshchenko S.I.* (2006). Slovar' khimicheskikh terminov (s tolkovaniyami, osobennostyami upotrebleniya i angliiskimi ekvivalentami). / Pod redaktsiei Dubichinskogo V.V. Rostov n/D: Feniks. 352 p. // URL: <https://fileskachat.com/view/4312803f9f0f044452fc7b38fd447d01ce1256.html>. (In Russian)

2. Intellektual'naya Sistema Tematicheskogo Issledovaniya NAukometricheskikh dannyykh. // URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/263115928/> (accesed on: 14.01.2021).

3. *Kan R.; Dermer O.* (1983). Introduction to chemical nomenclature. Per. s angl./Pod red. V.M. Potapova i R.A. Lidina. M.: Khimiya. 224 p. // URL: <http://bookre.org/reader?file=345697>. (In Russian)

4. *Leichik V.M.* (1990). Osobennosti funktsionirovaniya termina v tekste. *Filologicheskie nauki*. No 3. P.80–87.30. (In Russian)

5. *Lotte D.S.* (1961). Osnovy postroeniya nauchno-tekhnicheskoi terminologii: Voprosy teorii i metodiki. Moscow. AN SSSR. 158 p. (In Russian)

6. *Makaev Kh.F., Makaeva G.Z.* (2020). Structural and semantic features of eponymous terms of general physics in English and Russian. *Kazan linguistic journal*. 1 (3): 17–27. DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.1.17-27. (In Russian)

7. *Makaev Kh. F., Makaeva G.Z.* (2020). Uchet semanticheskikh razlichii i mnogovariantnosti perevoda ot del'nykh komponentov mnogokomponentnykh yuridicheskikh terminov v russkom i angliiskom yazykakh. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal*. № 10 (149). S. 442–443. (In Russian)

8. *Reformatskii A.A.* (1959). *Chto takoe termin i terminologiya*. Moscow. 326 p. (In Russian)
9. *Ragoisha A.A.* (2013). *Poisk informatsii o strukture khimicheskogo veshchestva v onlainovykh bazakh dannykh: praktikum po kursu «Informatsionnye tekhnologii v khimii» dlya studentov spets. 1-31 05 01 Khimiya (po napravleniyam)*. Minsk: BGU. 101 p.
10. *Napravleniya i metody terminologicheskikh issledovaniy: Ocherk i khrestomatiya* (1995). *Istoriya otechestvennogo terminovedeniya: v 3t.* Moscow. Moskovskii Litsei. T. 2. 334 p. (In Russian)
11. *Nauchnye perevody*. // URL: <https://научныепереводы.рф/osobennosti-perevoda-mediczinskih-nauchnyh-statej/> (acessed on: 12.01.2021).
12. *Superanskaya A.V., Podol'skaya N.V., Vasil'eva N.V.* (1989). *Obshchaya terminologiya*. Moscow. 244 p. (In Russian)
13. INTERNATIONAL UNION OF PURE AND APPLIED CHEMISTRY (IUPAC). (1970). *Nomenclature of Inorganic Chemistry*. 2 nd Ed. Definitive Rules. London. (In English)
14. *Nomenclature of Inorganic Chemistry. IUPAC RECOMMENDATIONS*. 2005. // URL: <https://old.iupac.org/publications/books/rbook/Red-Book-2005.pdf> (accessed on: 19.01.2021).

Авторы публикации

Макаев Ханиф Фахретдинович –
кандидат педагогических наук, доцент
Казанский федеральный университет
г. Казань, Россия
E-mail: makaev-63@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6953-2329>

Макаева Гузаль Зайнагиевна –
кандидат философских наук, доцент
Казанский государственный архитектурно-
строительный университет
г. Казань, Россия
E-mail: makaev-63@mail.ru

Authors of publication

Makayev Khanif Fakhretdinovich –
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate
Professor
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia
E-mail : makaev-63@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6953-2329>

Makayeva Guzal Zaynagievna –
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Kazan State University of Architecture and Civil
Engineering
Kazan, Russia
E-mail : makaev-63@mail.ru

Поступила в редакцию: 23.02.2021

Принята к публикации: 20.03.2021

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ И АФРИКИ, АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ

УДК 811.4

DOI: 10.26907/2658-3321.2021.4.2.254-270

ДИГЛОССИЯ В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕСПУБЛИКИ ГАНА

*Д.Р. Сабирова, Ю. Нкетия**Diana. Sabirova@kpfu.ru**Казанский (Приволжский) Федеральный Университет, г. Казань, Россия*

Аннотация. Поликультурное пространство Республики Гана характеризуется как многоязычное благодаря множеству языков коренных народов и иностранных языков, на которых говорят по всей стране. Настоящее исследование направлено на выявление факторов, обусловивших функциональную полуграмотность, невысокий уровень образования и социальный статус части населения страны, находившейся в условиях колонизации. Исторически сложившееся сосуществование английского языка и языков коренных народов в Республике Гана привело к процессу нативизации, что, по утверждениям некоторых ученых, привело к появлению нового варианта английского языка, называемого ганским вариантом английского языка. Существует диглоссическая связь между английским языком и языками коренных народов, в результате чего английский язык, как правило, используется в формальной коммуникации (школа, парламент, правительственные организации), а языки коренных народов используются в неформальной коммуникации (семья, традиционные церемонии). Тем не менее, наблюдается закрепление тенденции проникновения английского языка в неформальный сектор. Соблюдение диглоссической ситуации в стране может стать средством сохранения языков и культур коренных народов. Анализ языкового поля Ганы позволил выявить меры, предпринимаемые для развития и сохранения языков коренных народов, способов предотвращения их вымирания.

Ключевые слова: языки коренных народов, английский язык, Республика Гана, акан, этническая группа, культура, диглоссия.

Для цитирования: Сабирова Д.Р., Нкетия Ю. Диглоссия в мультикультурном пространстве Республики Гана. *Казанский лингвистический журнал*. 2021; 4 (2): 254–270. (In Eng.)

DIGLOSSIA IN THE MULTICULTURAL SPACE OF THE REPUBLIC OF GHANA

*Sabirova D.R., Nketiah E.**Diana. Sabirova@kpfu.ru**Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia*

Abstract. The landscape of the Republic of Ghana is described as a multilingual one because of many indigenous and foreign languages spoken at the length and breadth of the country. The study is aimed at identifying the factors that led to the functional semi-literacy, low level

of education and social status of a part of the population in the country that experienced the times of colonization. Historical coexistence of the English language and indigenous languages in the Republic of Ghana has led to nativization with some scholars postulating the existence of a new English called Ghanaian English. There is a diglossic relationship between English and the indigenous languages, whereby the English language is usually used in formal communication (school, parliament house, governmental organizations) and indigenous languages are used in the informal communication (home, traditional ceremonies, etc.). However, there is growing tendency of the English language creeping into the informal sector (family). The adherence to the diglossic situation in the country could be a remedy in the preservation of indigenous languages and culture. The analysis of the language space of Ghana revealed the measures undertaken to develop and preserve indigenous languages, the ways of preventing their extinction.

Keywords: indigenous languages, English language, Republic of Ghana, Akan, ethnic group, culture, diglossia.

For citation: Sabirova D.R., Nketiah E. Diglossia in the multicultural space of the Republic of Ghana. *Kazan linguistic journal*. 2021; 4 (2): 254–270.

The Republic of Ghana is a country located in the Western part of Africa. According to archeologists, the indigenous people started settling in the territories of present day Republic of Ghana in 10 000 BC. The different ethnic groups of the country migrated from different parts of the world to settle in their present location. Before the arrival of Europeans on the African Continent, different ethnic groups of the continent lived in smaller Kingdoms ruled by chiefs. Colonization led to the separation and amalgamation of these ethnic groups into smaller colonies which later, after gaining independence, became sovereign states. The British were the last Europeans to rule the country, and due to the urgent need of interpreters and clerks to help in the administration of the Merchant Companies they started teaching the indigenous people the English language. After the independence of the country in 1957, there was a need to select a language that would serve the nation as an official language. Although the country has about 80 indigenous languages, none of them could be selected as an official language because, first and foremost, the leaders of the country wanted to prevent interethnic conflicts that would have resulted from the choice of one indigenous language over the other. Hence, the colonial language, the English language, was selected as the official language because it was seen as a neutral language that would unify various ethnic groups of the Republic of Ghana together as a nation.

The indigenous people of Ghana can be categorized under 5 major ethnic groups which include the *Akan*, the *Mole-Dagbani*, the *Ga-Adangbe*, the *Ewe* and the *Guan* ethnic groups. **Akan** is the largest ethnic group in Ghana and they are predominantly located at the southern and western parts of the country. The native language of the Akan people is the Akan language which belongs to the Kwa group of the Niger-Congo language family. The Akan language has some special features such as, tone, relativization, verb serialization and reduplication. There are 11 subgroups of the Akan ethnic group, namely, Fante, Asante, Akyem, Akuapem, Bono, Agona, Kwahu, Akwamu, Wassa, Sehwi and Nzema. Each subgroup has its own dialect of the Akan language most of which are mutually intelligible [7]. The Akan ethnic group is socially organized by the family system which is known as “abusua” in the Akan language. Moreover, it is a matrilineal society which traces kinship ties through maternal relations. According to the Akans, a child is related to the mother by blood and to the father by spirit therefore, the father is considered as a “stranger” to the child. The matrilineal system of the Akan ethnic group also means inheritance and political successions are based on maternal relations which have affected a lot of widows and orphans who are culturally considered unfit to inherit from their deceased husbands and fathers. In view of this, in 1985 the government of the Republic of Ghana enacted a law called the PNDCC Law 111 that seeks to protect the rights of widows and orphans in intestate succession.

The Akan ethnic group has a rich and unique culture which is reflected in their traditional songs and dances, folklores (*Ananse stories*), symbols called “adinkra”, proverbs, traditional festivals among others. The Akan folklore “Ananse stories” is not only famous in the Ghanaian community but it is also popular in other African countries and the Carribeans. Ananse stories is centred around the male character Kweku Ananse, his wife and his six sons. Kweku Ananse is a wise cunning spider who sometimes takes a human form. Ananse stories are full of a rich culture of the Akan people and they are used to teach social, ethical and moral norms. The Akans have a lot of traditional festivals they celebrate annually and one of these festivals is the *Addae* festival which is mainly celebrated by the Asante people of the Akan

ethnic group. Addae festival is celebrated to thank the gods and the ancestors for their protection over the people. The staple food of the Akans is “fufu” with soup, and the main occupation of the Akans, who reside in rural areas, is farming, the crops they usually cultivate include cocoa, maize, oil palm, cashew, plantain, cassava and other crops.

One unique culture of the Akans that has been adopted by other ethnic groups is their special day names they give to every child. Every child born on a particular day of the week has a special name given to him or her and there are male day names and female day names. For example every male child born on a Monday is called "Kwadwo, Kojo" and every female child born on a Monday is called "Adwoa". Some of the sub-groups of the Akan ethnic group and other ethnic groups have variants of these day-given names, however. Below are the most popular day given names (Table 1).

	Monday	Tuesday	Wednesday	Thursday	Friday	Saturday	Sunday
Male	Kwadwo	Kwabena	Kwaku	Yaw	Kofi	Kwame	Kwasi
Female	Adwoa	Abena	Akua	Yaa	Afia	Ama	Akosua

Akan day given names (Table 1)

The **Mole-Dagbani** ethnic group is the second largest among the five major ethnic groups in Ghana. They are mainly situated in the Upper and Northern areas of the Republic of Ghana. The languages spoken by the Mole-Dagbanis is classified under the Gur group of the Niger-Congo language family. Moreover, the Mole-Dagbani ethnic group is further divided into five subgroups which include the Mossi, Nanumba, Mamprusi, Dagomba and Gonja. The Mamprusi people live in an area called Mampurugu located in the Northern Region of Ghana. Although Mampurugu is a multilingual territory, the most popular language spoken in this area is Mampruli. The Mole-Dagbani people have the highest population of Muslims in the country due to the early influence of the Islamic religion in its territory before colonization. Furthermore, the Mole-Dagbanis, unlike the Akans, are a patrilineal society. They have a rich culture which is reflected in their traditional songs, dances and folklores. These traditional dances, songs, folklores have all been sources of preservation

of their culture. Another interesting fact about the Mole-Dagbanis is their ability to use dance movements to depict a story or an idea. The main occupation of the rural people of the Mole-Dagbani is farming and the crops they usually cultivate are maize, sorghum, millet, yam and shea. Their staple food is *tuo zaafi* which is usually eaten with *ayoyo* soup. Some popular festivals celebrated by the Mole-Dagbanis are the *Bugum* festival and the *Damba* festival.

The third largest ethnic group in the country is the **Ewe** ethnic group. According to the historical documents, the Ewes migrated from Notsie present day Togo, where they suffered under the rulership of a wicked and tyrant king (*King Agorkoli*) who gave them laborious and harmful work to do. Hence, the Ewes purported a plan to escape from their wicked King and the success of their plan brought them to their current location in Ghana. It is believed that the Ewe people walked backwards so that the wicked King could not trace their whereabouts with their footprints. The Ewes have a festival called *Hogbetsotso*, which they celebrate annually to thank their gods for redeeming them from the hands of the wicked King Agorkoli. During this festival, the chief organizes a *durbar*, libation is poured and traditional songs and dances are performed. The famous dance during the *Hogbetsotso* festival is a backward dance which illustrates the way they escaped from their wicked King in Notsie. The Ewes are generally patrilineal but the southern Ewes tend to be more matrilineal because of the great Akan influence in the southern parts of the Ewe area. The Ewes closer to the coastal areas are engaged in fishing as their main occupation whereas those inland ones are mostly farmers. The staple food of Ewes is *akple* which is usually served with okra soup called *Fetri detsi*.

The fourth largest ethnic group in the Republic of Ghana is the **Ga-Adangbe** ethnic group. The Ga-Adangbe people are made up of the Ga people and the Adangbe people and they are located in the southern-most part of the country. Traditionally, the Ga-Adangbes practice a patrilineal system of inheritance, however due to long periods of contact with Akans and intermarriages between the two ethnic groups, they have been influenced by the matrilineal system of the Akan ethnic group. The Ga-Adangbes also have a rich and vibrant culture which makes them different from the

other ethnic groups. Some famous festivals celebrated by the Ga-Adangbe people are *Homowo* which is usually celebrated by the Ga people and *Asafotufiame* which is also usually celebrated by the Dangbe people. Homowo literally means "hooting at hunger". It is celebrated to commemorate a bumper harvest they had after a long period of famine. Before the celebration of this festival, corn is grown and there is a one-month ban on noise making. After one month, the ban on noise making is lifted and the corn is harvested. A special food called "kpokpoi" is prepared and the chief goes throughout the community sprinkling "kpokpoi" and thanking the gods for giving them a bumper harvest. The people in the community follow the chief with singing and dancing even as he sprinkles this special food. A special dance performed by the Ga-Adangbe people during their festivals and other traditional ceremonies is "kpanlogo". The main occupation of this ethnic group is fishing which is mainly done by males and trading mainly done by females. The staple food of the Ga-Adangbes is called "kenkey or komi" (prepared from fermented corn dough) which is usually eaten with hot pepper sauce and fish.

The **Guan** ethnic group forms about 3.7% of the population of the Republic of Ghana. According to some scholars, the Guans moved from Mossi region, present day Burkina Faso and settled in the southern areas of the present day Republic of Ghana. Some of them settled in the Afram Plains, Akwapim Hills and others moved to the coastal areas. The Guan people are spread across all over the country therefore, some scholars argue that, they were the first ethnic group to have settled in the country. In view of the wide spread, most of the sub-groups of the Guan ethnic group have been greatly influenced by other ethnic groups in the Republic of Ghana especially the Akan ethnic group. For example, the Effutu subgroup of the Guan ethnic group still speaks the dialects of Guan but have adopted some norms and vocabulary of the Fante subgroup of the Akan ethnic group. In addition, the Anum-Boso subgroup of the Guan tribe speaks a dialect of Ewe while the Larteh and Kyerepong subgroup of the Guan ethnic group have adopted some norms of the Akwapim subgroup of the Akan ethnic group. Another subgroup of the Guan ethnic group is the Gonja people who live in the northern parts of the country. Although the

Gonja people still speak a dialect of the Guan language, they have been greatly influenced by the Akans, Hausas, and the people of Mande. The Guan language has also been classified as a Kwa language under the Niger-Congo language family. The staple food of the Guans is kenkey which is either eaten with hot pepper sauce or soup. Some famous festivals celebrated by the people of Guan are the *Odwira* and *Ohum* festivals. The Ohum festival is usually celebrated by the Larteh and Okre subgroup of the Guan ethnic group to commemorate the beginning of a new harvesting season and to thank their gods for giving them good yields. A very popular dance among the Guan people is called “Kpana or Kpanaliumni”. This dance is usually performed by hunters when they successfully kill animals such as buffalo and leopard. The predominant occupations of the Guan ethnic group are farming, hunting and fishing. A very important product produced by the Guan people living in the northern areas of the country is “shea-butter” which is transported to different parts of the country especially, the southern regions.

The most dominant ethnic group amongst the five groups is the Akan ethnic group. The Akan language is so popular that when someone (especially an Akan native) meets you for the first time in an informal context, he/she might want to address you in the Akan language. This phenomenon is not positively appreciated by all Ghanaians especially those from the other ethnic groups since they are of the mindset that the Akans are imposing their language on the minority groups. In the minorities' point of view, it is better to address a stranger in the English language because it is a neutral language that brings various groups together putting aside their individual differences. According to scholars, Akan, being the dominant indigenous language, brings with it some advantages and disadvantages. The positive side of the coin is that, speakers of the Akan language can easily travel across the various regions in the Republic of Ghana to work, settle or study without encountering language barriers. Therefore, speakers of the Akan language easily adapt to the way of life in different communities since there is little probability of encountering language shock. Another advantage of the Akan language being a dominant language is in the sense that, as Akan is already serving as a lingua franca for many people

in various parts of the country, with the right policies and the right orientation of members of the other ethnic groups, it could be chosen as a national language. Nevertheless, being a dominant language brings out its disadvantages which include the possibility of extinction of minority languages. With more and more members of different ethnic groups speaking Akan neglecting their mother tongues, minor languages could extinct. Another disadvantage we may observe is that, the members of other ethnic groups especially the Ewes, tend to be more multilingual than the Akans. The explanation for this tendency is in view of the fact that the members of the Akan ethnic group do not see the need of learning another indigenous language since they are understood by the majority of the people they meet. Another refuge Akans run into to save them from learning other indigenous languages is the English language.

Diglossia

Various indigenous languages of the Republic of Ghana have been coexisting with the English language for over 200 years now. The language contact between these languages have resulted in linguistic phenomenon of nativization which is reflected in borrowings, lexical hybridization and pidginization. Although the English language spoken in the country strives towards reaching the British Standard English, it has some unique peculiarities which some scholars have termed as “Ghanaian English (GhE)”. Despite the view of other scholars that, English, spoken in the Republic of Ghana, does not have legitimate grounds to be called a variety of the Standard English language, the first school of thought further argues that Ghanaian English speakers are easily recognized by their speech and along the years, the language has developed itself to attain the status of legitimacy hence could be termed as a variety of the English language (Ofori et. al). The main reason behind the slight difference in the Ghanaian English and the British Standard English is the interference of indigenous languages in every aspect including the lexicon, pronunciation, grammar and so on. The American accent is also acceptable and popular among the youth, especially radio presenters and newscasters who try to

imitate the American accent. In 1990 the term **Locally acquired foreign accent** (LAFA) was introduced to describe the accent of these young people.

Ghanaian English has a unique accent with some special lexicon and unique pronunciation. In addition, there is a variety of Ghanaian English which is called pidgin (Ghanaian Pidgin - GhP) or "Broken English". Pidgin English could simply be explained as the resultant language from combining elements of English with a local language and it is usually used as a lingua franca. Ghanaian Pidgin is said to belong to the group of West African Pidgin/ West African Pidgin English (WAP/WAPE). There are basically two varieties of Ghanaian Pidgin: *basilectal* Ghanaian Pidgin and *mesolectal/ acrolectal* Ghanaian Pidgin. Basilectal Pidgin is the Pidgin spoken among the uneducated in society whereas mesolectal pidgin is spoken among the educated ones. Ghanaian Pidgin unlike the pidgin of other countries such as Nigeria, does not have native speakers. Notwithstanding, the use of Ghanaian Pidgin, especially the mesolectal variety is upsurging among Senior High School students and students of tertiary institutions. While the Pidgin English spoken in other West African countries is not gender biased, Ghanaian Pidgin is usually spoken among males. Furthermore, there are a lot of speculations about the origin of Ghanaian Pidgin and the first account is about the contact between Europeans and Ghanaians during the colonial era. According to this account, Ghanaian Pidgin began as a result of the communication between colonial masters and the indigenous people. Therefore, the indigenous people termed this language as "Kru Brofo, Abongo Brofo" which means "bad English" or "broken English" because it was seen as an uncivilized form of the Standard English. Other accounts as to how Pidgin English started in the Republic of Ghana include the contact between the indigenous people and itinerants from Liberia and Sierra Leon, policemen and soldiers who returned to the country from peace keeping in other countries, traders among others. Also according to some scholars, the educated variety of Pidgin started in the harbour city, Takoradi, as youngsters imitated sailors who arrived in the city from their trip to other countries. The youngsters viewed the speech of these sailors as fashionable and started speaking like them. Other scholars also argue that, the educated variety started

in the colonial schools when students were compelled to communicate in only English and as a result of not having full grasp of the English language, they started speaking Pidgin English. There is a negative attitude of parents, teachers, educators and other members of society towards Ghanaian Pidgin English since they believe it contaminates students' speech and writing, who have to write Standard English examination in order to move to the next stage in their academic career [10].

Ngulu (2014) argued that a significant linguistic phenomenon that is prevalent in the lexicon of Ghanaian English is lexical hybridization. Lexical hybridization is similar to compounding, however, in this case, an indigenous word is joined to a Standard English word to form a new word. He argued that lexical hybridized words and expressions have influenced the social, cultural, political and other aspects of life of Ghanaians. Some lexical hybridized formation in Ghanaian English include *Asanka delight* (a popular restaurant that serves Ghanaian dishes and some continental dishes). *Asanka* is an akan word which means earthenware bowl and "delight" is an English word. Other examples of lexical hybridized forms include, *akɔnɔ ginger* is ginger candy. *Akɔnɔ* is an akan word which means appetizing. Dawawada tree - a tree that grows in the Northern Region of Ghana which seeds are used for making food additive called *dawawada*. *Kente cloth* is a Ghanaian traditional cloth which is now internationally recognized and has entered into the vocabulary of Standard English. *Kente* is also an Akan word. Although the most prevalent indigenous language used in lexical hybridization is Akan, some lexical hybridized words are derived from other indigenous languages and these forms are used across various ethnic groups in Ghana. However, Ngulu argued that, Ghanaian English speakers do not form lexical hybridized forms because of the absence of the equivalent forms in Standard English. He is of the view that, lexical hybridization is more of an intentional linguistic act by Ghanaian English speakers who are aware of the coexistence of English and indigenous languages hence, the diglossic play of words [11].

Scholars have termed the use of the English language and the indigenous languages of Ghana as "diglossia". According to Ferguson (1959), diglossia is the

coexistence of two varieties of the same language with one considered as the *High variety* and the other viewed as the *Low variety*. The High variety is considered more prestigious and is used in formal domains including the school, the parliament house, governmental organizations among others. However, Fishman (1967) broadened the definition of diglossia to include the coexistence of languages that are mutually unintelligible with each of the languages having a particular speech domain (formal or informal). For the purposes of our study, we chose Fishman's definition of diglossia. In the case of the Republic of Ghana, the formal language is the English language and the informal languages are all the indigenous languages present in the Republic of Ghana [6, 7].

Since the introduction of the English language by the colonial masters, there has been an upsurging growth and popularity in the use of it in the Republic of Ghana [1]. Apart from the employment opportunities that come with proficiency in the English language, prestige has been attached to proficiency in this language (English language) and Ghanaians who have command over the English language are viewed as “more educated” and “more civilized”. In the Republic of Ghana, the English language is used in formal contexts whereas indigenous languages are used in informal contexts.

For example, English is the medium of instruction in the country. A good knowledge of it is a prerequisite to successfully and smoothly move through the various levels of education in the country which has been described as pyramidal. The pyramidal educational system in the country means, education is accessible to a mass of students at the elementary level and the number of students greatly drops at the other levels of education with tertiary institutions having the lowest number of students and located at the part of the pyramid. In view of this, the English language, which was a reserve for only formal settings in the country has started creeping into the homes. Some parents, especially those in urban cities in the Republic of Ghana, have started speaking English with their children at home. While some of these parents speak both English and their mother tongue with their children from birth, others speak only English with their children at home. A research

conducted to discover the reasons behind parents' use of the English language with their children at home showed their desire for their children to acquire the English language as their first language (L1). According to these parents, their children's proficiency in English is directly tied to their academic success and higher chances of them moving smoothly through the pyramidal structure of education in the Republic of Ghana. Another reason some parents choose English for their children from birth is because of their plan to enroll them in the international schools. Before children are admitted into international schools in the country, they have to pass an interview which checks their English language proficiency. Hence, the argument of these parents is that, there is no way their 3 year-old children can have proficiency in the English language unless they acquire it as their first language (L1) [5]. The use of English as the only medium of instruction is widely practiced in various schools in the Republic of Ghana. Although the current educational policy mandates the use of any Ghanaian language as medium of instruction from Grade 1 - Grade 3, the multilingual nature of most schools (especially those in urban cities), has led to the use of the English language even at these levels of education [3, 13]. At school, children are forbidden to speak their mother tongues unless during Ghanaian Language and Culture lessons. Students who are caught speaking their mother tongues are punished for doing it. Therefore, the boundary is drawn in the minds of most children who automatically know the language to use at these two important settings in their life: school and home. However, according to some educators, the inability of children to receive instruction in their mother tongue is an infringement on the rights of children. These scholars are also against the practice of punishing students for speaking their mother tongue in school. Owu-Ewie (2017) described this situation as a violation of the Linguistic Human Rights of the children. He further argued that, the practice of using a foreign language as a medium of instruction coupled with the act of preventing children from speaking their indigenous language is gradually causing genocide of indigenous languages with children losing their identity as they are being constantly ushered into a foreign culture. On this account, if corrective measures are not put in place, children will end up despising their

indigenous language and culture as school has painted indigenous languages as inappropriate languages for formal education [14].

The use of indigenous languages in the Republic of Ghana

The growing tendency of using the English language in certain homes in the urban cities cannot be compared with a wide use of indigenous languages in most homes all over the country. Parents pride themselves with the opportunity to preserve their language and culture by passing them down to their children. Some years ago before electrification of most towns and cities in the country, adults and children spent their evenings around bonfires under the moonlight listening and telling folklores, proverbs, genealogy and playing indigenous games like “ampe”, “sansa kroma/ afɔkpa vuvu tɔla”. The evening gatherings of family and friends to listen and to tell stories are rarely seen in urban centres these days because of the high patronage of shows and soap operas on television. Nevertheless, some inhabitants in rural communities still engage in this practice due to lack of electrification.

Other domains which demand the usage of only indigenous languages are traditional ceremonies including naming ceremonies, marriage ceremonies and traditional ethnic festivals. Most ethnic groups in the Republic of Ghana name a newborn baby after 8 days. Before the eighth day, both mother and child stay indoors and are not seen by anyone except their close relations. During the naming ceremony, libation is poured and special rites are performed. Naming ceremony among the people of Akan is called “abadintuo” and it is called “kpodziemo” among the Ga people. The naming ceremony rites are quite different among the ethnic groups. However, among the people of Akan and Ga, the child is raised three times into the sky and brought low towards the ground. The lifting of the child into the sky is a sign of introducing the child to the heavens whereas bringing the child towards the ground symbolizes his introduction to the Earth. Another rite performed by both ethnic groups during the naming ceremony is the dipping of a finger into both water and alcohol and dropping a few drops on the tongue of the baby as a symbol of good and evil. After dropping water and alcohol on the tongue of the baby, the person in charge of performing the naming ceremony rites (usually an elderly man) tells the

baby: “Sɛ wohunu nsuo a kà sɛ nsuo. Sɛ wohunu nsã, kà sɛ nsã” which literally means “If you see water, say it is water. If you see alcohol, say it is alcohol”.

Currently, the traditional naming ceremony of children is seldom practiced because most Ghanaians (71.2%) belong to the Christian religion and 17.6% of the population belong to the Islamic religion hence, follow the practices of naming children in their respective religions [15]. Marriage ceremonies, traditional ethnic festivals, funeral rites, and other traditional ceremonies carried out by various ethnic groups are all unique however, all of them are done only in the indigenous languages.

Moreover, there is a wide use of indigenous languages in the various local markets in the country. The market women speak Ghanaian Pidgin with their customers who do not speak any indigenous language, however, most Ghanaians prefer to speak an indigenous language at the local markets in order to bargain well with the market women whose goods and products are without price tags.

The role of the media in the diglossic situation in the Republic of Ghana

The media plays an important role in the diglossic situation in the Republic of Ghana. Ghana's media dates back to the colonial era with the introduction of radio in 1935 which was a platform for transmitting BBC programs to the indigenous people in Gold Coast (the former name of the Republic of Ghana). Before independence newspapers were the only means nationalists could use to stir and shape the minds of the indigenous people to fight for freedom from the colonial rule. After independence in the administration of Doctor Kwame Nkrumah, television (Ghana Broadcasting Corporation - GBC) was introduced in Ghana in 1965 and radio transmission was also expanded. Down the history of the Republic of Ghana, the media has been the mouthpiece for the political agenda of many governments. Media in the Republic of Ghana was state-owned until the establishment of Joy FM in 1995 and Metro TV and TV3 in 1997.

There are quite a number of radio stations that stream in English and the radio stations that stream in indigenous languages. Until recently, the English language was the dominant language on television although time was apportioned to broadcasting the news in indigenous languages. However, in 2009 in order to serve the interests

of the local Ghanaian market, the television station Adom TV was established which broadcasts in the Akan language. Moreover, in 2013, United Television (UTV) was established and this TV station also broadcasts in the Akan language. Both stations are privately owned and according to the statistics conducted in 2017 Adom TV had the highest audience share of 18.9% among all the TV stations in Ghana and UTV came second with 17.2% audience share. There are other TV stations that broadcast in other indigenous languages. For example, Obonu TV broadcasts in the Ga language.

Most newspapers and magazines in the Republic of Ghana, on the other hand, still continue to publish in English. A daily weekday morning routine in the Republic of Ghana are live newspaper review shows aired on most radio and TV stations with panelists to discuss the news items in the dailies. The discussions are done in either English or an indigenous language (depending on the language the radio/ television station streams in). The audience has the opportunity to phone in and discuss their opinions about the matters discussed in the newspapers. A very famous newspaper review in Greater Accra Region is Kokrokoo on Peace FM hosted by Kwame Sefa Kayi. A research conducted in 2017 showed that most Ghanaians depended on radio and TV stations for news. Out of 2400 Ghanaian adults surveyed 56% said they listened to radio news every day and 42% said they watched television news every day.

Conclusion

A multilingual and multicultural landscape offers a rich and diverse culture which could be observed by the members of different communities and enriches their way of life. The neglect of indigenous languages in pursuit of acquiring proficiency in the English language because of the benefits associated with it could gradually lead to the extinction of some indigenous languages in the Republic of Ghana. The extinction of a language means the extinction of a unique culture and rich wisdom embedded in the language. The adherence to the diglossic nature of the country, where the English language is used in formal domains and indigenous languages are used in informal domains could be a remedy to the tendency of some indigenous languages going extinct due to the gradual creeping of English in some homes in the

Republic of Ghana. Moreover, indigenous languages could also be developed at formal sectors of the country in order to preserve the intrinsic culture of each indigenous language in the country.

References

1. Adika G.S.K. English in Ghana: Growth, Tensions, and Trends. *International Journal of Language, Translation and Intercultural Communication*. 1. 2012. P. 151–166.
2. Agbozo G.E. Language Choice in Ghanaian Classrooms: Linguistics Realities and Perceptions. MPhil. Thesis in English Linguistics and Language Acquisition, Norwegian University of Science and Technology, Trondheim, Norway, 2015.
3. Anyidoho A. “Shifting Sands: Language policies in Education in Ghana and implementation Challenges”// *Ghana Journal of Linguistics* 7.2. 2018. P. 225–243.
4. Bodomo A., Anderson J. & Dzahene-Quarshie J. A Kente of Many Colours: Multilingualism and the Complex Ecology of Language Shift in Ghana. *Sociolinguistic Studies*, Vol. 3.3. 2009. P. 357–379.
5. Dako K., & Quarcoo M.A. Attitudes towards English in Ghana. *Legon Journal of the Humanities*, 28 (1). 2017. P. 20–30.
6. Ferguson C.A., 1959. Diglossia. *Word* 15. P. 325–340.
7. Fishman J. Bilingualism with and without diglossia: diglossia with and without bilingualism. *Journal of Social Issues* 23 (1). 1967. P. 29–38.
8. Gocking R.S. The history of Ghana. Greenwood Press, Westport, 2005.
9. Koranteng L.A. Ghanaian English: A description of its sound system and phonological features. PhD Thesis, Accra, University of Ghana. 2006.
10. Mireku-Gyimah P.B. “I dey trust you waa”: Pidgin English as a current spoken communication tool at University of Mines and Technology. *Ghana Mining Journal*, 18(2). 2018. P. 77–86.
11. Ngula R.S. Hybridized Lexical Innovations in Ghanaian English. *Nordic Journal of African Studies* 23(3). 2014. P.180–200.
12. Ofori S.G., Duah I. & Mintah K.C. Exploring the feasibility of a proposed Ghanaian English pronunciation standard. *Journal of Education and Practice*, Vol. 5, No. 22. 2014.

13. International knowledge sharing platform. // URL: <http://www.iiste.org/Journals/index.php/JEP/article/view/14540> (accessed: 20/04/2021).

14. Owu-Ewie C. The language policy of education in Ghana: A critical look at the English-only language policy of education. Selected Proceedings of the 35th Annual Conference on African Linguistics. Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project, 2006. P. 76–85.

15. Owu-Ewie C. Language, Education and Linguistic Human Rights in Ghana. *Legon Journal of the Humanities*, 28(2). 2017. P. 151–172.

16. 2010 Population and Housing Census. *National Analytical Report*. Ghana Statistical Service, May 2013.

Авторы публикации

Сабирова Диана Рустамовна –
доктор педагогических наук, доцент
декан Высшей школы
иностранных языков и перевода
Казанский федеральный университет
Казань, Россия
E-mail: Diana.Sabirova@kpfu.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7657-5260>

Нкетия Юджения –
магистрант Высшей школы
иностранных языков и перевода
Казанский федеральный университет
Казань, Россия
E-mail: eugenianketiah@gmail.com

Authors of the publication

Sabirova Diana Rustamovna –
Doctor of Pedagogics, Associate Professor
Head of the Higher School
of Foreign Languages and Translation Studies
Kazan Federal University
Kazan, Russia
E-mail: Diana.Sabirova@kpfu.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7657-5260>

Nketiah Eugene –
Master's Degree Student
of the Higher School
of Foreign Languages and Translation Studies
Kazan Federal University
Kazan, Russia
E-mail: reugenianketiah@gmail.com

Поступила в редакцию: 19.04.2021

Принята к публикации: 15.05.2021

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 37.046

DOI: 10.26907/2658-3321.2021.4.2.271-286

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВЕННО-СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПОНЯТИЯ «СПОСОБНОСТЬ К ЖИЗНЕННОМУ САМООПРЕДЕЛЕНИЮ СТУДЕНТОВ ВУЗА»

*И.Г. Корнева**favouriteworkk@mail.ru**Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия*

Аннотация. Проблема подготовки компетентных и конкурентоспособных специалистов выходит сегодня на передний план в российском обществе. В связи с этим требуются новые подходы к организации вузовского образования, диктующие необходимость формирования таких качеств личности, ее нравственных установок и социальных ценностей, которые востребованы в настоящее время новыми общественными отношениями. Актуальность проблемы развития способности к жизненному самоопределению студентов вуза заключается также и в значимости решения проблемы собственно самоопределения и самоактуализации молодежи в современных условиях, когда на повестке дня стоит вопрос о необходимости качественного личностного и профессионального формирования всех субъектов образовательного процесса. Это особенно значимо для такой социальной группы, как студенческая молодежь.

Целью статьи является раскрытие и уточнение понятия «способность к жизненному самоопределению студентов вуза». Теоретико-методологической основой исследования являются аксиологический, системный, деятельностный, личностно-ориентированный, культурологический подходы в образовании (А.Г. Асмолов, Е.В. Бондаревская, Н.Б. Крылова, В.В. Сериков, Л.Г. Якиманская, О.С. Газман и др.), а также исследования в области профессионального и жизненного самоопределения (К.А. Абульханова-Славская, Н.С. Пряжников, Е.А. Климов, А.Е. Голомшток и др.). Теоретическая значимость статьи заключается в расширении терминологического поля проблемы профессионального и личностного самоопределения молодежи за счет уточнения понятия «способность к жизненному самоопределению студентов вуза». Практическая значимость исследования заключается в возможности использования результатов и выводов исследования при организации процесса развития профессионального и личностного самоопределения студентов вуза. Результаты исследования могут быть использованы при разработке содержания элективных курсов по педагогике субъектности для студентов вузов, а также слушателей курсов повышения квалификации для преподавателей вуза.

Ключевые слова: самоопределение, способности, личностное самоопределение, профессиональное самоопределение, жизненное самоопределение, студенты вуза.

Для цитирования: Корнева И.Г. К вопросу о существенно-содержательной характеристике понятия «способность к жизненному самоопределению студентов вуза». *Казанский лингвистический журнал*. 2021; 4 (2): 271–286.

ESSENTIAL AND DESCRIPTIVE CHARACTERISTICS OF THE CONCEPT “ABILITY FOR LIFE SELF-DETERMINATION OF UNIVERSITY STUDENTS”

I.G. Korneva

favouriteworkk@mail.ru

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The article is concerned with one of the fundamental issues in modern Russian education sector respecting training competent and competitive professionals. For this reason it is necessary to develop advanced higher education organization approaches that would contribute to increase in such personal qualities, moral and social values that act as essential in contemporary culture. The relevance of the problem of developing the ability for life self-determination of university students also establishes the importance of solving the matter of self-determination and self-actualization of youth in modern conditions. This is due to the fact that the need for high-quality personal and professional formation of all subjects of educational process is high on the agenda. This is enormously important for such a social group as student youth.

The purpose of the article is to reveal and clarify the concept of the ability for life self-determination of university students. The theoretical and methodological basis of the study includes axiological, systematic, activity-oriented, personality-oriented and cultural approaches in education (A.G. Asmolov, E.V. Bondarevskaya, N.B. Krylova, V.V. Serikov, L.G. Yakimanskaya, O.S. Gazman, etc.), as well as research in the area of professional and life self-determination (K.A. Abulkhanova-Slavskaya, N.S. Pryazhnikov, E.A. Klimov, A.E. Golomshtok, etc.). The theoretical significance of the article is in expanding the terminology of the problem of professional and personal self-determination of young people by clarifying the concept of university students ability for life self-determination. The practical significance attaches to the possibility of using the results and conclusions of the research in organizing the process of developing university students professional and personal self-determination. The research findings can be used in designing of the syllabus of elective courses on the Pedagogy of Subjectivity for university students, as well as advanced training courses for university teachers.

Keywords: self-determination, abilities, personal self-determination, professional self-determination, life self-determination, university students.

For citation: Korneva I.G. Essential and descriptive characteristic of the concept “ability for life self-determination of university students”. *Kazan Linguistic Journal*. 2021; 4 (2): 271–286.

Рассматривая проблему развития способности к жизненному самоопределению студентов, мы обратились к различным исследованиям, связанным с изучением данного понятия, его структурного содержания, механизмов формирования данной способности и т.д. В этой связи был проведен анализ основных составляющих понятия «способность к жизненному самоопределению студентов вуза»: «способности», «самоопределение», «личностное самоопределение», «профессиональное самоопределение», «жизненное самоопределение» и «жизненное самоопределение студентов вуза».

Начнем анализ с понятия «способности», поскольку они определяют такие психологические особенности индивида, которые чаще всего содействуют успешности не только в приобретении знаний, умений и навыков, но и детерминируют предпосылки к формированию тех или иных жизненных перспектив. Как показал анализ психолого-педагогической литературы, проблемой способностей в свое время занимались многие исследователи: Б.Г. Ананьев, Т.И. Артемьева, Э.А. Голубева, А.Н. Леонтьев, В.Н. Мясищев, С.Л. Рубинштейн, Б.М. Теплов, Л.И. Уманский и др. Так, общую характеристику способностям дал С.Л. Рубинштейн, считая их свойствами и качествами индивида, которые способствуют ему в успешном выполнении каких-либо видов общественно-полезной деятельности [14]. Это же утверждают В.Д. Шадриков и Е.И. Рогов, рассматривая способности человека как индивида и как личности [15]. Под этим углом зрения способности рассматриваются как умение индивида решать задачи, каждая из которых в ходе того или иного вида деятельности представляет собой данную в определенных условиях цель деятельности, достигаемую индивидом согласно соответствующим процедурам [12]. Отсюда вытекает, что умение решать разного рода задачи можно считать отличительными свойствами, от которых в целом зависит успешность достижения намеченных целей. Более того, поиск новых способов решения задачи можно рассматривать как четкое осознание индивидом новых процедур их решения, что, по определению, зависит от качества приобретенных ранее знаний и умений. Таким образом, под способностями можно понимать индивидуально-психологические особенности личности, необходимые для успешного осуществления конкретного вида деятельности, что и проявляется в определенной динамике овладения знаниями и умениями [8]. Как считает исследователь Б.Г. Ананьев, в способностях раскрываются такие компоненты психических качеств, как: мотивационный компонент (формирование ценностного отношения к своей деятельности, возможность реализации своих идей и помыслов и т.д.); операционный компонент (умение планировать, способность к самоорганизации при

самообразовании, способность к мобилизации своих возможностей и т.д.); функциональный компонент (коммуникативные способности, организаторские способности, гностические способности, конструктивные способности и т.д.) [3]. При этом исследователь В.Д. Шадриков особо выделяет операционный характер развития способностей, когда, например, при самообразовании индивиду приходится приспосабливать качества своей личности к требованиям деятельности [15]. И, как считает исследователь А.Г. Ковалев, качества индивида в его способностях, взаимовлияя друг на друга, органично синтезируются в структуру целостной способности, например, способности к жизненному самоопределению [9].

Исходя из вышесказанного, приходим к выводу, что способности, отражая функции психических процессов, предполагают также и содержательный компонент, необходимый, например, для развития процесса жизненного самоопределения студентов вуза. И это уже говорит о качественной характеристике способностей, позволяющих идти к намеченной цели, когда одни способности компенсируются другими, проявляясь в соответствующей динамике при формировании тех или иных умений, что, собственно, и позволяет индивиду успешно овладевать деятельностью и далее совершенствоваться в ней. Способности не существуют сами по себе, они, например, формируются в процессе обучения и воспитания, как умения и навыки. Главное – вовремя наметить динамику их развития, поскольку они в дальнейшем детерминируют такой процесс, как самоопределение, сущность которого рассмотрим далее.

В ходе изучения психолого-педагогической литературы по вопросу понятия «самоопределение» было выявлено, что это естественный процесс, который происходит у каждого индивида, отражая важную ступень на пути развития его субъектности [2]. Особенно это связано с положением учащейся молодежи, когда данной социально-демографической группе приходится переживать период становления социальной зрелости и часто стоять перед проблемой неясности и противоречивости своих профессиональных

и жизненных перспектив. Отсюда следует, что самоопределение как динамический процесс предполагает результат выбора индивидом собственной позиции в рамках своего самоосуществления в конкретной жизненной ситуации, когда приходится проявлять свою личностную или профессиональную зрелость. А с учетом нестабильности и противоречивости социальных реалий, главной задачей молодого человека становится его самоопределение во многих видах жизнедеятельности. Вот почему так важна качественная подготовка компетентного специалиста на основе его способности к самоопределению относительно своих жизненных притязаний.

Проблема самоопределения рассматривалась в контексте проблемы свободы личности Н.И. Лапиным, Э. Фроммом, М. Хайдеггером, А. Шопенгауэром, а вопроса мотивации в условиях принятия каких-либо решений Б.Г. Ананьевым, Л.И. Божович, А.Н. Леонтьевым, А.В. Мудриком, С.Л. Рубинштейном, В.Ф. Сафимым, Г.П. Никоновым, В. Франклом, Э. Эриксоном. В этой связи исследователь А.Г. Асмолов выделяет следующие аспекты относительно самоопределения личности: философский аспект (затрагивает деятельностьную основу самоопределения); психологический аспект (самоопределение рассматривается с точки зрения психического развития личности в направлении поиска возможностей формирования самого себя); социологический аспект (учет социокультурных условий самоопределения личности) [4]. В этом плане наибольшее внимание самоопределению уделяет психология и педагогика, где рассматривается самодетерминация и личностный выбор индивида. Так, многие исследователи, например, К.А. Абульханова-Славская, А.Г. Асмолов, Л.И. Божович, М.Р. Гинзбург, И.С. Кон, А.В. Петровский, С.Л. Рубинштейн, Д.И. Фельдштейн подчеркивают, что на самом человеке лежит ответственность за формирование своих жизненных смыслов, поэтому его становление как цельной личности приобретает форму определения себя в окружающей действительности, т.е. самоопределения в ней. Речь в данном случае идет о таких структурных элементах самоопределения, как его социальные, профессиональные

и личностные составляющие. И каждый из этих элементов сопряжен с логикой самоопределения личности, где учитывается баланс индивидуальных и социальных процессов, которые, собственно, детерминируют в дальнейшем и профессиональное самоопределение.

Итак, самоопределение – это утверждение личностью собственной позиции в создавшихся обстоятельствах, что проявляется в таких самопроцессах, как самосознание, саморегуляция, самоактуализация и т.д. Следовательно, как считает исследователь Л.И. Божович, самоопределение следует рассматривать в ее двуплановости: самоопределение проистекает из осознанного выбора профессии и из процесса спонтанного поиска смысла своего существования, и с возрастом индивида все это затем тесно переплетается между собой [5]. Важным полагаем отметить здесь личностное самоопределение, на основе которого, как считает исследователь М.Р. Гинзбург, формируется мотивация к выбору профессии, а впоследствии вырабатываются и некоторые требования к ней, которая осуществляет тем самым и профессиональное самоопределение [7]. Именно эти виды самоопределения – личностное и профессиональное – рассмотрим далее в контексте заявленной проблематики.

Как показал анализ психологических исследований о сущности самоопределения, оно характеризуется как личностно и социально обусловленный процесс, что предопределило следующие позиции: процесс личностного самоопределения рассматривается как личностная социализация такими исследователями, как В.Ф. Сафин, Г.П. Никонов, Е.А. Шанц, П.Н. Шихирев; процесс личностного самоопределения характеризуется динамикой индивидуальности М.Р. Гинзбургом, В.С. Мерлиным, А.Б. Орловым; личностное самоопределение рассматривается как баланс взаимодействия социального и личностного становления индивида такими учеными, как Б.Г. Ананьев, Л.М. Митина, В.А. Петровский, В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. При этом, как считает И.С. Кон, личностный и социальный аспекты личностного самоопределения взаимовлияют друг на друга, результатом чего

является четкая ориентация индивида на определение своего места в социуме [10]. А это, по мнению исследователей С.Л. Рубинштейна и К.А. Абульхановой-Славской, представляет собой баланс внутренней и внешней детерминации при ведущей роли внутреннего, когда индивид в процессе личностного самоопределения моделирует пространство своей активности с учетом как социальных, так и личностных ориентиров и их противоречивого или целостного совмещения [1]. При этом целостность личностных и социальных аспектов личностного самоопределения происходит при условии соответствия индивидуальных целей и общественных задач, что приводит к успешной самореализации индивида в его личностном самоопределении [16].

Исследователь В. Франкл рассматривает стремление индивида к поиску смысла своей жизни как врожденную мотивацию, что представляет собой важнейший механизм развития личности [17]. И с учетом мотива, ориентированного на нахождение смысла жизни, индивид пытается выстраивать линию своей жизни в виде целостности этого процесса, что часто способствует ему в успешной реализации своих способностей, а также на основе мобилизации собственных личностных качеств следовать по намеченной цели для претворения выработанной им концепции жизни. Отсюда вытекает, что возможность качественного выбора концепции жизни можно назвать центральной проблемой личностного самоопределения, ведь именно с него начинается самоопределение и оценка индивидом своих возможностей при претворении в жизнь замыслов и идей. Однако сам процесс личностного самоопределения осуществляется во времени и в социальном пространстве, поэтому даже грамотный выбор цели, средств и способов его достижения будет зависеть также от ценностных ориентаций индивида, т.е. здесь мы говорим уже о ценностно-смысловой природе личностного самоопределения, к которой, в частности, содержится установка на позицию «Я-концепция».

Саму Я-концепцию как таковую можно считать развивающейся системой представлений молодого человека о самом себе, когда он осознает свои интеллектуальные и иные качества, а также осуществляет самооценку собственных восприятий, влияющих на него внешних факторов, в связи с чем Я-концепция проявляется в следующих функциональных аспектах: как интерпретация опыта, как средство обеспечения внутренней согласованности, как совокупность ожиданий. С учетом этого выделяются две формы Я-концепции: реальная и идеальная, которые иногда не совпадают и могут сильно различаться. Данный момент может иметь и свои положительные последствия (например, несовпадение реального и идеального «Я» часто становится источником интенсивного развития личности).

Таким образом, исходя из вышеизложенных тезисов, под личностным самоопределением мы понимаем внутреннее ощущение индивида относительно своей Я-концепции на основе ярко выраженной индивидуальности, отражающей наличие высокого качества самости, которое существенно повышает значение его личностных характеристик как субъекта своей деятельности. В этом контексте достижение личностного самоопределения в некоторой степени повышает и уровень в системе различных социальных отношений, в рамках которых осуществляется и профессиональное самоопределение, основные аспекты которого мы затронем далее.

Проблема профессионального самоопределения исследуется сегодня в контексте целостного подхода к подготовке студента в сфере избранной им профессии. Исходя из этого подхода анализируются различные стороны проявления профессионального самоопределения в области личностной самореализации; в сфере приложения личностных возможностей; в отношении студента к системе профессиональных факторов в практической деятельности; в формировании будущей профессиональной карьеры; в осознании смысла выполняемой работы в социальном и эстетическом контексте и т.д. [8]. Таким образом, особое внимание здесь уделяется критерию осознания молодым человеком при профессиональном его становлении важности проектирования

своей профессиональной жизни, а значит, ответственного принятия решения о выборе специальности. И это все относится к жизненно важным проблемам, когда студенту в ходе его развития приходится решать и задачи профессионального самоопределения в рамках осмысления своей социально-профессиональной роли. И постепенное усвоение данной роли способствует укреплению у молодых людей уверенности в сделанном ими выборе в профессиональной деятельности, а отсюда – формированию у них положительного отношения к профессии, что создает предпосылки к выработке профессиональной мотивации.

Со способностью к профессиональному самоопределению связана такая ее составляющая, о которой упоминалось ранее, как формирование «Я-концепции», включающая в себя различные когнитивные компоненты, а также ценностные смыслы, придающие эмоциональный импульс постоянной работе студента по формированию у себя соответствующего образа профессиональной деятельности, в рамках которой немаловажное значение имеет вопрос о его профессиональной пригодности, то есть наличия у него индивидуальных качеств, исходя из требований профессии. В данном случае речь идет о психологическом настрое студента на предстоящую профессиональную деятельность, когда, как считает исследователь Е.А. Климов, для индивида важно формирование себя как полноценного участника событий, связанных с конкретной профессией. И в этом плане он, в частности, подчеркивает, что профессиональное самоопределение не сводится лишь к правильному выбору профессии и качественной подготовке по избранной специальности, профессиональное самоопределение продолжается, по сути, на протяжении всей профессиональной жизни индивида [8].

Таким образом, профессиональное самоопределение можно понимать как постоянную постановку индивидом перед собой цели, связанной с определенной профессией; стремлением добиваться ее на протяжении всей жизни; наличием потребности в формировании смысловой системы представлений о профессии; наличием ценностных ориентаций относительно

общественно выработанной системы норм и требований; наличием четкой ориентированности на будущее, связанной с овладением профессиональных умений и навыков; наличием в конечном счете стремления к своему профессиональному идеалу, а значит, к сохранению смысла жизни. Последнее связано с жизненным самоопределением, что мы и рассмотрим в заключительной части исследования.

Проблема жизненного самоопределения личности всегда вызывала интерес исследователей разных научных направлений, в которых эта проблема рассматривается в концепциях системного понимания человека такими авторами, как М.М. Бахтин, Н.А. Бердяев, Л.С. Выготский и конкретизируется в представлениях о человеке как открытой системе учеными А.Г. Асмоловым, Б.С. Братусь, М.Р. Гинзбургом, А.В. Ключко, И.С. Кон, Д.А. Леонтьевым, О.М. Краснорядцевой и др. Исходя из этого, способность к жизненному самоопределению рассматривается А.Л. Журавлевым, А.Б. Купрейченко в следующих параметрах: как реализация социальных потребностей и интересов с целью достижения высокого качества и образа жизни; К.А. Абульхановой-Славской и М.Р. Гинзбургом – как способность к сознательному осмыслению бытия с целью нахождения своей жизненной устойчивости; Л.И. Божовичем, К.В. Карпинским, Н.М. Лебедевой, В.А. Петровским, С.Л. Рубинштейном, В.И. Слободчиковым, Е.И. Исаевым – как определение и в дальнейшем установление своих базовых отношений к миру и другим людям; А.В. Брушлинским, Д.А. Леонтьевым, Л.Ф. Бурлачук, Е.Ю. Коржевой – как формирование субъектного отношения с окружением с целью определения собственной идентификации как осмысление пережитых событий при общении с целью достижения благоприятного статуса в социуме; и Мусаелян Е.Н. – как стремление к жизненному самоопределению в рамках продуктивного общения и успешной деятельности

Что касается в этой связи студенческой молодежи, то для нашего исследования жизненного самоопределения студентов значение имеют разработки воспитательного пространства вуза, его методологических

оснований и концепций авторов Г.И. Рогалева, Ю.П. Сокольников, И.К. Шалаева, А.А. Веряева; научные подходы к созданию оптимальных условий для развития личности Ю.А. Гагина, О.С. Гребенюк, Т.Б. Гребенюк, Л.И. Новиковой; событийный фактор в становлении специалиста как личности Г.Н. Александрова, В.А. Беликова, В.Г. Горчаковой, Г.Б. Корсак, Н.Л. Селивановой; особенности взаимодействия социокультурных институтов в развитии способности индивида к самоопределению М.С. Якушиным; теоретические основы функционирования воспитательного пространства вуза, исследованные Н.А. Барановой, М.Г. Резниченко и т.д. Эти изыскания продолжили различные разработки, связанные с аспектом жизненного самоопределения молодежи, в частности, выбора молодыми людьми вектора своего жизнеосуществления, взаимосвязи профессионального самоопределения с жизненной перспективой Е.И. Головахи, Д.А. Леонтьева, Е.В. Шелобановой, Т.В. Максимовой; связи жизненного пути молодого индивида с включением его в общественную жизнь М.А. Дьяковой, В.А. Поляковым, М.Х. Титма, С.Т. Ягуфаровой; влияния социальных факторов на степень открытости системы «человек и его окружение» на процесс жизненного самоопределения исследователи Г.Е. Залесским, Е.М. Калашниковым, Ф.Т. Михайловым, Н.Н. Никитенко; соотношения объективных и субъективных факторов в жизненном самоопределении Т.Н. Березиной, Е.М. Борисовой, Э.В. Галажинским, Е.И. Головаха и т.д. В этой связи важнейшими для нас являются исследования о различных видах и формах жизненного самоопределения, что представлено учеными исходя из изучения определенных сфер жизни, которыми овладевает индивид. Эти сферы детерминируют, в частности, следующие формы и виды:

- профессиональная форма жизненного самоопределения: связана с процессом поиска и приобретения профессии индивидом, результатом чего является его профессиональная деятельность, в ходе которой он пытается утверждать себя как субъект не только созидания материальных благ, но и продуктивных взаимоотношений в социуме;

- социальная форма жизненного самоопределения: связана с занятием индивида определенного места в выбранной им социальной группе, а отсюда и соответствующего образа жизни;

- ролевая форма жизненного самоопределения: связана с занятием индивида определенного важного положения в значимой для него конкретной социальной группе, где он руководствуется принятыми в ней образцами поведения с целью повышения в ней своего статуса;

- семейная форма жизненного самоопределения: связана с осознанным процессом конструирования индивидом перспективы образа семьи на основе системы ценностных ориентаций, развития способности к рефлексии и саморегуляции.

Целостность форм жизненного самоопределения достигается, по мнению исследователя Н.С. Пряжникова, в результате перехода индивида от личностного самоопределения в профессиональное самоопределение и обратно, в процессе чего повышается уровень возможностей самого жизненного самоопределения вплоть до его максимальной реализации [13]. Так, жизненное самоопределение, по сути, затрагивая многие сферы жизнедеятельности индивида, представляет собой многокомпонентную категорию, где взаимосвязано и взаимообусловлено сочетаются такие понятия как «жизненная позиция», «жизненный выбор», «индивидуальное видение образа жизни», «жизненная перспектива», «жизненная стратегия» и т.д. А это означает, по мнению исследователя Н.М. Лебедевой, что в контексте жизненного самоопределения индивид постоянно находится в поиске жизненных и культурных смыслов своих притязаний [11]. С этим, в частности, связан культурологический подход к образованию, который многие исследователи при изучении условий развития личности особое внимание уделяют такому механизму становления личностной зрелости, как рефлексивно-ценностное осмысление ключевых моментов общения на фоне пережитого события [6].

Таким образом, исходя из исследования понятий «способность», «личностное самоопределение», «профессиональное самоопределение» и «жизненное самоопределение», мы пришли к трактовке понятия «способность к жизненному самоопределению студентов вуза» – это сознательная активность студента вуза по выбору им линий самореализации в рамках личностного и профессионального самоопределения на основе рефлексивно-ценностного осмысления своих жизненных перспектив относительно реализации своих возможностей и способностей в качестве субъекта собственной жизни.

Следует также отметить, что характерным контекстом жизненного самоопределения (в отличие от личностного и профессионального) является подспудное следование общепринятым нормам, принятым в конкретном социуме, что предполагает определенную от них зависимость индивида, которому приходится принимать во внимание объективные факторы политического и экономического, социального и культурологического свойства, часто детерминирующие вектор жизнедеятельности различных социальных групп, включая профессиональные и в определенной степени возрастные группы. В этой связи перед молодым человеком стоят такие сложные задачи, как поиск и определение собственного вектора самоопределения на жизненном пути, конкретизация жизненных планов в тактическом и стратегическом контексте, решение неотложных проблем личностного развития и т.д. Исходя из вышеизложенного, а также с учетом существующей социальной практики, мы пришли к выводу, что жизненное самоопределение и собственно способность к осуществлению данного процесса можно рассматривать как определенный уровень становления и развития социальной зрелости молодого человека, что так или иначе всегда будет обусловлено его субъектной позицией в этой сфере.

Список литературы

1. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 339 с.

2. *Азлецкая Е.Н.* Личностные и средовые детерминанты формирования субъектности личности: автореф. на соискание уч. степени канд. психол. наук. Краснодар, 2001. 23 с.
3. *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977. 379 с.
4. *Асмолов А.Г.* Образ жизни, индивидуальные свойства человека, совместная деятельность – предпосылки и основание жизни личности в обществе. Психология личности. Самара, 1990. Т. 2. С. 119–136.
5. *Божович Л.И.* Проблемы формирования личности. М.: Изд-во Ин-та практ. Психологии. Воронеж: МОДЭК, 1995. 352 с.
6. *Бурлачук Л.Ф., Коржева Е.Ю.* Психология жизненных ситуаций. М.: Рос. пед. агентство, 1998. 263 с.
7. *Гинзбург М.Р.* Психологическое содержание личностного самоопределения. *Вопросы психологии*. 1994. № 3. С. 43–52.
8. *Климов Е.А.* Психология профессионального самоопределения. Ростов н/Д.: Феникс, 1996. 512 с.
9. *Ковалев А.Г.* Психология личности. М.: Просвещение, 1969. 391 с.
10. *Кон И.С.* Психология юношеского возраста: проблемы формирования личности: учеб. пособие. М.: Просвещение, 1979. 175 с.
11. *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Культура как фактор общественного прогресса. М.: Юстицинформ, 2009. 408 с.
12. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М.: Мысль, 1965. 574 с.
13. *Пряжников Н.С.* Психологический смысл труда. М.: Ин-т практ. психологии, 1996. 352 с.
14. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы способностей и вопросы психологической теории. *Вопросы психологии*. 1960. № 3. С. 12–23.
15. *Шадриков В.Д.* Ментальное развитие человека. М.: Аспект Пресс, 2007. 284 с.
16. *Сафин В.Ф.* Психология самоопределения личности: учеб. пособие к спецкурсу. Свердловск: Свердл. ГПИ, 1986. 141 с.

17. Франкл В. Человек в поисках смысла: пер с англ. и нем. / общ. ред. Л.Я. Гозмана, Д.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

References

1. *Abul'khanova-Slavskaya K.A.* (1991). *Strategiya zhizni*. M.: Mysl'. 339 s. (in Russian)
2. *Azletskaya E.N.* (2001). *Lichnostnye i sredovye determinanty formirovaniya sub'ektnosti lichnosti: avtoref. na soiskanie uch. stepeni kand. psikholog. nauk.* Krasnodar, 23 s. (In Russian)
3. *Anan'ev B.G.* (1977). *O problemakh sovremennogo chelovekoznaniiya*. M.: Nauka, 379. (In Russian)
4. *Asmolov A.G.* (1990). *Obraz zhizny, individnye svoistva cheloveka, sovместnaya deyatel'nost' – predposylki i osnovanie zhizni lichnosti v obshestve. Psihologiya lichnosti*. Samara. T 2, 119–36. (In Russian)
5. *Bozhovich L.I.* (1995). *Problemy formirovaniya lichnosti*. M.: Izd-vo In-ta prakt psikhologii. Voronezh: MODEK, 352 s. (In Russian)
6. *Burlachuk L.F., Korzhev E.Yu.* (1998). *Psihologiya zhiznennykh situatsii*. M.: Ros. ped. Agenstvo. 263. (In Russian)
7. *Ginzburg M.R.* (1994). *Psihologicheskoe sodержanie lichnostnogo samoopredeleniya. Voprosy psikhologii*. 3, 43–52. (In Russian)
8. *Klimov E.A.* (1996). *Psihologiya professional'nogo samoopredeleniya*. Rostov n/D.: Feniks, 512. (In Russian)
9. *Kovalev A.G.* (1969). *Psihologiya professional'nogo samoopredeleniya*. Rostov n/D.: Feniks, 391. (In Russian)
10. *Kon I.S.* (1979) *Psihologiya yunosheskogo vozrasta: problemy formirovaniya lichnosti: ucheb. posobie*. M.: Prosveshchenie, 175 s.
11. *Lebedeva N.M., Tatarko A.N.* (2009) *Kul'tura kak faktor obshchestvennogo progressa*. M.: Yustitsinform, 408 s. (In Russian)
12. *Leont'ev A.N.* (1965). *Problemy razvitiya psikhiki*. M.: Mysl', 574 s. (In Russian)

13. *Pryazhnikov N.S.* (1996). *Psikhologicheskii smysl truda*. M.: In-t prakt. psikhologii, 352 s. (In Russian)
14. *Rubinshtein S.L.* (1960). Problemy sposobnostei i voprosy psikhologicheskoi teorii. *Voprosy psikhologii*. 3, 12–23 s. (In Russian)
15. *Shadrikov V.D.* (2007). *Mental'noe razvitie cheloveka*. M.: Aspekt Press, 284 s. (In Russian)
16. *Safin V.F.* (1986). *Psikhologiya samoopredeleniya lichnosti: ucheb. posobie k spetskursu*. Sverdlovsk: Sverdl. GPI, 141 s. (In Russian)
17. *Frankl V.* (1990). *Chelovek v poiskakh smysla: per s angl. i nem.* / V. Frankl; obshch. red. L.Ya. Gozmana, D.A. Leont'eva. M.: Progress, 368 s. (In Russian)

Авторы публикации

Корнева Инна Германовна –
 старший преподаватель
 Казанский федеральный университет
 г. Казань, Россия.
 E-mail: favouriteworkk@mail.ru
 ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8579-1491>

Authors of the publication

Korneva Inna Germanovna –
 Senior Lecturer
 Kazan Federal University
 Kazan, Russia.
 E-mail: favouriteworkk@mail.ru
 ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8579-1491>

Поступила в редакцию: 25.04.2021

Принята к публикации: 25.05.2021

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

УДК 378.147

DOI: 10.26907/2658-3321.2021.4.2.287-301

К ВОПРОСУ О ПОДХОДАХ РЕВЕРСИВНОГО ОБУЧЕНИЯ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА

Л.И. Корнеева, Д.Е. Жданова

zhdanova.daria@urfu.ru

Уральский федеральный университет им. первого Президента России

Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы языковой подготовки специалистов экономических специальностей в эпоху цифровизации в высшем обучении. Дано определение смешанному обучению и представлены типы смешанного обучения. Авторы статьи считают, что реверсивное обучение, как тип смешанного, является оптимальной технологией обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей для осуществления межкультурной деловой коммуникации. Актуальность применения технологии реверсивного обучения в контексте освоения иностранных языков в высшей школе связана с сокращением аудиторных часов на базовую языковую подготовку студентов экономического профиля и необходимостью формирования общекультурных, общепрофессиональных компетенций на иностранном языке. Описывается специфика технологии реверсивного обучения, анализируется прагматическая модель *IMAIP* М. Леброна, которая включает в себя следующие блоки: информация, мотивация, активность, взаимодействие, представление результатов. Представлены актуальные подходы реверсивного обучения: компетентностный, личностно-ориентированный, коммуникативный и деятельностно-ориентированный. Для студентов по образовательной программе «Таможенное дело» иностранный язык, в частности французский, является вторым иностранным языком после английского. Для профессионально-ориентированного обучения французскому языку наиболее эффективно использовать технологию реверсивного обучения.

Ключевые слова: реверсивное обучение, профессионально-ориентированное обучение, смешанное обучение, компетентностный подход, цифровизация, обучение иностранным языкам.

Для цитирования: Корнеева Л.И., Жданова Д.Е. К вопросу о подходах реверсивного обучения при реализации профессионально-ориентированной иноязычной подготовки специалистов таможенного дела. *Казанский лингвистический журнал*. 2021; 4 (2): 287–301.

TO THE QUESTION OF APPROACHES OF FLIPPED LEARNING IN THE IMPLEMENTATION OF PROFESSIONALLY ORIENTED FOREIGN LANGUAGE TRAINING OF CUSTOMS SPECIALISTS

L.I. Korneeva, D.E. Zhdanova

zhdanova.daria@urfu.ru

Ural Federal University named after the first President of Russia

B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Abstract. This article discusses the issues of language training of students of economic specialties in the age of digitalization in higher education. The definition of blended learning is given and the types of blended learning are presented. The author of the article believes that the flipped learning, as a type of blended learning, is the convenient technology for teaching a foreign language to students of non-linguistic specialties to practice intercultural business communication. The relevance of the application of the flipped learning technology in the context of studying foreign languages in higher education is related to the reduction of classroom hours for basic language training of students of economic training programs and the need to form general cultural competencies and general professional competencies in a foreign language. The specificity of the flipped learning technology is described, the pragmatic model IMAIP by M. Lebrun is analyzed. This model includes the following points: information, motivation, activity, interaction, presentation of results. The current approaches of the flipped learning are presented: competency-based approach, learner-centered approach, communicative approach and activity-oriented approach. For students of the educational program "Customs" a foreign language, in particular French, is the second foreign language after English. For professionally oriented teaching French, as a second foreign language we consider to use the flipped learning technology.

Keywords: flipped learning, professionally oriented education, blended learning, competency-based approach, digitalization, foreign language teaching.

For citation: Korneeva L.I., Zhdanova D.E. To the question of approaches of flipped learning in the implementation of professionally oriented foreign language training of Customs specialists. *Kazan Linguistic journal*. 2021; 4 (2): 287–301.

В настоящее время изучение иностранных языков является неотъемлемой частью подготовки студентов высших учебных заведений. Для будущих выпускников неязыковых профилей подготовки иностранный язык является средством профессионально-ориентированной коммуникации. Однако, несмотря на высокую потребность в компетентных специалистах, владеющих иностранным языком не ниже уровня B1 (Пороговый уровень), мы отмечаем, что количество аудиторных часов на базовую языковую подготовку в высших школах сокращается. Кроме того, в системе образования происходят существенные изменения, обусловленные цифровизацией. Внедрение в процесс обучения цифровых технологий обусловлено рядом трендов современного

обучения, таких как использование смешанного обучения, внедрение онлайн-обучения, реализация цифровой обучающей среды [8, с. 84]. Такие современные тенденции в образовании поднимают вопрос о том, как реализовать процесс обучения иностранному языку для студентов неязыковых специальностей в реалиях XXI века.

- **Смешанное обучение**

Одним из трендов в высшей школе является использование смешанного обучения при изучении иностранного языка. Понятие «смешанное обучение» возникло сравнительно недавно (2006 г.) и имеет несколько трактовок. Американский исследователь смешанного обучения К.Дж. Бонк (Curtis J. Bonk) понимает данный феномен как совмещение различных способов обучения, методов обучения, сочетания аудиторного и дистанционного видов обучения под непосредственным руководством преподавателя [17, с. 39]. М. Хорн (M. Horn) и Х. Скейтер (H. Skater) представляют более широкое определение и рассматривают смешанное обучение как «любую формальную образовательную программу, в рамках которой ученик прибегает, хотя бы частично, к онлайн-обучению с наличием элемента контроля времени, места, способа и темпа» [13, с. 62]. Российский исследователь в области смешанного обучения В.А. Фандей, представляет смешанное обучение в форме комбинации очного и дистанционного обучения, при том что одно из них будет являться основным в зависимости от выбранного типа смешанного обучения [15, с. 116]. В данном исследовании под смешанным обучением мы рассматриваем сочетание очного с онлайн-обучением на электронных образовательных платформах, когда часть аудиторной нагрузки перемещается в дистанционный формат.

Смешанное обучение – достаточно широкое понятие, предполагающее разные способы взаимодействия преподавателя и студентов, а также разное количество учебного времени, проведенного в цифровом пространстве. М. Хорн выделяет несколько его видов: гибкая модель (*flex model*), реверсивное обучение (*flipped classroom*), индивидуальная ротация (*individual rotation*),

ротация станций (*rotation station*), модель «меню» (*a la carte model*), расширенная виртуальная модель (*enriched-virtual model*) [14].

- ***Реверсивное обучение***

В контексте обучения студентов, для которых иностранный язык не является профильной дисциплиной, мы полагаем, что самым оптимальным типом смешанного обучения является реверсивное обучение. Реверсивное обучение является подтипом смешанного обучения, предполагает перестановку местами самостоятельной и аудиторной работы. При использовании реверсивного обучения при изучении иностранного языка обучающиеся в качестве домашнего задания выполняют «аудиторные задания»: записывание грамматических правил и новой лексики, чтение аутентичных текстов, выполнение части практических упражнений на закрепление пройденного материала. Таким образом, обучающиеся приходят на занятия по иностранному языку уже подготовленные и со сформированным представлением о том, какие темы будут изучаться в рамках занятия.

Вследствие того, что необходимый материал студенты проходят удаленно и с опережением, аудиторное время посвящено формированию и развитию навыков во всех видах деятельности (аудирование, чтение, письмо, говорение), а также формированию общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций на иностранном языке, исходя из профиля обучения. На данный момент понятие «реверсивное обучение» расширяется, понимание сути реверсивного обучения как «переворачивания» аудиторной и домашней видов работ не является исчерпывающим. М.Н. Дудина полагает, что благодаря активному использованию электронных образовательных ресурсов реверсивное обучение направлено на отбор возможного содержания предметной области, выбор адекватных технологий и критериев оценивания деятельности обучаемых [4, с. 285], а также оно способствует развитию креативной, созидательной деятельности обучающихся [3, с. 26].

Несмотря на достаточно гибкую структуру реверсивного обучения, существует 4 основных элемента, на которых оно базируется:

1. Создание гибкой обучающей среды с чередованием активных методов обучения в аудитории;
2. Студенты являются активными участниками образовательного процесса;
3. Грамотно структурированный материал между аудиторной и внеаудиторной нагрузкой;
4. Преподаватель – компетентный специалист, обладающий профессиональной, цифровой и методической компетенциями [19].

Кроме представленных элементов для успешной реализации реверсивного обучения необходимо соблюдение прагматической модели IMAIP, разработанной бельгийским технопедагогом М. Лебраном. Модель состоит из 5 составляющих:

1. **I** – Информация (обучающие электронные материалы, которые создает педагог для подготовки к занятию);
2. **M** – *Мотивация* (вовлечение студентов в учебный процесс);
3. **A** – *Активность* (активизация познавательной деятельности);
4. **I** – *Интеракция* (взаимодействие участников образовательной деятельности);
5. **P** – *Представление результатов* [18].

Полученная информация на самостоятельное опережающее изучение должна мотивировать на деятельность (выполнение заданий), в процессе аудиторного занятия должно происходить взаимодействие между преподавателем и студентом, а также студентами между собой, в том числе студенты представляют те знания, которые они освоили во время самостоятельной подготовки. Таким образом, преподавателю необходимо так спроектировать и презентовать учебный материал, чтобы вовлечь студентов в учебный процесс. В случае изучения иностранного языка студентами неязыковых специальностей, вопрос мотивации является ключевым.

Для студентов по направлению подготовки 38.05.02 «Таможенное дело» изучение двух иностранных языков (английского и французского яз.) является

обязательным. По завершении образовательной программы студентам необходимо иметь сформированные компетенции для осуществления делового общения на двух иностранных языках (английском и французском яз.). Согласно ФГОС ВО 3++ для вышеназванной образовательной программы студенты должны освоить как общекультурные компетенции (способность к коммуникации в устной и письменной формах на иностранном языке для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия (ОК-9)), так и сформировать общепрофессиональные компетенции (готовность выпускников вуза к иноязычной коммуникации для решения задач профессиональной деятельности (ОПК-2)) на иностранном языке [16].

Студенты данного направления изучают два иностранных языка, так как английский и французский являются официальными рабочими языками Всемирной таможенной организации (ВТамО) [2, с. 22] и официальными языками многих международных организаций, в частности, Организации Объединенных наций (ООН), Всемирной торговой организации (ВТО). При поступлении в вуз студенты не владеют французским языком (их исходный уровень – А0). За 4 семестра студентам необходимо сформировать иноязычную коммуникативную коммуникацию для осуществления делового общения, так как будущий специалист-таможенник должен быть готов к профессионально-ориентированной иноязычной коммуникации на французском языке.

Согласно Г.А. Михайловой, П.И. Образцову, О.Ю. Ивановой, основные составляющие процесса профессионально-ориентированного обучения иностранному языку строятся исходя из специфики будущей специальности. Применительно к направлению подготовки «Таможенное дело» к этим составляющим относятся:

- чтение специальных текстов;
- изучение тем по специфике работы таможенных органов для формирования и развития навыков устной речи;
- изучение экономической лексики;

- создание электронно-методического обеспечения для активизации изученного лексико–грамматического материала [9, с. 205], [11, с. 7].

Реверсивное обучение иностранному языку включает в себя несколько образовательных подходов, отвечающих за формирование и развитие необходимых общепрофессиональных и профессиональных компетенций на иностранном языке, способствующих активизации личности обучающихся и повышению мотивации студентов.

- ***Подходы реверсивного обучения***

Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (ФГОС ВО) опираются на *компетентностный подход* и содержат общекультурные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции для каждой программы. В отечественной педагогике основные положения компетентностного подхода отражены в работах А.М. Новикова, Э.Ф. Зеер, И.А. Зимней, Д.С. Ермакова, А.В. Хуторского, Е.Н. Солововой, Э.Э. Сыманюк, К.Э. Безукладникова, А.К. Маркова и др. И.А. Зимняя считает, что компетентностный подход – особая форма организации учебного процесса, для которой главной целью является формирование и развитие необходимых профессиональных компетенций и которая направлена на практикоориентированность образования [6].

При реализации компетентностного подхода приоритетным считается целеполагание и такие векторы как обучаемость, самоопределение, самоактуализация, социализация и развитие индивидуальности [5]. Все перечисленные пункты являются также важными положениями реверсивного обучения. Ввиду большого объема заданий на самостоятельную подготовку, студенты должны обладать большой степенью самоорганизованности и ответственности за свое обучение. Компетентностный подход также предполагает, что у будущего выпускника вуза за время учебы сформируются базовые, общекультурные, общепрофессиональные и профессиональные

компетенции, впоследствии позволяющие продемонстрировать и доказать свою компетентность и конкурентноспособность в профессиональной сфере.

Личностно-ориентированный подход основан на учете индивидуальных особенностей обучающихся, которые рассматриваются как активные участники образовательного процесса [10, с. 92]. Под индивидуальными особенностями понимаются способности, мотивы, цели и задачи, то есть те импульсы, которые движут студентами. Вопросами личностно-ориентированного обучения занимаются В.В. Серикова, И.С. Якиманская, С.Д. Полякова, М.Н. Скаткин, З.И. Васильева, В.В. Зайцева, Н.А. Алексеева и др. Личностно-ориентированное обучение предполагает достижение каждым обучающимся планируемых результатов, развитие его личностных качеств, навыков самостоятельного поиска информации и знаний в целях подготовки к будущей профессиональной жизни.

Согласно концепции вышеназванного подхода, главной целью обучения становится личность обучающегося, его потребности и потенциал. По мнению В.В. Серикова, личностно-ориентированное образование создает особые условия для полноценного проявления и развития личностных функций студентов [13, с. 27]. Таким образом, преподаватель создает благоприятную атмосферу для формирования и развития необходимых компетенций в рамках определенной специальности. Для студентов «цифрового поколения» использование ИКТ-технологий как в аудитории, так и на занятии – важные факторы, способствующие повышению интереса к изучаемому предмету.

К характеристикам личностно-ориентированного подхода при применении технологии реверсивного обучения мы можем отнести следующие пункты:

- организация субъект-субъектного взаимодействия между преподавателем и студентами;
- создание условий для личностного роста обучающегося;
- активизация деятельности студента;
- преподаватель выступает в качестве фасилитатора знаний [10, с. 92].

Для успешного функционирования такого подхода необходимо создание гибкой обучающей среды, и технология реверсивного обучения располагает всеми техническими возможностями для создания такой гибкой среды, направленной на формирование саморазвивающейся, способной к рефлексии и критическому анализу личности в современных условиях системы высшего образования.

Третьим подходом, определяющим реверсивную технологию обучения, ставящим в центр общения субъект-субъектную форму взаимодействия, аналогично с личностно-ориентированным подходом, является *коммуникативный подход*. Коммуникативный подход ориентирован на формирование у обучающихся «смыслового восприятия и понимания иностранного языка, а также овладение языковым материалом для построения речевых высказываний» [1, с. 64]. Исследования Е.И. Пассова, И.А. Зимней, И.Л. Бим, Л.Н. Голуб, С.Е. Зайцевой и др. наиболее полно отражают специфику коммуникативного подхода в преподавании иностранных языков. Целью коммуникативного подхода является овладение иностранным языком как средством общения. Данный подход демонстрирует свою актуальность при обучении студентов неязыковых направлений подготовки, в данном случае при обучении студентов-таможенников, когда ставится задача в подготовке за короткие сроки (4 семестра) обучающихся к овладению французским языком как средством делового общения на уровне не ниже А2 по Общеввропейской шкале оценивания уровня владения иностранным языком. Учебная деятельность при коммуникативном подходе направлена на развитие иноязычной коммуникативной компетенции, которая заключается в совокупности знаний о родной и иноязычной культурах, уместном и корректном использовании в речи профессиональной лексики, а также эффективное взаимодействие с иностранными коллегами в профессиональных целях [12, с. 149]. Для формирования необходимых компетенций на иностранном языке студентов таможенной службы данный подход является

важным звеном, ввиду того что до поступления в вуз студенты не изучали французский язык.

Завершающим подходом, формирующим концепцию реверсивной технологии, является деятельностно-ориентированный подход. Деятельностно-ориентированный подход (Л.И. Корнеева, Н.В. Альбрехт, А. Ридль, А. Шельтен и др.) предполагает обучение, ориентированное на деятельность, направленную на моделирование будущих профессиональных ситуаций посредством использования активных методов обучения [7, с. 12]. Данный подход заключается в активном применении полученных знаний на практике в рамках будущей профессиональной деятельности и рассматривает обучающихся как субъектов профессиональной деятельности, способных решать задачи в заданных условиях для формирования и развития профессиональных компетенций на иностранном языке [7, с. 122–123].

При деятельностно-ориентированном обучении студент осваивает иностранный язык как «рабочий инструмент» межкультурного делового общения, при этом мотивы изучения французского языка могут быть разными. Средством достижения цели выступает технология реверсивного обучения, применяя её, обучающиеся используют привычную для них цифровую среду. Результатом деятельностно-ориентированного подхода становится овладение иностранным языком для осуществления успешной профессиональной коммуникации в межкультурном пространстве.

На рисунке 1 схематично представлены условия и подходы, в контексте которых реализуется реверсивное обучение профессионально-ориентированному иностранному языку.

Обобщая вышеизложенное, мы приходим к следующим выводам. Согласно действующему федеральному государственному образовательному стандарту высшего образования 3-его поколения (ФГОС ВО 3++), в условиях цифровизации учебного пространства, вектора на смешанное обучение, сокращения аудиторных часов на изучение иностранного языка, необходимостью использования новых образовательных методик и технологий

для обучения «цифрового» поколения необходима современная образовательная технология. Такой технологией, на наш взгляд, может стать реверсивное обучение. Переставляя местами работу в аудитории и домашние задания, можно освободить аудиторное время для практических упражнений, направленных на формирование иноязычных навыков, общекультурных и общепрофессиональных компетенций на иностранном языке. В современных реалиях при обучении иностранному языку студентов-таможенников, для которых иностранный язык является инструментом делового общения, мы считаем необходимым использование технологии реверсивного обучения.

Рис. 1. Реверсивное обучение в контексте профессионально-ориентированной иноязычной подготовки

Список литературы

1. Голуб Л.Н. Коммуникативный подход в обучении языка. *Вестник Брянской государственной сельскохозяйственной академии*. 2017. №4(62). С. 63–66.
2. Гребенников А.В. Всемирная таможенная организация в международном таможенном праве. Минск: Белматожсервис. 2012. 64 с.

3. Дудина М.Н. Педагогическая акмеология: теория и практика реверсивного обучения. *Акмеология профессионального образования*. 2019. С. 25–29.
4. Дудина М.Н. Реверсивное обучение истории: теория и практика. *Историко-педагогические чтения*. 2019. №23. С.280–285.
5. Зеер Э.Ф. Компетентностный подход к образованию. *Образование и наука*. 2005. №3. С. 27–40.
6. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов. 2004. 42 с.
7. Корнеева Л.И., Шельтен А. Основные дидактические аспекты повышения квалификации преподавателей (Россия и Германия: сравнительный анализ): учебник. Екатеринбург: УрФУ. 2012. 323 с.
8. Минина В.Н. Цифровизация высшего образования и ее социальные результаты. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2020. Т. 13. № 1. С. 84–101.
9. Михайлова Г.И. Обучение иностранному языку в неязыковых вузах в рамках компетентностного подхода. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. №9-2 (63). С. 204–207.
10. Новиков А.М. Педагогика: словарь системы основных понятий. М.: Издательский центр ИЭТ. 2013. 268 с.
11. Образцов П.И., Иванова О.Ю. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов: учеб. пособие. Орел: ОГУ. 2005. 158 с.
12. Сергеева Н.Н. Иноязычная коммуникативная компетенция в сфере профессиональной деятельности: модель и методика развития. *Педагогическое образование в России*. 2014. №6. С.147–150.
13. Сериков В.В. Образование и личность. Теория и практика проектирования пед. систем. М.: Издательская корпорация «Логос». 1999. 272 с.

14. *Стейкер Х., Хорн М.* Смешанное обучение: Использование прорывных инноваций для улучшения школьного образования. Сан-Франциско: Jossey-Bass, 2015. 343 с.
15. *Фандей В.А.* Смешанное обучение: современное состояние и классификация моделей смешанного обучения [Электронный ресурс]. // URL: <https://docplayer.ru/28014266-Smeshannoe-obuchenie-sovremennoe-sostoyanie-i-klassi-fikaciya-modeley-smeshannogo-obucheniya.html> (дата обращения: 18.05.2021).
16. ФГОС ВО по направлению подготовки 38.05.02 «Таможенное дело» [Электронный ресурс]. // URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvospec/380502.pdf> (дата обращения: 27.05.2021).
17. *Bonk C.J.* The Handbook of Blended Learning: Global Perspectives, Local Designs. San Francisco: Pfeiffer. 2006. 624 p.
18. *Lebrun M.* 5 facettes pour construire un dispositif hybride: du concret! [Электронный ресурс]. // URL: <http://lebrunremy.be/WordPress/?p=579> (дата обращения: 24.05.2021).
19. What is flipped learning? [Электронный ресурс]. // URL: https://flippedlearning.org/wp-content/uploads/2016/07/FLIP_handout_FNL_Web.pdf (дата обращения: 04.05.2021).

References

1. *Golub L. N.* (2017). Communicative Approach in Teaching. *Vestnik of the Buryat State Academy of Agriculture named after V.R. Philippov.* (4 (62)), 63–66. (In Russian)
2. *Grebennikov A.V.* (2012). *Vsemirnaya tamozhennaya organizatsiya v mezhdunarodnom tamozhennom prave.* Minsk: Belmatozhservis. 64 s. (In Russian)
3. *Dudina M. N.* (2019). Pedagogical acmeology: theory and practice of reverse teaching. *Akmeologiya professional'nogo obrazovaniya.* P. 25–29. (In Russian)
4. *Dudina M.N.* (2019) Reversivnoe obuchenie istorii: teoriya i praktika. *Istoriko-pedagogicheskie chteniya.* (23). 280–285. (In Russian)

5. Zeer E.F. (2005). Kompetentnostnyi podkhod k obrazovaniyu. *Obrazovanie i nauka*. (3). P. 27–40. (In Russian)
6. Zimnyaya I.A. (2004). Klyuchevye kompetentnosti kak rezul'tativno-tselevaya osnova kompetentnostnogo podkhoda v obrazovanii. M.: Issledovatel'skii tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov. 42 p. (In Russian)
7. Korneeva L.I., Shel'ten A. (2012). Osnovnye didakticheskie aspekty povysheniya kvalifikatsii prepodavatelei (Rossiya i Germaniya: sravnitel'nyi analiz): uchebnik. Ekaterinburg: UrFU. 323 p. (In Russian)
8. Minina V.N. (2020). Tsifrovizatsiya vysshego obrazovaniya i ee sotsial'nye rezul'taty. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*. (1), 84–101. (In Russian)
9. Mikhailova G. I. (2016). Teaching a foreign language in non-linguistic schools of higher education in the framework of competence approach. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*. (1), 84–101. (In Russian)
10. Novikov A.M. (2013). Pedagogika: slovar' sistemy osnovnykh ponyatii. M.: Izdatel'skii tsentr IET. 268 p. (In Russian)
11. Obratsov P.I., Ivanova O.Yu. (2005). Professional'no-orientirovannoe obuchenie inostrannomu yazyku na neyazykovykh fakul'tetakh vuzov: ucheb. posobie. Orel: OGU. 2005. 158 p. (In Russian)
12. Sergeeva N. N. (2014). Foreign language communicative competence in the field of professional activity: model and methods of development. *Pedagogical Education in Russia*. (6), 147–150. (In Russian)
13. Serikov V.V. (1999). Obrazovanie i lichnost'. Teoriya i praktika proektirovaniya ped. sistem. M.: Izdatel'skaya korporatsiya «Logos». 272 p. (In Russian)
14. Horn M., Skater H. (2015). Blended. San-Francisco: Jossey-Bass. 343 p. (in English)
15. Fandei V.A. (2011). Smeshannoe obuchenie: sovremennoe sostoyanie i klassifikatsiya modelei smeshannogo obucheniya // URL: <https://docplayer.ru/28014266-Smeshannoe-obuchenie-sovremennoe-sostoyanie-i->

klassi-fikaciya-modeley-smeshannogo-obucheniya.html (accessed: 18.05.2021)

(In Russian)

16. FGOS VO po napravleniyu podgotovki 38.05.02 «Tamozhennoe delo» // URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvospec/380502.pdf> (accessed: 24.05.2021)

(In Russian)

17. Bonk C. J. (2006). The Handbook of Blended Learning: Global Perspectives, Local Designs. San Francisco: Pfeiffer. 624 p. (in English)

18. Lebrun M. 5 facettes pour construire un dispositif hybride: du concret! // URL: <http://lebrunremy.be/WordPress/?p=579> (accessed: 24.05.2021) (in French)

19. What is flipped learning? // URL: https://flippedlearning.org/wp-content/uploads/2016/07/FLIP_handout_FNL_Web.pdf (accessed: 04.05.2021)

(in English)

Авторы публикации

Корнеева Лариса Ивановна –
доктор педагогических наук, профессор
Уральский федеральный университет
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: l.i.korneeva@urfu.ru

Жданова Дарья Евгеньевна –
преподаватель кафедры иностранных
языков и перевода
Уральский федеральный университет
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: zhdanova.daria@urfu.ru

Authors of publication

Korneeva Larisa Ivanovna –
Doctor of Pedagogics, Professor
Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia
E-mail: l.i.korneeva@urfu.ru

Zhdanova Daria Evgenievna –
Lecturer of the Department of Foreign
Languages and Translation
Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia
E-mail: zhdanova.daria@urfu.ru

Поступила в редакцию: 29.04.2021

Принята к публикации: 2.06.2021

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 81.33

DOI: 10.26907/2658-3321.2021.4.2.302-318

ДИДАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРАНСЛАТОЛОГИЧЕСКОГО ТРИЛИНГВИЗМА

И.С. Алексеева¹, А.В. Бояркина¹, К.О. Просюкова², С.С. Тахтарова²
i.s.alexeeva@gmail.com

¹*РАО, РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия*

²*Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия*

Аннотация. В эпоху экстремально быстрых интеллектуальных и социальных перемен расширяется роль транслатологического трилингвизма как в транскультурном взаимодействии, так и в обучении языку и переводу. На сегодняшний день исследователи закрепили за трилингвизмом статус особой формы многоязычия, в которой отражен механизм становления языковой и социальной личности, обладающий безграничным педагогико-психологическим и дидактическим потенциалом. В статье раскрывается степень изученности трилингвальных практик как в России, так и за рубежом, а также потенциал их внедрения в образовательный процесс. Помимо педагогического применения узувального трилингвизма, где четко просматривается антропологическая составляющая, учитываются социоллингвистические и социокультурные моменты, существует сфера культуры, где трилингвизм складывается из поэтапного бытования одного и того же текста на трех разных, то есть художественный перевод, где осуществляется перенесение произведений художественной литературы с одного языка на другой через язык-посредник, где важное значение приобретает концепция продуктивной роли русского языка в формировании фонда переводной мировой литературы на языки народов России. В работе делаются предположения об использовании трилингвальной модели для расширения функций искусственного интеллекта. В качестве примера продуктивного дидактического применения трилингвизма анализируется магистерская программа «Теория перевода, межкультурная и межъязыковая коммуникация», реализуемая в Казанском федеральном университете, а также дополнительные программы и семинары в Санкт-Петербурге и Алматы; делаются выводы об эффективности трилингвистической модели и проблемах, связанных с разработкой и внедрением трехвекторных методических комплексов.

Ключевые слова: трилингвизм, образовательный процесс, язык-культурный посредник, русский язык, языки народов РФ, художественный и устный перевод, трехвекторный методический комплекс.

Для цитирования: Алексеева И.С., Бояркина А.В., Просюкова К.О., Тахтарова С.С. Дидактика перевода и трилингвизм: новый потенциал. *Казанский лингвистический журнал*. 2021; 4 (2): 302–318.

DIDACTIC ASPECTS OF TRANSLATOLOGICAL TRILINGUISM

I.S. Alekseeva¹, A.V. Boyarkina¹, K.O. Prosyukova², S.S. Takhtarova²

i.s.alexeeva@gmail.com

¹*Russian Academy of Education, Herzen University, Saint-Petersburg, Russia*

²*Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia*

In the era of extremely rapid intellectual and social transformations the role of translatoological trilingualism is expanding in both cross-cultural interaction and teaching languages and translation studies. To date, researchers have assigned to trilingualism the status of a special form of multilingualism, which reflects the mechanism of the formation of a linguistic and social personality, which has unlimited pedagogical, psychological and didactic potential. The article reveals the available studies on trilingualism both in Russia and abroad, as well as the potential for their implementation in the educational process. In addition to conventional trilingualism that covers the anthropological, sociolinguistic and sociocultural components, there is another field where trilingualism is characterized by presence of the same text in three languages – that is the field of literary translation that deals with transferring a work of fiction from one language into another language through an intermediary one. Thus, the role of the Russian language as a cultural mediator assisting in translation of the world literature into the languages of the peoples of Russia is increasing. The authors assume application of the trilingual model to expand the functions of AI. The Master's programme on "Theory of Translation Studies, Cross-cultural and Cross-lingual Communication", implemented at Kazan Federal University, as well as the extra-curriculum educational courses and programmes being taught in Saint-Petersburg and Almaty, adduce evidence of both their efficiency and problems associated with introduction of three-vector methodological complexes.

Keywords: trilingualism, educational process, language as a cultural mediator, Russian language, languages of the peoples of Russia, literary and oral translation, three-vector methodological complex.

For citation: Alekseeva I.S., Boyarkina A.V., Prosyukova K.O., Takhtarova S.S. Translation didactics and trilingualism: the educational potential. *Kazan Linguistic Journal*. 2021; 4(2): 302–318. (In Russ.)

Введение

Перевод приобретает особое значение в эпоху экстремальных явлений, когда устная и письменная коммуникация между языками становится критически важной и обеспечивает как быстроту реагирования, так и эффективность решений.

При этом к экстремальным явлениям мы причисляем не только глобальные катастрофы, такие как природные катаклизмы и пандемии, но и бурный технический прогресс, который привел к взрывообразному увеличению объема информации и скорости обмена ею. Экстремальные перемены вызвало и изобретение искусственного интеллекта,

и распространение технологий машинного перевода. Экстремальной ситуацией является в таком случае мера неожиданности, мера готовности и объем нового.

Все упомянутое привело к необходимости внесения инноваций в преподавание устного и письменного перевода в современную эпоху, предполагающую особый уровень устойчивости и гибкости обучения.

1. Феномен трилингвизма и его применение

1.1. Понятие трилингвизма в XXI веке

Изучение трилингвизма в XXI веке, по-видимому, является проявлением постепенного преодоления бытовавших долгое время представлений о вреде интерференции нескольких языков в процессе их изучения. Мировая глобализация, сопровождающаяся уменьшением количества монолингвальных сообществ и монолингвальной речевой среды и увеличением числа полилингвальных сообществ, где нет гегемонии какого-либо одного языка, в корне изменила и восприятие интерференции, и оценку векторов языкового развития. В частности, практически исчез пуризм, то есть борьба за чистоту языка и изгнание иноязычных слов. Разумеется, сыграла роль и замена жесткого языкового регулирования на его рекомендательный характер, и широкий демократизм пользования языками во всех информационных средах, которые сопровождают жизнь современного человека, например, мобильная связь, Интернет и др.

Исследователь М.М. Фомин, на труды которого ссылаются многие ученые, считает трилингвизм вариантом многоязычия [8]. Его также упоминают в варианте «триглоссия» [7; 8] авторы статей, посвященных обучению английскому языку в многоязычной вузовской среде Республики Татарстан. Формулируя свою позицию по поводу многоязычия, исследователи трактуют его «как знание более трех языков» [Там же].

Среди первых российских ученых, всерьез рассматривающих трилингвизм, – представительница Волгоградской исследовательской школы Л.Г. Фомиченко [9], которая посвящает свое исследование проблеме

просодического акцента в англоязычной речи трилингвов, концентрируясь на лингвистических проявлениях трилингвизма.

В сферу внимания исследователей в последние годы попадает прежде всего дидактический потенциал трилингвизма. Среди научных и методических работ есть статьи, где авторы придерживаются позиции объективного наблюдателя [А.-Ф. Эктор, Товар-Гарсиа, Э. Деметрио] [1]. Среди работ педагогической направленности отметим статью О.Н. Ивановой и В.П. Старостина [Иванова/Старостин 2018], поскольку в ней рассматривается конкретная ситуация обучения в условиях трилингвизма: исходно они билингвы (якутский/русский), а с основным иностранным языком становятся трилингвами. Авторы выявляют дополнительные дидактические возможности обучения билингва иностранному языку и делают вывод о необходимости дальнейших исследований, как и упомянутые Д.Р. Сабирова и И.Г. Кондратьева.

Внимания также заслуживает статья А.Н. Лихачевой [6], в которой рассматривается как лингвистическая суть трилингвизма, так и его дидактическое применение.

Если говорить о научной разработке темы трилингвизма в других странах, то можно констатировать, что первые публикации о ней появились еще в начале XXI века, и традиционно они посвящены детскому трилингвизму. Прежде всего отметим масштабную монографию Шарлотты Хоффманн и Йеханнеса Йистмы [14], где описаны в лицах трилингвы со всех континентов мира. Оба автора имеют целый ряд отдельных публикаций. Ш. Хоффманн пишет о детском трилингвизме как особом пути освоения мира, о трилингвальных компетенциях и др. Йеханнес Йитсма анализирует трилингвальное школьное образование во Фрисландии. Оба автора стараются создать объективную картину социума с участием трилингвов.

Также следует упомянуть ряд работ, где на обширном материале делаются выводы о том, что трилингвальные дети приобретают несколько монолингвальных стратегий и успешно совершенствуются во всех трех языках

[см. 13, 11]. Аргументированно показывается также, что семья важнее для формирования трилингвальных умений, чем детский сад и школа [см. 12].

Итак, исследователи признают за трилингвизмом статус особой формы многоязычия, видят в нем механизм становления языковой и социальной личности, используют и моделируют его педагогико-психологический и дидактический потенциал. Мы, однако, хотели бы обратить внимание еще на одну разновидность трилингвизма, которая остается вне сферы общего внимания и нуждается в более детальной разработке.

1.2. Трилингвизм в художественном переводе. К постановке проблемы.

До сих пор исследователи сосредотачивали преимущественное внимание на трилингвизме в аспекте специфики речевой практики носителей трех языков одновременно с точки зрения узуального понимания данного термина.

Но есть такая сфера культуры, где трилингвизм как термин приобретает и неузуальную семантику, поскольку складывается из поэтапного бытования одного и того же текста на трех разных языках. Эта сфера – художественный перевод, то есть перенесение произведений художественной литературы с одного языка (Я1) на другой язык (Я2) через язык-посредник (Я3). Именно наличие Я3 делает этот алгоритм трилингвальным. Вместе с тем в привычное понятие «язык-посредник» функция культурного медиатора не входит.

В XXI веке пришла пора пересмотреть прежнее ролевое распределение живых языков в межкультурной коммуникации. Исследования в рамках новых научно-исследовательских парадигм позволяют создавать сегодня широкую матрицу оптимальных сценариев применения живых языков. При этом существенно переосмысливается сегодня роль доминантных когда-то языков, к которым относится в том числе русский.

В истории человечества подобную роль играла на протяжении всего Средневековья латынь, а в эпоху Просвещения – французский язык. Русский язык на протяжении всего XX века служил не просто промежуточным, передаточным звеном, но содействовал становлению фондов мировой литературы разных народов и на разных языках, предлагая уже проверенные,

лучшие произведения разных жанров, создавая предварительный этап первичного отбора, воспитывая тонкий литературный вкус, распространяя гуманитарные ценности.

Интенсивная культурная «работа» русского языка приходится как на времена СССР, так и на постсоветский период; она неизбежно пригодится и в будущем, являя собой готовый инструмент снятия конфликтов перед лицом больших вызовов человечества, инструмент снятия рисков, порождаемых недостаточным гуманитарным осмыслением быстрого технологического и информационного прогресса. Здесь остро необходимо своего рода культурно-лингвистическое моделирование, обеспечивающее готовность страны к большим вызовам. Оно позволит впоследствии перенести выявленную модель на другие языковые пары культурного посредничества, такие как, например, английский-русский-киргизский или английский-русский-узбекский.

При всем обилии исследований по вопросам культурного взаимодействия (достаточно упомянуть чрезвычайно важную сегодня научную школу В.В. Кабакчи по интерлингвокультурологии [4]), в частности в сфере художественного перевода, понятие «язык-посредник» рассматривалось в истории литературы и культуры обычно как необходимое зло, а не как источник дополнительных культурных интенций.

При этом выявление роли русского языка как культурного посредника в формировании фонда переводной мировой литературы на языки России и культурно-лингвистическое моделирование этого процесса – область, научное освоение которой даст человечеству новый уровень антропологического самоосмысления. Такая модель вполне может оказаться ценной для расширения функций искусственного интеллекта, который, создавая алгоритмы машинного перевода, будет пользоваться трилингвальной моделью, где Я1 и Я3 – языки с большим объемом данных, а в Я2 переводческие решения будут приниматься с учетом переводческого опыта Я3.

Что же касается возможностей дидактического применения трилингвальной модели, то сама идея языка-посредника иногда реализуется

в мастерских художественного перевода. В качестве примера может служить большой семинар 2013 под эгидой Гёте-института для 30 переводчиков немецкой литературы на казахский, киргизский, узбекский и туркменский языки, организованный в Алматы (Казахстан) двумя переводчицами – Розмари Титце (ФРГ) и Ириной Алексеевой (Россия), где русский язык не только был основным средством общения, но все переводили немецкие художественные тексты сначала на русский язык (именно как на язык-культурный посредник!), обсуждали вместе стилистические особенности и прочие трудности оригинала, а затем разбивались на группы по финальным языкам перевода и обсуждали уже перевод с русского на свои языки.

1.3. Трилингвизм в подготовке переводчиков.

Чтобы говорить о методическом потенциале трилингвизма при подготовке переводчиков, следует провести разграничительную линию между двумя видами трилингвизма: а) билингв (2 языка А), переводящий с/на иностранный язык В и б) монолингв (1 язык А), переводящий на 2 иностранных языка (В и С).

В первом случае переводчик может обучаться техническим приемам перевода на паре языков А1 – В, а затем на практике самостоятельно перенести освоенные им технические приемы на пару языков А2 – В. Именно такой эксперимент был поставлен в Санкт-Петербургской высшей школе перевода в 2014-15 гг. дважды, когда по особой программе в школе полный годичный курс проходили студенты из Казахстана (всего за 2 года 11 человек). Все они были билингвами, и, приступив после обучения к работе в МИД Республики Казахстан, перенесли свои умения на второй язык А (казахский). Именно этим вариантом можно пользоваться в тех регионах России, где практикуется билингвизм.

Второй вариант существует по всему миру в практике обучения переводчиков, где одновременно осваивается перевод с двух и на два иностранных языка, и это в университетах мира сейчас обычная практика. В этом случае на перевод с иностранным языком В (по международным

правилам – это язык активной коммуникации, он же первый иностранный в России) приходится больше часов практических занятий, поэтому некоторые навыки студенты осваивают на паре языков А-В, а затем переносят эти навыки на пару языков А – С (язык пассивной коммуникации, или второй иностранный). Например, так осваивается переводческая скоропись.

Итак, трилингвизм – весомый бонус в освоении устного перевода. Думается, что аналогичным образом можно обучать и письменных переводчиков.

2. Трилингвизм как частный случай мультилингвизма в обучении магистрантов-иностранцев в КФУ

Частный пример трилингвизма можно рассмотреть на примере магистерской программы «Теория перевода, межкультурная и межъязыковая коммуникация», которая реализуется по направлению «Лингвистика» в Высшей школе иностранных языков и перевода Казанского (Приволжского) федерального университета с 2014 года.

Первый набор студентов на программу осуществлялся в соответствии с общей концепцией традиционной подготовки переводчиков в вузах РФ: все поступившие студенты были носителями русского языка и ранее получили степень бакалавра лингвистики. Однако уже следующий набор определил иную тенденцию – рост интереса к магистерской программе среди международных студентов, что обусловило необходимость пересмотреть существующую концепцию подготовки переводчиков. Был разработан новый подход к обучению магистрантов-иностранцев с опорой на базовые принципы:

- концепция трилингвизма «родной – русский – английский» языки, где русский язык выступает языком-посредником в целях развития переводческих компетенций;

- работа в смешанных группах, где студенты не объединены по принципу единого родного языка (сейчас в одной академической группе одновременно обучаются студенты-носители китайского, арабского, французского, курдского и вьетнамского языков);

- обучение не языку, а переводу: в условиях трилингвизма, когда и русский, и английский языки не являются для обучаемых родными, существует объективный риск, что образовательный процесс может быть сведён к обучению языкам, что противоречит цели и задачам магистерской программы. По этой причине основополагающей была идея об **обучении языку посредством обучения переводу**, что предполагает смещение акцента на развитие переводческих компетенций, таких как владение методикой предпереводческого анализа текста, способность осуществлять письменный перевод с соблюдением норм лексической эквивалентности, соблюдением грамматических, синтаксических и стилистических норм, владение навыками стилистического редактирования перевода, в том числе художественного и т.д.

Дальнейшее развитие представленной методико-дидактической модели с включением в неё тех элементов транслатологического трилингвизма направлено в конечном итоге на подготовку переводчика как полилингвальной и мультикультурной личности со сформированными ценностными установками по отношению к родной культуре и родному языку и пониманием важности их сохранения для последующих поколений.

Для апробации данной дидактической модели в настоящее время разрабатывается программа подготовки переводчиков, которая должна стать инновационной образовательной экосистемой, построенной на принципах персонализированного, компетентностно- и проектно-ориентированного обучения. Образовательная транслатологическая экосистема, в основу которой положен новаторский матричный принцип Санкт-Петербургской высшей школы перевода, включает в себя ядерный кластер матрицы, обязательный для освоения всеми студентами и занимающий максимальный объем учебной нагрузки на первых двух курсах программы, а также кластеры профильной среды, включающие в себя курсы по различным видам и аспектам перевода и предлагаемые в качестве вариативных кластеров после освоения ядерного компонента матрицы. Наряду с указанными компонентами образовательной матрицы в процессе всего периода обучения студенты смогут самостоятельно

выбирать факультативные модули, направленные на углубление переводческих или других, например, «гибких/мягких» компетенций, а также на расширение знаний в отдельных предметных областях. В качестве обязательного компонента данной образовательной экосистемы предполагается включение Модуля интерактивной интерлингвокультурологии (В.В.Кабакчи).

Для студентов-билинггов планируется дополнительная вариативная траектория, направленная на развитие переводческих компетенций в системе русский + татарский + 2 иностранных языка. Обязательным условием при поступлении на этот транслатологический кластер будет являться высокий уровень владения татарским языком. Потенциальными абитуриентами этого кластера смогут стать, в частности, выпускники полилингвальных школ проекта «Адымнар – путь к знаниям и согласию». Этот проект создания сети полилингвальных образовательных комплексов, инициированный Государственным советником РТ Минтимером Шаймиевым, реализуется в Татарстане с 2019 года (<https://tatarstan.ru/index.htm/news/1816937.htm>).

Описанная образовательная транслатологическая экосистема позволит, на наш взгляд, обеспечить подготовку будущих специалистов-переводчиков к работе в условиях постоянно меняющегося мира, повысить их профессиональную адаптивность и гибкость.

3. Билингвизм и трилингвизм в обучении переводчиков художественной литературы

Переводческие компетенции в области перевода художественной литературы предполагают широкий спектр знаний в различных областях, причем основными компетенциями оказываются профессиональная, фоновая [10], текстообразующая, коммуникативная, техническая, личностные характеристики переводчика [5] и некоторые другие. Билингвизм и трилингвизм при переводе художественной литературы в этом смысле имеет свои преимущества и недостатки.

С одной стороны, билингвы и трилингвы являются носителями нескольких языков, и в ситуации перевода это означает, что важнейшая

проблема – понимание исходного текста – оказывается решенной. Особенно ценно при этом то, что лингвокультурные компоненты текста не требуют дополнительной расшифровки. Однако это не обеспечивает автоматически способности переводить. Часто именно у мультилингвов проблема нахождения эквивалента является особенно острой, так как при использовании языков они не переводят, а переключаются и это не всегда способствует скорости перевода. Кроме того, один из языков может быть ведущим и иметь большее влияние на все остальные. Межъязыковая интерференция в билингвальной и трилингвальной среде может проявляться как в одном языке, так и в других.

При анализе переводов художественных текстов, осуществленных переводчиками-билингвами/трилингвами (переводческие семинары Стратегического центра развития переводческого образования в России 2017–2020 в Якутии, Бурятии, Туве, Чувашии, Татарстане) выяснилось, что смысловые ошибки, связанные с пониманием исходного текста, практически не встречались. Но вот на уровне оформления результата перевода можно выделить несколько основных категорий ошибок [2, 10]): нарушение нормы и узуса языка (орфографические/ пунктуационные/ грамматические ошибки, нарушение стилистических норм, неточная передача авторской оценки); прагматические ошибки (ошибки при передаче коммуникативного задания); фактические ошибки; переводческие проблемы, связанные с передачей сочетаемости и неточностью при выборе вариантных соответствий; использование просторечного синтаксиса; ошибки при выборе управления; неровность стиля и т.д.

Большинство ошибок можно объяснить межъязыковой интерференцией. Следующие примеры иллюстрируют наиболее частотные проблемы:

- контаминация образных выражений: *голыми руками его не победишь; да, судьба как одарит некоторых, так одарит всем лучшим по высшей мере;*

- неточность в выборе вариантного соответствия: *а сам присел на имитированную табуретку; кроме костра, который издавал щелчки;*

- выбор глагола: *огромные торбаса **вылетели** из ее ног; ему только-только **начался грезиться** чудесный сон;*

- выбор вида глагола: *муравей медведя **побеждал**; и вдруг с высокой горы, и без того пугающей видом нас, что-то с грохотом **падало**; мы как-то наловчились **поймать** уток без промаха; при ударе с высоты со взмахом шест издавал свистящий звук, к тому времени утка **успевала уклоняться** и быстро ускользала.*

- управление: *прицелился, но лось был от меня в большом расстоянии испугавшись **от** моего шума, утки разлетелись в разные стороны; я, что, должна была преградить путь собой **перед** двумя мужчинами?*

а также согласование по роду, числу, порядок слов, отсутствие подлежащего.

Таким образом, важнейшее преимущество переводчиков-билингвов/трилингвов – знание нескольких языков на уровне носителя – не может, к сожалению, отвечать всем необходимым требованиям к переводчику художественных текстов. Кроме того, именно этой категории переводчиков необходимо постоянно активизировать свой “нерабочий/неосновной” родной язык, активно противодействовать межъязыковой интерференции (бороться с макаронической лексикой в речи, устранять несовпадение в структуре грамматического значения в системе языка), удерживать в активном состоянии лингвокультурную компетенцию.

Выводы

Дидактический потенциал как трилингвизма, так и мультилингвизма еще далеко не исчерпан. Выяснилось, что в среде трех активных языков каждый монолингвальный вектор может поддерживать другие два вектора, обеспечивая культурный обмен и транслируя культурные ценности (трилингвизм в художественном переводе), поддерживая и развивая навыки, приобретенные в рамках двух других языков (трилингвизм в подготовке переводчиков), создавая трехвекторный методический комплекс (при обучении билингвов

иностранному языку), создавая модель для искусственного интеллекта (пока это лишь наша гипотеза).

Диапазон методических задач, решаемых с помощью трилингвизма, разумеется, значительно шире.

Авторы видят перспективу для дальнейших исследований как в концептуальной разработке обучающих модулей, основанных на три- и мультилингвизме, так и в создании тренинговых комплексов для переводчиков-трилингвов в регионах России.

Список литературы

1. Алоси-Фонт Э., Товар-Гарсиа Э. Д. Трилингвизм, билингвизм и образовательные достижения на примере чувашского и татарского языков в сельском регионе России. *Вопросы образования*. 2018. № 3. С. 8–35.
2. Бузаджи Д.М., Гусев В.В., Ланчиков В.К., Псурцев Д.В. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок. М.: Всероссийский центр переводов научно-технической литературы и документации, 2009. 120 с.
3. Дилдабекова А.К. Русский как язык-посредник в процессе перевода с казахского на другие языки. *Вестник Российского университета дружбы народов*. 2017. Т.8, № 4. С.1228–1236.
4. Кабакчи В.В. Англоязычное описание русской культуры. М.: Издательский центр «Академия», 2009. 224 с.
5. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: учеб. пособие. М.: ЭТС, 2002. 424 с.
6. Лихачева А.Н. Трилингвизм как языковой феномен и методический прием формирования учебно-познавательной деятельности учащихся при обучении второму иностранному языку: психолого-педагогический аспект. *Мир науки. Педагогика и психология*, 2020. No2. // URL: <https://mir-nauki.com/PDF/80PDMN220.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

7. Сабирова Д.Р., Кондратьева И.Г. Обучение иностранным языкам в условиях билингвизма и многоязычия. *Сборник научных трудов «Иностранные языки в современном мире»*. Казань, 2020.
8. Фомин М.М. Обучение иностранному языку в условиях многоязычия (двоязычия). М.: Мир книги. 1998. 213 с.
9. Фомиченко Л.Г. Билингвизм и трилингвизм сходства и различия. *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 2: Языкознание. 2005. С. 96–100.
10. Шевнин А.Б. Переводческая эрратология: новый взгляд на описание концептуальной и языковой картины мира. *Теория и практика перевода и профессиональной подготовки переводчиков: устный перевод*. 2008. С.209–214.
11. Academic.ru // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/155443/%D0%AF%D0%B7%D1%8B%D0%BA>
12. Arnaus-Gil L., Müller N., Sette N. & Hüppop M. Active bi- and trilingualism and its influencing factors. *International Multilingual Research Journal*. Volume 15, 2021. Issue 1. // URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/19313152.2020.1753964?journalCode=hmrj20>
13. Engel Ch., Birgit Menzel B. (Hrg.) *Kultur und / als Übersetzung*. Berlin: Frank&Timme, 2011. 344 s.
14. Hoffmann Ch., Ytsma J. Trilingualism in Family, School and Community. *Multilingual Matters*. 2003. DOI: <https://doi.org/10.21832/9781853596940>
15. Poeste M., Müller N., Arnaus-Gil L. Code-mixing and language dominance: bilingual, trilingual and multilingual children compared // *International Journal of Multilingualism* Volume 16, 2019. Issue 4. // URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14790718.2019.1569017>

References

1. Alòs i Font H., Tovar-García E.D. (2018). Trilingualism, Bilingualism and Educational Achievements: The Case of Chuvash and Tatar in Rural Russia. *Voprosy obrazovaniya*. № 3. P. 8–35. (In Russian)
2. Buzadzhi D.M., Gusev V.V., Lanchikov V.K., Psurtsev D.V. (2009). *Novyi vzglyad na klassifikatsiyu perevodcheskikh oshibok*. M.: Vserossiiskii tsentr perevodov nauchno-tekhnicheskoi literatury i dokumentatsii. 120 p. (In Russian)
3. Dildabekova A.K. (2017). Russian as the interim language in the process of transfer Kazakh to other languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1228–1236. (In Russian)
4. Kabakchi V.V. (2009). *Russian Culture Through English*. M.: Izdatel'skii tsentr «Akademiya». 224 p. (In Russian)
5. Komissarov V.N. (2002). *Modern translation studies*. Moscow, ETS Publ. 424 p. (In Russian)
6. Likhacheva A.N. (2020). Trilingualism as a linguistic phenomenon and methodical reception of students' educational and cognitive activity formation in teaching the second foreign language: psychological and pedagogical aspect. *World of Science. Pedagogy and psychology*, [online] 2(8). // URL: <https://mir-nauki.com/PDF/80PDMN220.pdf>. (In Russian)
7. Sabirova D.R., Kondrateva I.G. (2020). Foreign language education bilingualism and multilingualism. *Collection of scientific works "Foreign languages in the world"*. Kazan. (In Russian)
8. Fomin M.M. (1998). *Obuchenie inostrannomu yazyku v usloviyakh mnogoyazychiya (dvuyazychiya)*. M.: Mir knigi. 213 p. (In Russian)
9. Fomichenko L.G. (2005). Bilingvizm i trilingvizm skhodstva i razlichiya. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya 2: Yazykoznanie. P. 96–100. (In Russian)

10. Shevnin A.B. (2008). *Perevodcheskaya erratologiya: novyi vzglyad na opisanie kontseptual'noi i yazykovoï kartiny mira. Teoriya i praktika perevoda i professional'noi podgotovki perevodchikov: ustnyi perevod*. P.209–214. (In Russian)
11. Academic.ru // URL:
<https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/155443/%D0%AF%D0%B7%D1%8B%D0%BA>
12. Arnaus-Gil L., Müller N., Sette N. & Hüppop M. (2021). Active bi- and trilingualism and its influencing factors. *International Multilingual Research Journal*. Volume 15. Issue 1. // URL:
<https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/19313152.2020.1753964?journalCode=hmrj20> (In English)
13. Engel Ch., Birgit Menzel B. (Hrg.) (2011). *Kultur und / als Übersetzung*. Berlin: Frank&Timme. 344 s. (In German)
14. Hoffmann Ch., Ytsma J. (2003). *Trilingualism in Family, School and Community*. Multilingual Matters. DOI: <https://doi.org/10.21832/9781853596940> (In English)
15. Poeste M., Müller N., Arnaus-Gil L. (2019). Code-mixing and language dominance: bilingual, trilingual and multilingual children compared // *International Journal of Multilingualism* Volume 16. Issue 4. // URL:
<https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14790718.2019.1569017>. (In English)

Авторы публикации

Алексеева Ирина Сергеевна –
 кандидат филологических наук, профессор
 РАО, РГПУ им. А.И. Герцена
 г. Санкт-Петербург, Россия
 Email: i.s.alexeeva@gmail.com

Бояркина Альбина Витальевна – кандидат
 филологических наук, доцент
 РАО, РГПУ им. А.И. Герцена
 г. Санкт-Петербург, Россия
 Email: a.boyarkina@spbu.ru

Authors of the publication

Alekseeva Irina Sergeevna –
 PhD in Philology, Professor
 Russian Academy of Education,
 Herzen University Saint-Petersburg, Russia
 Email: i.s.alexeeva@gmail.com

Boyarkina Albina Vitalevna –
 PhD in Philology, Associate Professor
 Russian Academy of Education
 Herzen University Saint-Petersburg, Russia
 Email: a.boyarkina@spbu.ru

Просюкова Ксения Олеговна –
 кандидат педагогических наук, доцент
 Казанский федеральный университет
 г. Казань, Россия
 Email: KOProsjukova@kpfu.ru
 ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8567-4658>

Prosyukova Ksenia Olegovna –
 PhD in Education, Associate Professor
 Kazan (the Volga region) Federal University
 Kazan, Russia
 Email: KOProsjukova@kpfu.ru
 ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8567-4658>

Тахтарова Светлана Салаватовна –
 доктор филологических наук, доцент
 Казанский федеральный университет,
 г. Казань, Россия
 Email: SSTahtarova@kpfu.ru
 ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9268-6892>

Takhtarova Svetlana Salavatovna –
 Doctor in Philology, Associate Professor
 Kazan (the Volga region) Federal University
 Kazan, Russia
 Email: SSTahtarova@kpfu.ru
 ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9268-6892>

Поступила в редакцию: 29.04.2021

Принята к публикации: 21.05.2021

Казанский лингвистический журнал
Международный научный рецензируемый журнал

Главный редактор – С.С. Тахтарова

Выпускающий редактор – А.Р. Лисенко

Шеф-редактор – Д.Р. Сабирова

Ответственный редактор – А.А. Абдрахманова

Научные редакторы:

Ф.Л. Ратнер (педагогика)

Л.Е. Бушканец (литературоведение)

Л.Р. Сакаева (лингвистика)

16+

Дата выхода в свет: 29.06.2021. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 70x108 1/16. Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Издательства Казанского университета

Адрес: ул. Профессора Нужина, 1/37, г. Казань, Россия, 420008 Телефон: +7 (843) 233-73-59, +7 (843)

233-73-28 Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции

Редакция не несёт ответственности за содержание публикаций

Распространяется бесплатно

Kazan Linguistic Journal
International peer-reviewed journal

Chief editor – S.S. Takhtarova

Executive editor – A.R. Lisenko

Press and editorial manager – D.R. Sabirova

Responsible editor – A.A. Abdrakhmanova

Scientific editors:

F.L. Ratner (pedagogics)

L.E. Bushkanets (literary studies)

L.R. Sakaeva (linguistics)

16+

Date of publication: 29.06.2021. Offset paper. Printing is digital. Format 70x108 1/16. Edition of 500 copies

Printed from the finished layout in the printing house of Kazan University publishing House

Address: 1/37, Professor Nuzhina str., Kazan, Russia, 420008

Phone: +7 (843) 233-73-59, +7 (843) 233-73-28

Reprinting of materials is allowed only with the written permission of the editorial Board

The editors are not responsible for the content of publications

Available free of charge